

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

БАЙДАРОВА Марина Александровна

**МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, доцент,
С.Ю. Суменков

Саратов – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ	20
1.1. Генезис исключений в контексте социальной регуляции	20
1.2. Исключения в праве: понятие и сущность.....	35
1.3. Исключительная норма как необходимая детерминанта реализации исключений в праве.....	52
1.4. Формы выражения исключений и особенности их реализации.....	70
ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	88
2.1. Целевое предназначение реализации исключений в праве и их функциональная нагрузка	88
2.2. Особенности реализации исключений в правотворчестве	108
2.3. Формы реализации исключений и специфика их применения.....	135
2.4. Толкование исключений как важнейшее направление оптимизации их реализации.....	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. В современном российском праве можно констатировать предельно высокую концентрацию норм, содержащих исключения из унифицированных стандартов правового регулирования. Такие исключения, выступая в качестве изъятий или дополнений из общих, а равно как и специальных правил, устанавливают иной альтернативный вариант регуляции. Необходимость в исключениях детерминирована многообразием общественных отношений, динамикой социальных процессов, разнообразием субъектов, в них участвующих, ощутимым диапазоном различных жизненных случаев, фактических обстоятельств, нуждающихся в правовой регламентации. Право, даже в идеальном его восприятии, не стоит трактовать лишь как совокупность единых для всех правил. Последние, в силу их абстрактного характера, не могут учесть все грани, нюансы, особенности и специфику конгломерата отношений, подпадающих под регулятивное воздействие права. В свою очередь, на настоящем этапе исторического развития абсолютно невозможна унификация специфики различных сфер бытия социума посредством казуистических предписаний.

Все это предопределяет объективность существования исключений в праве, несмотря на очевидное нивелирование роли права как непреложного образца поведения; обуславливает важность изучения исключений, освещения их генезиса, присущих им отличительных качеств.

Важность темы диссертационной работы детерминируется запросами юридической практики. Должная реализация исключений обеспечивает эффективность и динамичность правовой регламентации в целом и разрешение конкретной жизненной ситуации в частности.

Подобное, безусловно, зависит от выверенности и согласованности компонентов, составляющих механизм реализации исключений в праве.

Значимость последнего в еще большей степени актуализируется в условиях катастроф стихийного либо техногенного характера, пандемий, эпидемий, требующих нестандартного и оперативного инструментария, позволяющего обеспечить необходимую результативность правореализации, не нарушая тем не менее основополагающие принципы права, оставаясь в его рамках.

Таким уникальным юридическим средством выступают исключения из правил, механизм реализации которых выражается в правотворческом, правоприменительном и правоинтерпретационном сегментах.

Необходимой предпосылкой реализации исключений в праве является их изначальная формализация в определенном официально признаваемом государством источнике посредством соответствующей правотворческой деятельности, что делает целесообразным включение правотворческой составляющей в общий механизм реализации юридических исключений. От тщательности институционального закрепления исключений, а также от соответствия их содержания и предназначения выбранной форме права для их материального выражения зависит во многом эффективность функционирования всего механизма их реализации.

Реализация исключений в праве тесным образом увязана и с проблемой правоприменительного усмотрения, что актуализирует научные исследования, направленные на выяснение пределов усмотрения субъектов правоприменительной деятельности в ходе использования данного правового инструмента, поскольку на практике нередки случаи злоупотребления со стороны правоприменителя.

Обязательность толкования исключений в праве объясняется значимостью адекватного разъяснения субъектом правоинтерпретационной деятельности всем заинтересованным участникам правового отношения сущности исключения, верности его выбора и применения. В проекции к исключениям наличие разъяснений подобного рода порождает

необходимость в их корреляции с правотворческими и правоприменительными актами, градации их юридической силы.

Все вышеизложенное позволяет сделать вполне убедительный вывод о своевременности и обоснованности разработки общетеоретической модели механизма реализации правовых исключений, включающей в себя правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную составляющие. Создание подобного рода модели, равно как и действительно существующая потребность в исследовании самих исключений из правил в сфере правового регулирования, демонстрируют актуальность избранной темы диссертации.

Степень научной разработанности проблемы. На наличие исключений из единых для всех правовых требований акцентировали внимание такие мыслители прошлого, как А.Г. Гойхбарг, В.М. Гессен, Р. ф. Иеринг, К.А. Неволин, Ф. Регельсбергер, С. Сигеле, Г.Ф. Шершеневич.

Среди ученых современного периода, исследовавших проблематику исключений в праве, можно назвать имена таких правоведов, как С.С. Алексеев, В.М. Баранов, Н.А. Власенко, Т.В. Кашанина, А.В. Малько, И.С. Морозова, А.Г. Репьев, И.Н. Сенякин, А.Ф. Черданцев.

В той или иной степени затрагивали в своих научных трудах вопросы, обусловленные присутствием в праве исключений, Г.Х. Афзалетдинова, М.В. Баранова, П.А. Гук, М.Л. Давыдова, И.А. Минникес, Д.А. Провалинский, Е.А. Роман, Н.И. Сухова.

В отраслевых науках отдельные аспекты, связанные с исключениями, изучались В.В. Агафоновым, Е.С. Аничкиным, Н.С. Бондарем, Ю.В. Капраловой (конституционное право), О.В. Соболевым, А.О. Поддубным (административное право), К.С. Безиком (гражданское право), А.А. Исаенковым (гражданско-процессуальное право), Д.А. Дорогиной, М.С. Коробейниковой, А.Е. Куковьякиным, А.М. Мифтаховым, С.В. Розенко (уголовное право), В.С. Левиным (финансовое право), Р.А. Рожковым

(налоговое право), С.А. Соловьевым (уголовно-процессуальное право), Л.В. Графом, Н.В. Тесля (земельное право).

Общие закономерности формирования и функционирования механизма реализации права весьма детально раскрываются в работе Ю.С. Решетова¹. С позиции инструментального подхода в юриспруденции данный механизм, понимаемый как совокупность правовых средств, был скрупулезно проанализирован В.А. Сапуном².

Непосредственно исключениям из правил посвящены две работы общетеоретического характера: кандидатская диссертация И.А. Муравьева³ и докторская диссертация С.Ю. Суменкова⁴. Максимально высоко оценивая значимость данных научных изысканий, хотелось бы отметить, что диссертация И.А. Муравьева в доминанте своей посвящена лишь одной из форм объективирования исключений.

Однако на настоящий момент в правовой науке отсутствует комплексный подход к анализу проблем реализации исключений в сфере правового регулирования, что во многом предопределило выбор темы настоящего диссертационного исследования. Представленная диссертация призвана устранить пробелы в юридическом знании о специфике практической реализации исключений в праве посредством создания соответствующей общетеоретической модели механизма претворения в жизнь норм права, устанавливающих исключения из общих и специальных предписаний.

Объектом исследования выступают исключения в праве, процесс их реализации и толкования.

¹ См.: Решетов Ю.С. Механизм реализации советского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1991.

² См.: Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

³ См.: Муравьев И.А. Законодательное исключение: (теория, практика, техника) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009.

⁴ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве : общетеоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016.

Предмет исследования составляют понятие и общие закономерности формирования, функционирования и совершенствования механизма реализации исключений в праве, его содержание и структура.

Цели и задачи исследования. Цель диссертации заключается в разработке и обосновании общетеоретической модели механизма реализации исключений в праве, представляющей собой единство правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной составляющих, в получении новых научных знаний об исключениях из правил и особенностях их реализации, предложения путей и способов устранения и минимизации проблем, сопутствующих реализации исключений.

Указанной цели корреспондируют следующие **задачи** диссертационного исследования:

- рассмотреть в исторической ретроспективе процесс становления и развития исключений из правил как неотъемлемого компонента социальной, в том числе и правовой регуляции;
- обосновать необходимость использования инструментального подхода в понимании исключений в праве;
- сформировать авторское определение понятия исключительной нормы права;
- раскрыть специфику формализации исключений в различных формах права, предопределяющих особенности их дальнейшей реализации на практике;
- установить целевые ориентиры реализации и функциональную природу исключений в праве;
- определить и проанализировать технико-юридические приемы и правила формализации исключений в российском праве;
- выявить особенности осуществления исключительных нормативных правовых предписаний в жизнь применительно к основным формам реализации права;

- рассмотреть роль и значение официального толкования исключений в праве в рамках механизма их реализации;
- изучить вопрос о правоприменительном усмотрении и его пределах в механизме реализации исключений в праве;
- выявить условия и критерии эффективности механизма реализации исключений, а также определить основные способы устранения дефектов, препятствующих действию данного механизма.

Методологическая основа исследования. В основу теоретического познания исключений в праве и механизма их реализации был положен целый ряд методов, к основным из которых относятся следующие.

Диалектический материализм выступил магистральным методом исследования, прежде всего, благодаря имеющемуся в его арсенале закону единства и борьбы противоположностей, позволившему определить диалектику взаимосвязи правил и исключений в правовом регулировании.

Исторический метод был полезен в ходе освещения генезиса исключений, определения тождества их свойств при отражении в правовых памятниках различных периодов истории.

Системно-структурный метод применялся в целях обоснования модели трехэлементной структуры механизма реализации исключений, включающей в себя правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную составляющие.

Кибернетический метод, включающий в себя закон необходимого разнообразия, был положен в обоснование объективности существования исключений в праве и потребности в их надлежащей практической реализации.

Теоретическая основа исследования. Изучение заявленной проблематики основывается, прежде всего, на постижении фундаментальных постулатов общей теории права. Автор в своих научных изысканиях опирался на произведения С.С. Алексеева, М.И. Байтина, В.М. Баранова, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, О.Э. Лейста, В.П. Малахова, М.Н. Марченко,

А.В. Малько, Н.И. Матузова, В.В. Лазарева, Н.А. Придворова, Т.Н. Радько, Ю.С. Решетова, В.А. Сапуна, И.Н. Сенякина, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова, А.Ф. Черданцева.

Исследование исключений в праве предполагает анализ трудов таких ученых, как М.В. Баранова, П.А. Гук, М.Л. Давыдова, Т.В. Кашанина, И.А. Минникес, И.С. Морозова, И.А. Муравьев, Д.А. Провалинский, А.Г. Репьев, Е.А. Роман, С.Ю. Суменков, Н.И. Сухова.

Отдельные вопросы, возникающие в ходе разработки темы исключений и механизма их реализации, детерминировали обращение к публикациям С.А. Белоусова, В.П. Малахова, В.В. Ныркова, В.В. Субочева, В.В. Трофимова, К.В. Шундикова.

В процессе написания диссертации широко использовались достижения отраслевых юридических наук.

Должное познание исключений, осознание роли их реализации при упорядочении общественных отношений, уяснение специфики их практического воплощения обусловили необходимость освещения позиций Р. Давида, Г. Кельзена, В.И. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса, Р.У. Эшби.

Нормативно-правовая основа исследования. Нормативную основу диссертации составляют традиционно выделяемые в общей теории права формы (источники права в юридическом смысле). С учетом специфики правовой системы России, нормативные правовые акты, содержащие исключения из правил и определяющие порядок их реализации, следует считать доминантной нормативной основой исследования. К таким актам относятся различные виды как общефедеральных законов, так и законов субъектов федерации, а также подзаконные нормативные правовые акты федерального, регионального, муниципального, локального уровней. Отдельную группу составили рассмотренные в ретроспективном аспекте российские и зарубежные нормативные акты, утратившие юридическую силу.

В диссертации имеются примеры правовых обычаев и нормативных договоров, в которых зафиксированы исключения из правил.

Особым источником права, подвергнутым анализу в работе, выступают акты высших судебных органов, некоторые из которых обладают прецедентным характером, позволяющим констатировать нормативность объективированных в них исключений.

Эмпирическая основа исследования. Эмпирическая основа диссертационного исследования включает в себя правореализационные акты уполномоченных субъектов, содержащие в себе властное индивидуализированное решение о применении исключения из правила. В диссертации представлен широкий спектр подобного рода правоприменительных актов: это акты судов, входящих в судебную систему России, а также акты ЕСПЧ, акты органов прокуратуры, акты органов государственной исполнительной власти Российской Федерации.

В эмпирическую основу работы входят также акты официального толкования, относящиеся как к нормативному, так и казуальному толкованию, в которых содержатся компетентные разъяснения исключений из правил в сфере правового регулирования.

Научная новизна исследования. Новизна диссертации предопределена целью исследования, в соответствии с которой в работе сформирована комплексная общетеоретическая модель механизма реализации исключений в праве, включающая в себя его понятие, структуру, целевую и функциональную характеристику, а также определение условий и критериев эффективности действия данного механизма.

Одной из центральных идей работы является утверждение о необходимости рассмотрения механизма практического воплощения исключений в праве в единстве трех его составляющих – правотворческой, правоприменительной и правоинтерпретационной, ориентированных на преодоление и нивелирование проблем, сопутствующих реализации правовых исключений.

Новизна работа состоит также в раскрытии и уточнении таких вопросов, как: особенности исторического становления и развития исключений в праве; характеристика исключений как юридических средств; понятие и отличительные признаки исключительных норм; технико-юридические приемы и правила формализации исключений в законодательстве и иных источниках права; специфика реализации исключений в зависимости от форм их выражения; цели и функции реализации исключений в праве; правоприменительное усмотрение и его пределы в процессе реализации правовых исключений и др.

Новеллой выступают выявление и теоретическое описание корреляции исключений, реализуемых с помощью изъятий или дополнений, с соблюдением, исполнением и использованием права.

Наличествующее в отечественной юриспруденции учение об исключениях в праве дополняется теоретическими положениями о критериях и условиях эффективности механизма их реализации, об основных способах устранения дефектов и препятствий в его функционировании.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Доказывается, что наличие исключений в самых ранних формах социальной регуляции обусловлено объективной невозможностью регулировать разнообразные общественные отношения и согласовывать многочисленные и разновекторные интересы членов социума, основываясь только на правилах, имеющих в доминанте своей ограничительную (запретительную) природу. Исключения выражаются во всех разновидностях социальных норм, генезис которых убедительно иллюстрирует как причину – разнообразие общественных отношений, так и способы воздействия исключений на правила – посредством изъятий и дополнений. Неизменная нацеленность исключений на создание альтернативного правилам варианта регулирования наиболее ярко демонстрируется в юридических нормах вне зависимости от исторического периода и превалирования классовых либо общечеловеческих начал в праве.

2. Механизм реализации исключений в праве определяется как находящаяся в динамике и характеризующаяся неразрывным единством система правовых средств исключительного характера, предназначенная для обеспечения эффективной и индивидуализированной регламентации общественных отношений, с целью достижения их разумности и определенности.

В качестве составляющих данного механизма выделяются правотворческий, правоприменительный и правоинтерпретационный блоки. Посредством правотворческой деятельности осуществляется формализация исключений в системе нормативных правовых актов и в иных источниках, что в дальнейшем предопределяет специфику их толкования и реализации с учетом соответствующей формы права.

3. Обосновывается идея о том, что более дробными элементами названного механизма выступают: 1) исключительная норма, содержащая исключение из правила и предусматривающая условия и критерии реализации данного исключения; 2) юридический факт, требующий индивидуального правового разрешения; 3) правоотношения, возникающие в процессе реализации исключительной нормы; 4) правореализационный акт, содержащий индивидуально-властное решение о реализации (применения) исключения из правил; 5) акт официального толкования, разъясняющий суть и содержание исключительной нормы или (и) акта её реализации (дополнительный элемент).

4. Устанавливается необходимость рассмотрения исключения в качестве специфического юридического средства, обладающего дуалистической природой и относящегося к группе средств-инструментов на уровне их формализации в законодательстве и иных источниках права и к средствам правореализации при их последующем воплощении в жизнь на уровне индивидуального правового регулирования.

Исключение в праве представляет собой юридическое средство, получившее государственное санкционирование и нормативное закрепление,

действующее благодаря изъятиям или дополнениям из правила, подразумевающее собой противоположное правилу, но не противоречащее ему дозволение либо ограничение, создающее иной режим регулирования общественных отношений.

5. Диалектика взаимосвязи исключения в праве и корреспондирующего ему общего правила раскрывается в следующих утверждениях: о неразрывном единстве правил и исключений из них, представляющих целостную систему правового регулирования; о воплощении исключений в качестве юридических средств, реализация которых осуществляется такими способами как изъятие из правила или (и) дополнения к общему правилу; об олицетворении исключениями как юридических средств дозволений либо ограничений, направленных на находящиеся в полярном отображении правила; об обеспечении надлежащего уровня дифференциации в системе права посредством создания в виде исключения иного предписания, по сравнению с правилом, но не нарушающего его варианта регуляции.

6. Необходимым отправным условием реализации исключений в праве следует считать их нормативное оформление, подразумевающее выделение в системе права исключительных норм. Именно фиксация исключений в норме обуславливает потенциальную возможность их реализации.

Предлагается авторская дефиниция исключительной нормы как особой разновидности специальных норм, содержащей в себе исключение из правил, реализуемое посредством изъятий или (и) дополнений из общих либо специальных предписаний, детерминирующей иной, альтернативный вариант юридической регламентации. При этом аргументируется позиция, согласно которой между общими, специальными и исключительными нормами возможно установление конкуренции или возникновение коллизий. Коллизионность норм – отрицательное явление, нуждающееся в нивелировании; конкуренция же указанных норм разрешается в пользу исключительных норм права.

7. Утверждается, что реализация исключений направлена на достижение определенных целевых установок, отражающих динамику правовой регламентации. Целями реализации исключений выступают удовлетворение законных интересов субъектов правоотношений; достижение разумности и определенности при упорядочении общественного отношения; обеспечение необходимого дифференцированного регулятивного действия права в отношении особых, исключительных случаев.

Названные цели могут быть достигнуты посредством выполнения исключениями следующих функций: регулятивной, охранительной, гарантирующей, стимулирующей, компенсационной.

Регулятивная функция исключений выражается в имплементации разумности и определенности при разрешении конкретного казуса, что обеспечивает точечную регламентацию всего массива общественных отношений. Охранительная функция заключается в правовом воздействии, направленном на защиту позитивных явлений в обществе, а равно в предупреждении и вытеснении асоциальных (отрицательных) проявлений. Гарантирующая функция представляет собой направление правового воздействия на социальные отношения, состоящие в обеспечении предусмотренных и гарантированных исключениями правомочий участников этих отношений. Стимулирующая функция исключений воплощается в правовом воздействии на общественные отношения, детерминируемые способностью исключений, подразумевающих собой преимущества, к побуждению субъектов права на некоторые правомерные действия, с целью удовлетворения интересов как личности, так и государства. Компенсационная функция исключений, состоит в восстановительном, компенсирующем правовом воздействии на общественные отношения.

8. Делается вывод о том, что формализация исключений в праве осуществляется посредством преимущественно двух технико-юридических инструментов – отсылки и оговорки.

Отсылки связаны со структурой юридической нормы; в свою очередь, оговорки необходимы при создании соответствующего правового акта, подпадающего под определение той или иной формы права. За счет оговорок достигается необходимая модель правового регулирования, заключающаяся в создании не только правил, но и исключений из них.

9. Аргументируется, что реализация исключений выражается в предоставлении дозволений либо в установлении ограничений. Тем самым связующим звеном между исключениями в праве и формами реализации права выступает подразумеваемая исключениями возможность учреждения дозволений из ограничений и наоборот.

Исключения при соблюдении предстают в виде дозволений из правил-запретов. Но если для соблюдения характерен дозвольтельный порядок, то исключением служит запрет.

При исполнении права, где генеральную роль играют обязывания, исключения выполняют миссию дозволений. Однако, если правилом при исполнении выступает дозволение, то исключения предстают как ограничения из них.

Использование права основывается на дозволениях, исключения выражаются в виде ограничений. В юридической практике может возникнуть ситуация, когда при использовании права исключения олицетворяют собой дозволения.

10. Постулируется, что применение исключений носит государственно-властный характер, предопределяющий их включение в индивидуальное правовое регулирование. Одновременно делается вывод о наличии усмотрения в ходе применения исключений в праве. Усмотрение применения большей части исключений - объективная данность, обеспечивающая результативность, дифференцированность и оперативность правового регулирования. Применение исключений по усмотрению диспозитивно олицетворяет собой правовую возможность, которая накладывается на стадии (этапы) применения права: управомоченный субъект, оценивая

реальную обстановку, усматривает возможность применения исключения (установление фактической основы дела); формирует умозаключение о необходимости реализации именно нормы, содержащей исключение (установление юридической основы дела); совершает властное действие – принимает решение о применении исключения (принятие решения по делу).

11. Толкование исключений в праве трактуется как процесс их уяснения и разъяснения, потребность в котором объясняется сложной корреляцией содержания (исключительной нормы) и формы отражения исключений; использование отсылочного и бланкетного способа изложения исключений; специфика терминов, подразумевающих понятие «исключение в праве», высокая степень абстрактности, заложенная в большинстве исключений; доминирование в их природе диспозитивных начал. Все вышеназванные факторы затрудняют процесс реализации исключений из правил, обуславливая необходимость толкования в механизме их реализации.

Официальное толкование определяется в качестве магистрального направления при интерпретации исключений в праве, поскольку разъяснение исключительных предписаний, имплементированных в норму права и предназначенных для применения, должно предполагать официальность последствий такого толкования.

В ходе толкования исключений в праве наиболее часто применяются такие способы как: грамматический, формально-юридический, исторический, системный, логический, телеологический, функциональный, сравнительно-правовой.

12. Эффективность механизма реализации исключений определяется посредством сопоставления изначально определенных целевых установок для данного механизма и степени их достижения на практике. Привнесение разумности и определенности в разрешение каждого отдельного жизненного казуса выступает оптимальным и необходимым результатом механизма реализации исключений и критерием его оценки. Дефектом названного механизма является превалирование исключений над правилами,

злоупотребление исключительными положениями, входе их реализации, неверная либо не корректная интерпретационная трактовка исключительных предписаний или (и) особенностей их реализации.

Обеспечению эффективности механизма реализации исключений способствует нивелирование названных дефектов на правотворческом (точность, чёткость, предельно допустимая конкретность исключительных норм и надлежащая юридическая оформленность); правореализационном (максимально полный учёт требований исключительных норм, соответствие их содержанию, условиям и критериям реализации, нормативно предусмотренный контроль за ней, и прежде всего, применением исключений, окончательность и результативность применения); правоинтерпретационном (выверенное, корректное, мотивированное, юридически значимое разъяснение как содержания исключительных норм, так и процесса их реализации) уровнях данного механизма.

Теоретическая значимость работы. В диссертационном исследовании разработана модель механизма реализации исключений в праве, интегрирующая в себе правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную составляющие. В проекции к данной модели проведен исторический анализ генезиса исключений, доказывающий олицетворение исключением альтернативного варианта регуляции. Уточнена дефиниция исключения в праве, основанная на сочетании двух бинарных пар – изъятий и дополнений как способов реализации исключений, и дозволений и ограничений, олицетворяющих юридические средства исключения. В диссертации предложено определение исключительной нормы как детерминанты их реализации. В работе рассмотрены цели реализации исключений и сопутствующие им функции, изучена специфика реализации исключений в различных формах, в которых исключения получают свое внешнее выражение, освещена роль исключений в правотворческом процессе, раскрыты основные особенности применения исключения,

доказана необходимость толкования исключений из правил при их реализации.

Основные положения диссертации могут быть использованы для дальнейших концептуальных исследований полиморфии альтернативных вариантов юридической регламентации, необходимой при практическом разрешении атипичных жизненных казусов.

Доктринальные идеи диссертации могут оказаться полезными для усиления потенциала общей теории права, историко-правовых и отраслевых юридических наук.

Практическая значимость работы. Выводы и обобщения, полученные при проведении настоящего исследования, имеют безусловное практическое значение. В частности, востребованными практикой могут считаться умозаключения относительно структуры механизма реализации исключений, разрешения вопросов конкуренции общих, специальных и исключительных норм, соотношения императивных и диспозитивных начал в праве, комбинировании абстрактного и конкретного при разрешении нестандартных жизненных ситуаций.

Ценность работе придают содержащиеся в ней рекомендации, направленные на оптимизацию форм объективирования исключений, детализацию места и роли исключений в арсенале правотворчества, нивелирование рисков произвольного усмотрения исключений и необоснованного их применения, корректировку и совершенствование толкования исключений.

Результаты диссертационного исследования нашли отражение в ходе педагогической деятельности автора при преподавании учебного курса «Теория государства и права».

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертации опубликованы в четырнадцати научных статьях, девять из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Результаты диссертационного исследования были озвучены автором в выступлениях на научно-представительских мероприятиях, среди которых XXI Международный научно-практический форум «Юртехнетика», проводимый в формате «круглого стола» и в жанре дискуссионного клуба на тему «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации» (г. Нижний Новгород, 26-27 сентября 2019 г.), Международная научная конференция «Актуальный вектор государственно-правовых исследований: проблема применения междисциплинарного подхода в теории и практике государства и права» (г. Тамбов, 3-4 октября 2019 г.), Международная научно-практическая конференция «Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития» (г. Иркутск, 05 октября 2019 г.), Международный научно-практический круглый стол «Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне» (г. Минск, 11 октября 2019 г.), VII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Пределы правового регулирования общественных отношений: теоретические и отраслевые аспекты» (г. Казань, 31 октября – 1 ноября 2019 г.).

Диссертация подготовлена на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», где проходило ее обсуждение и рецензирование.

Структура диссертации детерминирована особенностями объекта и предмета исследования, поставленной целью и обусловленными ею задачами, а также логикой исследования. Работа состоит из введения, двух глав, каждая из которых разделена на четыре параграфа, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ

1.1 Генезис исключений в контексте социальной регуляции

Исключение есть явление объективной действительности, смысл которого заключается в неподчинении общему правилу.

Для настоящего исследования интерес представляет понятие «исключения» как феномен, альтернативный правилу.

В таком аспекте исключения находят свое выражение в различных областях жизнедеятельности: автоматике (вычислительной технике¹, информатике², логике³, легкой промышленности⁴, программировании⁵, религии, строительстве⁶, туризме⁷, физике⁸ и так далее.

Наиболее ярко, исключения проявляют себя в сфере человеческого общежития.

Существование подобного рода исключений обусловлено необходимостью более эффективной регламентации социума.

За период своего генезиса человечество разработало различные социальные нормы, необходимые для упорядочения отношений между людьми.

¹ См.: Кичигин Д.Ю., Машечкин И.В., Петровский М.И. Реализация алгоритма поиска исключений в виде провайдера OLE DB FOR DATA MINING // Программные продукты и системы. 2004. № 2. С. 6.

² См.: Емельянов А.А., Власова Е.А. Решение задачи взаимного исключения и координации процессов // Прикладная информатика. 2007. 6 (12). С. 123-128.

³ См.: Павлов А.В. Алгебра Фурье - дуальных операций: логика с исключением // Искусственный интеллект и принятие решений. 2012. № 3. С. 26-38.

⁴ См.: Сокова Г.Г., Землякова И.В., Музалевская А.А. Распознавание параметров переплетения ткани с использованием формулы включений и исключений // Вестник Костромского государственного технологического университета. 2008. №17. С. 28-29.

⁵ См.: Волушкова А.Ю. Анализ работы с исключениями в различных языках программирования // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 1 (4). С. 62-67.

⁶ См.: Укусов С.Н., Соловьев А.В. Применение метода жордановых исключений в случае конфликтных ситуаций в строительстве // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. 2 (15). С. 89-93.

⁷ См.: Рубис Л.Г. Методические рекомендации по исключению несчастных случаев на маршрутах // Педагогика и современность. 2017. № 1 (27). С. 76-78.

⁸ См.: Рысин А.В. Революция в физике на основе исключения парадоксов. М., 2013. С. 67, 81, 189, 199, 229.

Соответственно, актуальным представляется исследование наличия исключений в первобытном обществе, в особенности обычаях, регламентирующих жизнь членов родовой общины, в религиозных предписаниях и в правовых исторических памятниках.

В таком ракурсе представляется целесообразным обратиться к истории человечества, прежде всего, к этапу, когда начинает складываться первобытное общество.

Оно, как известно, берет начало своего развития с процесса становления человека как биосоциального существа.

Человеческое стадо¹ представляет не вновь одномоментно возникший комплекс, а длительный процесс социализации и рационализации поведения человека, процесс его выделения из животного мира и формирования человеческой общности. Животная стадность при этом является предпосылкой образования человеческого коллектива, основанного на коллективном труде.

Происхождение, существование и непрерывное развитие общества объективно диктует необходимость упорядочивания сложившихся отношений, закрепления типичных и устойчивых общественных связей.

Данная потребность воплощается в рамках нормативности социальной деятельности людей. А.М. Золотарев говорит, что первобытное стадо, как социальное объединение, неизбежно вырабатывает известные нормы социального поведения². Эти нормы представляли собой правила, выраженные в форме обычаев. Общество, находящееся в состоянии формирования первоначальных образцов общежития, всегда руководствуется неписанным законом, то есть обычаем.

¹ См.: Кашанина Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы: учебное пособие. М., 1999. С. 14.

² См.: Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 46.

Ключевым моментом было то, что правила, отражающиеся в обычаях, представляли собой не просто ограничения, а именно особую разновидность последних – запреты.

Тем самым, основным средством регламентации общественных отношений был запрет, охраняющий наиболее значимые общественные отношения.

Наиболее ярким проявлением запрета были табуированные правила.

Запреты-табу первобытного общества имели особый охранительный характер, поскольку их целевым предназначением были не только охрана общественных отношений, но и их регулирование. Устанавливались запреты в виде наложения табу на совершение тех или иных проступков – например, запрет на брак между кровными родственниками. Наряду с запретами, правила человеческого общежития предусматривали и такую разновидность ограничительных стандартов, как обязывания.

Позитивное обязывание означало организацию необходимого поведения. Например, гладиаторы должны были начинать сражение с приветствия «первого человека» Рима. Хорошо известно выражение, дошедшее до наших дней: «Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!»¹.

Наряду с феноменами ограничительного характера, регуляторами общественной жизни были и дозволения. Последние выступали (и выступают по настоящее время) как антиподы обязываний и запретов. Дозволения предусматривали разрешение каких-то жизненно важных действий. Например, устанавливался сезон охоты, сбора растительности, которую можно использовать для человеческих нужд.

Дозволения занимали крайне малое место по сравнению с запретами и обязываниями и исторически появились позже их.

Л.С. Явич обоснованно полагает, что сначала появляются запреты (табу) и только впоследствии, постепенно – обязанности и дозволения².

¹ Макуев Р.Х. Теория государства и права. М., 2006. С. 75.

² См.: Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982. С. 12-13.

Рассуждая подобным образом, можно прийти к выводу, что именно запреты и обязывания во многом выступали и выступают «границей» общественной свободы. Подобного рода запреты и обязывания находили свое отражение в обычаях, служащих отправными элементами социальной регламентации; в свою очередь, обычаи содержали правила поведения, объективно носящие ограничительный характер.

До появления сельского хозяйства, как особого целенаправленного способа добывания пищи, в обществах с присваивающей экономикой (например, охотников-собирателей) власть, как функция управления, основывалась на традициях (принцип старшинства в роду) или на личных качествах (например, как самого сильного или меткого)¹.

Со временем увеличение избыточного продукта в родовых общинах трансформировало систему коммуналистических отношений. Первоначально все члены общины получали равный доступ к добыче, так как она считалась общей. Постепенно принцип изменяется: при дележе часть продуктов становится индивидуальной собственностью конкретного члена племени. Ранее всего это правило распространилось на охотничьи трофеи. Именно в среде промышлявших охотой членов племени зарождаются новые стимулы к труду в виде публичного возвеличивания (восхваления) наиболее удачливых охотников. Необходимо учитывать, что важным фактором развития социальных и политических отношений внутри первобытной общины стал прогресс способов добывания пищи и технических средствах охоты. Например, изобретение лука позволило повысить эффективность охоты и возможность добывать больше мяса не всем родом или племенем, а малыми группами. Наиболее заметно это отразилось на половозрастном разделении труда и, как следствие, пол и возраст стали одними из критериев определения неравенства внутри общины. Постепенно распределение продукта становится прерогативой не коллектива в целом, а лишь группы охотников, что, в свою очередь, создает неравные отношения между теми, кто

¹ См.: Мердок Дж. П. Социальная структура. М., 2003. С. 108.

распределяет, и теми, кто получает. Параллельно в общественном сознании (в традициях) формируются и закрепляются представления о престижности процедуры раздачи, тем самым мотивируя членов общины создавать своим трудом больше продуктов для раздачи, добиваясь более высокого престижа в обществе¹.

Со временем первобытная экономика разделяется на жизнеобеспечивающую и престижную. Престижная экономика появляется тогда, когда какие-либо предметы или продукты приобретали форму подарков или обмена между членами общины. Как полагал М. Мосс, такой обмен считался необходимым атрибутом жизни племени: он касался не только пищи, охотничьих трофеев или орудий труда, но и женщин, детей, имущества, талисманов, жреческих услуг, а также внутриобщинных рангов, все это являлось предметами дарения и передаривания, то есть передачи и возвращения².

Жизнь в обществе усложнялась; наряду с общими интересами появлялись и групповые, и индивидуальные интересы, в основе которых также были положены не только субъективные, но и объективные факторы.

Регулирование общественных отношений только лишь путём соблюдения и исполнения правил в виде запретов и ограничений невозможно. Для создания благоприятных условия опережающего и прогрессирующего развития должны использоваться и более гибкие инструменты.

Многообразие интересов, невозможность их абсолютного ограничения и необходимость в их сочетании обуславливают появление исключений из правил.

¹ См.: Войнов Д.А. Процессы зарождения государства и государственного управления в древних аполитийных обществах // Проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии. М., 2014. Вып. 1. С. 122.

² См.: Гофман А.Б. Социологические концепции Марселя Мосса // Концепции зарубежной этнологии. М., 1976. С.117-118.

Исключение находит своё гармоничное отражение в предписаниях, выступающих в качестве социальных регуляторов общественных отношений.

Характерным примером служат исключения, выступающие как социальные привилегии, предоставляющие возможность удовлетворять свои интересы.

Наглядной социальной привилегией является проявление уважения и заботы к старшему поколению.

Подобного рода привилегии (без всякого сомнения, обозначающие исключения¹). На сегодняшний день в отдельных социальных группах сохранились так называемые «внеправовые» преимущества, основанные на праве сильного и его власти над слабым, психологическом подавлении одних другими (к примеру, осужденные, преступные группы)².

Естественность исключений, объективность их присутствия в отношениях между людьми детерминировало их появление в таком важном и сложном компоненте социума, как религия.

Религиозные предписания являются следующим более сложным, по сравнению с обычаями и традициями родового строя, подвидом социальных норм, непосредственно предшествующих правовому регулированию.

Более того, в тех обществах, где религия (в частности, ислам) существует как государственная, официальная, то там право выступает лишь в качестве «одной из сторон религии ислама»³.

Религия непременно основывается на незыблемых, фундаментальных канонических правилах, жестко регламентирующих все стороны бытия верующих, в том числе и поведения в обыденной земной жизни. Эти

¹ См. об этом: Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005.

² См.: Репьев А.Г. Преимущества в праве: общетеоретический аспект. Барнаул, 2018. С. 39. Его же. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : дис. ...д-ра юрид. наук. Саратов, 2019. С 74.

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 308.

правила, также выражаются в форме ограничений (прежде всего запретов), хотя могут выступать и как дозволения.

Но и из этих, казалось бы, нерушимых постулатов имеются исключения. Это объяснимо, так как и религиозные нормы, при всем их своеобразии и специфике, не могут не учитывать поразительное многообразие жизненных обстоятельств своих адептов.

Общеизвестно, что Рамадан - месяц обязательного для мусульман поста. Соблюдение поста в Рамадан является одним из пяти столпов ислама. Однако, Священный Коран, устанавливая обязательность поста, в тоже время предусматривает и исключения в нем. Если человек находится в пути или же болен, на нем нет обязанности соблюдения поста. Как только болезнь проходит или человек возвращается из путешествия, он может восстановить то количество дней, которое пропустил. Но если эта болезнь, к примеру, неизлечима, то больной должен раздать милостыню и накормить нуждающихся и неимущих людей.

Религиозные правила затрагивают не только повседневную, но и обрядовую сторону отправления культа. Соответственно, наряду с ритуальными правилами присутствуют и исключения.

Так, в православном храме во время богослужения по общему правилу принято стоять. Сесть и отдохнуть разрешается только в случаях нездоровья. Святитель Филарет Московский сказал: «Лучше сидя думать о Боге, нежели стоя – о ногах»¹.

Следует отметить, что в социальной сфере сложно определять какие-либо единые правила и общепризнанные исключения из них².

Всеобщность и объективность исключений, о которых пишет С.Ю. Суменков, неизбежно проявляются и в таких особых, появившихся уже после социальных норм доклассового общества и религиозных постулатов,

¹ Сайт «Дышу православием» // URL:<http://www.dishupravoslaviem.ru> (дата обращения 01.07.2018).

² См.: Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 21.

юридических нормах. Здесь следует согласиться с мнением И.С. Морозовой о том, что «исключения заложены в самой правовой материи, начиная с первичных элементов и заканчивая фундаментальными формами ее движения»¹.

Исключения из правил существуют уже в Кодексе Хаммурапи². Так, в параграфе 251 Законов Хаммурапи «ответственность за причинение вреда быком обставлялась рядом условий (об опасности должен был заявить сосед; хозяин не притупил рога), то это свидетельствует о вызревании известного общего начала, из которого делают исключения в случаях, если не соблюдены условия»³.

Исключения из правил в правовой сфере присутствовали в законодательстве Древнего Рима. «Комплекс таких исключений и, соответственно, их регулятивное воздействие обозначались римлянами как *ius singulare* – право исключительное»⁴. «*Ius singulare* по источникамъ есть не что иное, какъ исключительное право для определенного класса лицъ, вещей, юридическихъ сделок или правоотношений»⁵.

В данном подходе зарождения исключений просматривается технико-юридический характер, когда в нормах действующего права уже формируется логическая модель соответствующего типа правового регулирования.

Особый интерес, вызванный географическими и историческими детерминантами, представляют положения следующих правовых памятников: Великой Ясы Чингисхана и Русской Правды.

¹ Морозова И.С. Юридические исключения как объект научного // Юридическая мысль. Научно-практический журнал. 2006. № 6 (37). С. 19-30.

² См. об этом подробнее: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 296-297.

³ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 206.

⁴ Роман Е.А. Формальная определенность как характеристика правового исключения // Юридическая гносеология. 2017. № 2. С. 34.

⁵ Регельсбергеръ Ф. Общее учение о правѣ. М., 1897. С. 115.

Монгольское слово яса (более полная форма «ясак»; монгольское – дзасак, йосун) означает «постановление», «закон» или «декрет»¹.

«Великая Яса Чингисхана» – санкционированный Чингисханом монгольский свод императорских законов и собрание общепринятых монгольских правовых установлений.

В качестве наглядного примера можно привести следующее общее правило, носящее, без сомнения, обязывающий характер: «мужчины должны заниматься только охотой и войной»².

Это правило было вызвано условиями жизни, войной, стремлением во всем монголов к победам, так как в те времена только победа над врагом была способна избавить народ от постоянной угрозы и «установить в нем (мире) универсальное состояние мир»³.

Но даже из этого правила существовало исключение. Так, священники всех религий, равно как врачи и ученые, не должны были выполнять обычную службу или платить налоги (Макризи, разд. 10). От них ожидалась иная отдача – духовная или профессиональная. Помимо освобождения от повинностей всей социальной категории, специальные привилегии могли получить и индивиды, принадлежащие к числу обычных граждан.

В историко-правовой литературе «Правда Роськая», или «Русская Правда», представляется в виде самостоятельного юридического сборника.

Текст данного исторического документа «сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой руководствовался составитель Правды в своей работе»⁴. Это лишний раз подтверждает наше мнение (касательно существования исключений), что исключения в праве имплементированы в том числе нормами религии, в случае с Русской правдой – христианской религии.

¹ Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001. С. 29.

² П. 53 Великой Ясы Чингисхана // URL:[http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43794981897/Velikaya-Yasa-i-Bilik.-Zakony-i-izrecheniya-CHingishana-\(sohran?utm_referrer=mirtesen.ru](http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43794981897/Velikaya-Yasa-i-Bilik.-Zakony-i-izrecheniya-CHingishana-(sohran?utm_referrer=mirtesen.ru) (дата обращения 01.06.2018 г.).

³ Вернадский Г.В. История России. Монголы и Русь. Тверь; М., 1997. С. 38.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения: в 9-и т. М., 1987. Т. 1. С. 219.

Первичные уголовно-правовые запреты, доминирующие в данном нормативном акте, представляли собой общеобязательные предписания, которые содержали обязанность воздержаться от выполнения определенных действий, которые коренились как в обычаях, так и запретах (табу).

В Русской Правде Краткой редакции рассматривалась смерть убийцы путем кровной мести. Наша позиция, применительно к указанному предписанию и в проекции к существованию в Русской правде правил и исключений, заключается в следующем. По общему правилу за убийство мстят родственники. Исключение из данного правила составляют следующие случаи: 1) если нет никого, кто бы отомстил, тогда необходимо положить 40 гривен за убитого; 2) если (убитый) будет русин, гридин, купчина, ябедник, мечник или же изгой и словенин, то необходимо положить за него 40 гривен¹.

В Пространной редакции Русской Правды содержатся как правила, так и исключения об ответственности и подсудности².

В частности, по общему правилу, если воры – холопы, то действует суд княжеский и от штрафа они не освобождаются. Исключение из данного правила определено тем, что, если холопы несвободные, они освобождаются от штрафа (ответственность в двойном размере ложится на их господина).

П. 89 Пространной редакции Русской Правды устанавливает, что за убийство холопа или рабов виру не платят. Исключение из данного правила составляет убийство без вины холопа или раба (уплате подлежат деньги, назначенные судом, а князю 12 гривен штрафа)³.

Кроме Русской Правды известны исключения, содержащиеся в таком древнерусском юридическом памятнике как Псковская судная грамота (XV стол.). Данный документ примечателен тем, что в его тексте непосредственно употребляется слово-исключение.

¹ См.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Ч. 1 / сост. И.Ю. Маньковский. Барнаул, 2014. С. 5.

² См.: Там же. С. 21-33.

³ См.: Там же. С. 29.

Согласно ст. 58 Псковской судной грамоты, не допускается явка на суд с пособниками; в судебную горницу могут входить (только) двое тяжущихся, а помощников не должно быть ни со стороны истца, ни со стороны ответчика. *Исключение* (курсив наш. – М.Б.) составляют: женщина, или малолетний, или монах, или монахиня, или человек очень престарелый, или глухой, за которых разрешается выступать на суде пособику¹.

В Судебнике 1550 года встречается достаточно нестандартное исключение, в основе которого заложен сословный характер (ст. ст. 25, 26)².

Статьи 94, 95 Судебника 1550 года устанавливают порядок оформления сделки купли-продажи лошадей. Под страхом недействительности сделки предусматривается ее письменное заключение путем занесения в таможенные книги. Исключение составляет только купля-продажа лошадей служилыми людьми во время государственной службы в полках, когда возможность письменного оформления сделки отсутствует. Возникшие споры решаются также в судебном порядке (ст. 53)³.

По Соборному уложению 1649 года⁴, все торговые и ремесленные люди «белых» слобод (принадлежащие духовным и светским феодалам) должны были платить государственные подати (Глава XIX. «О посадских людех», ст. 1). Исключение делалось для «старинных, вечных кабальных людей» и для дворовых людей Патриарха, они оставались прежним владельцам.

С XVIII ст. начинается развитие сословных привилегий. «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»⁵ соединяла в себе все привилегии дворянства и закрепляла его господствующее положение в политике и хозяйстве. Дворяне существенно отличались от других сословий: их освободили от обязательной службы,

¹ См.: Там же. С. 113.

² См.: Там же. С. 151.

³ См.: Там же. С. 172.

⁴ См.: Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. М., 2011 // СПС «Гарант» (дата обращения 02.08.2018 г.).

⁵ См. об этом подробнее: Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода расцвета абсолютизма. В 9-и томах. Т. 5 / отв. ред.: Е.И. Индова; под общ. ред.: О.И. Чистяков М., 1987.

отменили телесные наказания, только дворяне могли владеть землёй, её недрами и крепостными, получили право на дворянское самоуправление и дворянский суд. Правда, привилегированное положение одних классов ухудшило положение других, не имевших «чести»¹.

Несмотря на то, что дворянское достоинство считалось «неотъемлемо, наследственно и потомственно» (ст. 2), в исключительных случаях можно было его «утратить» ввиду следующих нарушений: клятвы, измены, разбоя, воровства всякого рода, лживых поступков и другое (ст. 6).

Именной указ 1724 года определяет, что есть личное дворянство и что оно не наследственное. И в то же время вводит исключительные случаи, когда допускается просить дворянства действительного (как потомкам личного дворянства получать действительное)².

Так, привилегии возникают, внедряются и прочно утверждаются в праве, что во многом определяется социальным и правовым статусом дворянства того времени.

Российское дореволюционное право было итогом эволюции законодательных привилегий (исключений), послуживших основой для дальнейшего поступательного развития исключений в правовом сегменте.

Советское законодательство, несмотря на все обстоятельства, также предусматривает исключения, позволяющие, во-первых, почти детально регламентировать развивающиеся социально-экономические отношения и, во-вторых, планомерно внедрять в призму развивающегося законодательства, не только правила, но возможные пути решения и урегулирования колоссального числа нестандартных вариантов развития жизненных ситуаций.

¹ См. об этом подробнее: Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Тома I-III. СПб., 1875. Т. 1.; 1876. Т. 2.; 1883. Т. 3.

² См.: Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода расцвета абсолютизма. В 9-и томах. Т. 5 / отв. ред.: Е.И. Индова; под общ. ред.: О.И. Чистяков М., 1987. С. 52.

В качестве примера можно привести государственное признание религиозных браков, заключенных на оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны, и фактических брачных отношений, возникших до 8 июля 1944 г.¹ Это исключение, детерминированное трагедией войны и оккупации, в соответствии с ч. 7 ст. 169 Семейного кодекса РФ действует и в настоящее время.

Примером иного рода служат положения Закона СССР от 22.05.1991 г. № 2184-I «О защите прав потребителей»². В соответствии со ст. 7 потребитель, которому продан товар ненадлежащего качества, (если его недостатки не были оговорены продавцом) вправе 1) потребовать замены такого товара надлежащего качества, либо 2) потребовать соразмерного уменьшения покупной цены, либо 3) потребовать безвозмездного устранения недостатков товара, или 4) потребовать возмещения своих расходов по устранению недостатков, либо 5) потребовать расторжения договора и возмещения понесённых убытков.

Однако, ч. 4 ст. 7 данного Закона было предусмотрено исключение из данного правила, когда требования потребителя не подлежат удовлетворению.

Законом СССР от 10.07.1991 г. № 2326-I «Об ограничении монополистической деятельности в СССР»³ ст. 4 предусматривается запрещение неправомερных соглашений между хозяйствующими субъектами. Тогда как в ч. 3 ст. 4 законодатель предусматривает, что в исключительных случаях соглашения хозяйствующих субъектов могут быть признаны Антимонопольным комитетом СССР правомерными, если хозяйствующие субъекты докажут, что их соглашения способствовали или будут способствовать насыщению товарных рынков, улучшению

¹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37. 8 июля.

² См.: Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 24, ст. 689.

³ См.: Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 31, ст. 885.

потребительских свойств товаров и повышению их конкурентоспособности (ст. 4).

Исключения из правил существуют и в действующем праве. В частности, абсолютно справедливо пишет С.Ю. Суменков о том, что в современном российском законодательстве не существует нормативного правового акта, который не содержал бы прямо или завуалированно исключения из единого для всех правила¹.

Такое положение является вполне объективным и закономерным и отражает саму суть исключения как всеобщего и необходимого фактора человеческого бытия, компонента социальной регуляции и правового регламентирования общественных отношений.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно констатировать следующее.

Во-первых, исключения, как альтернативные правилу варианты регуляции, характерны для всех сфер жизнедеятельности, в особенности при регулировании отношений между людьми.

Во-вторых, с момента появления человека разумного (лат. Homo sapiens; преимущественно лат. Homo sapiens sapiens) люди стали стремиться к объединению. Коллективное существование людей было возможно только на основе правил, которые объективно жёстко ограничивали индивидуальные интересы людей.

Признавая всю необходимость таких правил, следует понимать, что любой коллектив людей не может существовать и развиваться, основываясь только на ограничениях. Противоположностью правила, не нарушающего его, но предусматривающего иной вариант регуляции, выступает исключение из правила.

В-третьих, исключения, в силу своей объективной природы, находят свое отражение в самых ранних формах социальной регламентации –

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключение в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 3.

обычаях и традициях первобытного строя; равным образом присутствуют исключения и в следующем, более совершенном и формализованном своде установлений человеческого поведения – религиозных канонах.

В-четвертых, естественным и гармоничным служит имплементация исключений, как феномена социальной регуляции, в правовые нормы. Право аккумулирует в себе интересы различных классов, слоев и групп населения; должно учитывать многочисленные и разнообразные жизненные казусы; неоднородность субъектов, в них участвующих. Для этого праву нужны исключения из общих для всех правил, и эти исключения наглядным образом отражаются уже в самых первых юридических памятниках.

В-пятых, генезис исключений обусловлен самим развитием общества как совокупности индивидов, зависит от различных факторов (объективного и субъективного характера) и имеет более сложную, по сравнению с правилами, природу. Вместе с тем неизменным остается воздействие исключения на правило: посредством изъятий либо дополнений из последнего создается иной, альтернативный правилу вариант регуляции. Именно такой вариант является востребованным при регламентации конкретного правоотношения.

1.2 Исключения в праве: понятие и сущность

Развитие человеческого общества во многом определяет его специфические особенности, выражающиеся, прежде всего, в поразительном разнообразии отношений в обществе, многообразии социальных связей, жизненных казусов, фактических обстоятельств и интересов людей.

Разнообразие, как компонент социума, является объективным качеством; впервые получило своё научное закрепление в труде по кибернетике У.Р. Эшби, который сформулировал закономерность, известную теперь под названием закона «необходимого разнообразия»¹.

По мнению ученого, разнообразие не подлежит изъятию. Оно всегда присутствует в сложных социальных системах, к числу которых, безусловно, относится человеческое общество.

Это означает, что, любая биологическая (а значит, и социальная) система, характеризуется такой проблемой как обязательное наличие известного разнообразия. Основным источником трудностей является разнообразие против которого направлено регулирование. Данная проблема гиперболизируется когда система очень велика, а регулятор меньше её².

Способом решения названной кибернетической проблемы как раз и являются исключения из правил, выступающие в качестве материального выражения необходимого разнообразия.

Как уже отмечалось выше, исключения присутствуют в каждом социальном регуляторе. Юридические исключения должны обязательно быть внедрены законодателем в правовую оболочку, придавая праву качество эффективного и гибкого регулятора общественных отношений.

Исторический анализ убедительно доказывает, что даже на начальных этапах государственности было невозможно стандартизировать поведение людей посредством жёстких, единых для всех правил. В современных условиях модернизации и интенсивной глобализации законодателю никак

¹ Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 293.

² См.: Там же. С. 346.

нельзя осуществлять правовое регулирование общественных отношений только с помощью нормативных правил.

Надо акцентировать внимание на то, что особенностью и уникальностью права является типизация регламентированной социальной действительности, которая во многом обусловлена установленными стандартами, моделями поведения субъектов общественных отношений.

Наличие исключений в правовом регулировании объясняется многообразием охватываемых правом отношений. Динамическое развитие науки, техники, медицины и других сфер жизнедеятельности во многом предопределяет необходимость законодательного закрепления не только правил, но и исключений из них, позволяющих максимально комфортно и эффективно разрешать разнообразные казусы.

На наш взгляд, исключение представляет собой «потенциал», который является добавочным законодательным механизмом реализации нестандартных ситуаций (ситуаций-исключений, исключительных обстоятельств), предполагающий альтернативный правилу вариант возможного поведения или изъятие из него.

Тем самым, исключение не только внедряется в правило, но и является его неотъемлемым составляющим - частью, что позволяет более гибко и легитимно регламентировать правовую ситуацию¹.

Правило и исключение представляют собой единую систему нормативного целенаправленного регулирования общественных отношений, ориентированную на поддержание равновесия правовой жизни социума.

При этом исключения обладают ярко выраженной инструментальной сущностью. Исключение представляет собой правовой инструмент, а точнее, юридическое средство, направленное на правило.

А.И. Экимов верно считает, что «юридические исключения – средства правовой дифференциации, направленные на преодоление объективно

¹ См.: Суменков С.Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности // Философия права. 2010. № 6. С. 60-64.

существующих препятствий в процессе реализации интересов субъектов социального взаимодействия»¹.

Позицию А.И. Экимова в том, что: а) исключения – это средства; б) исключения – это средства правовой дифференциации, полностью разделяет и подробно рассматривает С.Ю. Суменков². Солидаризуясь с названными учёными, необходимо всё же отметить, что препятствия (о которых говорит А.И. Экимов) определены, в первую очередь, существованием в обществе социального неравенства, которое обусловлено объективными факторами (в том числе в силу пола, возраста и других особенностей).

В этой связи заслуживает внимания точка зрения Л.Д. Воеводина, рассматривающего исключения как второй уровень равенства, когда общественный строй не ограничивает, не сдерживает человека «в достижении и приобретении более значительного объема социальных благ, чем те, что имеет «простой рядовой человек»³.

Сама по себе идея о том, что исключение – это инструмент (средство) правового регулирования, далеко не нова. В частности, С.С. Алексеев, один из первых начавших исследовать исключение, характеризовал последнее как правовое средство⁴.

С.Ю. Суменков, как было сказано выше, соглашается с тем, что исключение можно воспринимать как юридическое средство. Однако, в трактовке учёного исключение получает более полную и объёмную формулировку, определяющую исключение не только и не столько как средство, но и как нормативное предписание⁵.

¹ Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984. С. 6.

² См. в частности: Суменков С.Ю. Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 23-28.

³ Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие. М., 1997. С. 75.

⁴ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.

⁵ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 16.

С трактовкой исключения как нормативного предписания категорически не согласна М.Л. Давыдова¹, относящая исключения к приёмам (причём не имеющим самостоятельного значения) юридической техники².

В качестве технико-юридического метода оценивает исключение И.А. Муравьев, считающий, что «законодательное исключение – технико-юридический метод фиксации государственно-властного установления...»³.

В данном контексте полагаем, что исключение в праве рассматривается достаточно узко, лишь как прием юридической техники. Однако, следует согласиться с тем, что данный приём открывает большие горизонты законодателю для моделирования нормы права. Роль и место исключений в системе юридической техники весьма велика и будет обязательно рассмотрена в соответствующем компоненте настоящего исследования.

Именно инструментальный подход позволил С.С. Алексееву детально рассмотреть этот технико-юридический прием. Учёный точно отметил его суть: «...первоначально вводится известное нормативное положение, скажем, запрет, а затем этот запрет определенным образом ограничивается, из него делаются исключения»⁴.

Кроме того, С.С. Алексеев, определяя режим исключений, говорит о том, что он «вводится законодателем как изъятие – то, что представляет «иное» по сравнению с общим порядком»⁵. Данное положение подтверждается многообразием жизненных обстоятельств⁶.

Сама суть правовых режимов состоит в том, что, в соответствии с потребностями и вызовами социальной действительности общества,

¹ См.: Давыдова М.Л. Правовая норма, нормативное предписание, законодательное исключение – разнопорядковые категории // Юридические исследования. 2016. № 4. С. 37-44. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.4.18805 // URL: http://e-notabene.ru/lr/article_18805.html (дата обращения 07.08.2018).

² См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 112.

³ Муравьев И.А. Законодательное исключение (теория, практика, техника) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 9.

⁴ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 85.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ См.: Там же. С. 240-241.

законодатель предусматривает целую систему правил, которые по конкретному вопросу распространяются на всех лиц. И это позволяет вести четкий, единообразный для всех «порядок» в общественных отношениях, являющийся необходимым составляющим динамического развития общества и государства.

Следует отметить, что не совсем точно будет рассматривать режим только как систему правил. Для правильного понимания необходимо рассматривать правовой режим в призме взаимообусловленности как правил, так и исключений из них.

По нашему мнению, позиция С.С. Алексеева как раз и состоит в том, что режим исключений – технико-юридический режим, имеющий своего рода сквозное значение (т.е. действующий во многих других правовых явлениях), образует неотъемлемую часть и ОбД порядка и РР-порядка¹.

В литературе само понятие «исключительности режима» связывается с особыми, специфическими правами, полномочиями, правовыми режимами деятельности, являющимися своего рода отступлениями от установленного порядка правового регулирования общественных отношений².

Следует согласиться с тем, что режим исключений является частью как общедозволительного, так и разрешительного порядка, а, с другой стороны, это своеобразная технико-юридическая конструкция, которая обеспечивает высокий уровень нормативности, а также стремится учесть всевозможные ситуации, предотвратить пробелы в праве³.

Структурными элементами данного режима выступают общее правило и исключение из него.

¹ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 201-202.

² См.: Афзалетдинова Г.Х. Исключительные режимы в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

³ См.: Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. М., 1974. С. 173.

В этой связи актуальна мысль А.Ф. Черданцева, который пишет, что «любое же правило всегда имеет исключения, то есть положения иного, чаще всего противоположного характера»¹.

Соглашаясь с С.С. Алексеевым и А.Ф. Черданцевым, справедливо отметить, что само понятие исключительности связывается с особыми, специфическими правами, полномочиями, правовыми режимами деятельности, являющимися своего рода отступлениями от установленного порядка правового регулирования общественных отношений.

Режим исключений представляет собой слаженный механизм, состоящий из способов, направленных на создание альтернативных стандартизированным правилам вариаций регуляции.

Завершая полемику о режиме исключений, следует подчеркнуть, что названный режим использует два общеизвестных правовых способа, оказывающих непосредственное воздействие на общественные отношения: изъятие и дополнение.

В свою очередь, интегрированное единство правил и исключений обуславливает то, что изъятия и дополнения, в которых выражаются исключения, обращены на правило. Иными словами, исключение как способ – это изъятие или дополнение из правила.

Здесь надо отметить, что под правовым регулированием как раз и следует понимать воздействие права на общественные отношения, осуществляемое через систему правовых средств (изъятий/дополнений) – механизм правового регулирования.

Тем самым, правовое регулирование – это совокупность приёмов и способов. Как только что было сказано, способами, задействованными в режиме исключений, выступают изъятия и дополнения.

Соответственно, изъятия и дополнения представляют один из связующих комплексов системы правовых элементов (способов),

¹ Черданцев А.Ф. Логическая характеристика права как системы // Правоведение. 1983. № 3. С. 15.

осуществляющих взаимозависимую регламентацию общественных отношений.

Само слово «изъятие» может обозначать «исключить, устранить»; «исключение, отступление от чего-либо»; «уклонение от каких-нибудь норм»; «отобрать, конфисковать».

В юридическом аспекте термин «изъятие» в общей теории права не получил всестороннего исследования и монографического выражения, что нельзя сказать про другие отрасли права.

Изъятие достаточно часто ставится в один ассоциативный ряд с исключением. Логика здесь такова, что именно посредством исключения определенный пласт общественных отношений (субъект, ситуация, обстоятельства) изымаются из-под действия общего правила.

Однако, не надо впадать в крайность, безусловно определяя любое изъятие в праве как исключение.

Именно как правило изъятие трактуется в доминирующем массиве соответствующих нормативных актов¹.

При этом, из изъятий, выступающих в качестве правила, могут быть исключения, подразумевающие опять же изъятия.

Изъятие как исключение (что характерно вообще для исключений) имеет более сложную природу, нежели изъятие-правило.

Так, например, ст. 22 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» предусмотрены запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств сотрудниками полиции. Однако, ч. 5 данной статьи (ст. 22) допускается изъятие-исключение в виде *отступления* (курсив наш – М.Б.) от запретов и ограничений, если специальные средства применяются по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 23 Федерального закона «О полиции»².

¹ См. в частности: ст. 65.3.Земельного кодекса РФ.

² См.: ст. ст. 22, 23 ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7, ст. 900.

Не менее наглядным примером изъятия как исключения может выступать ч. 5 ст. 23 нормативного акта о полиции. Данная норма устанавливает посредством изъятия правило-запрет применять огнестрельное оружие с производством выстрела на поражение в отношении отдельных субъектов. Одновременно названное предписание содержит исключение из указанного правила-запрета¹. Детерминантой подобного исключения выступает как раз изъятие из правила (в формулировке – «*за исключением случаев*», - курсив наш. – М.Б.), согласно которому в обозначенных субъектах все-таки можно стрелять на поражение, в случае оказания ими вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции.

Из приведённого примера следует, что изъятие как исключение вовсе не аналог правилу, подразумевающему изъятие; равным образом как не синоним термину «отчуждение».

В ходе воздействия исключений-изъятий на окружающую действительность изъятие представляет собой, как уже было сказано, способ выведения из-под регулятивного воздействия общего правила и закрепление в норме права иной вариации правового регламентирования.

О взаимосвязи исключений и изъятий в более ранний период писал И.Н. Сенякин. Специальные нормы-изъятия, абсолютно верно отмечает учёный, определяют исключения из общего правила, содержат некоторые отклонения от него. Норма-изъятие чаще всего действует вместо общего установления и закрепляет отдельные условия, которые неприменимы в сфере родовых общественных отношений².

Резюмируя позицию И.Н. Сенякина, можно констатировать, что он, во-первых, вводит такой унифицированный признак исключения как изъятие (из

¹ См.: Там же. Ст. 23.

² См.: Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 77.

общего правила) и, во-вторых, учёный определяет специальные нормы-изъятия как исключения из общих правил¹.

Тем самым, изъятие, как исключение при регулировании общественных отношений представляет собой нормативно-оформленный способ отступления от общего предписания, с обязательно установленной альтернативой регуляции.

По нашему мнению, исключение, реализуемое посредством изъятия, представляет собой санкционированное государством отступление от общего установления, выраженное в выведении из нормы права определенного комплекса социальных отношений, направленные как на ограничение, так и на расширение потенциала правовых возможностей субъекта правоотношения, достигаемого посредством внедрения иной модели поведения.

Надо отметить, что изъятия, как компонент механизма реализации исключений, представляют собой «классический» способ воздействия на правила; более того, анализ нормативных актов позволяет сделать вывод о преобладании изъятия как законодательного способа-исключения.

В свою очередь, дополнение, как составляющая инструментального комплекса исключений, является более сложным по содержанию способом имплементации исключения, значительно реже (в сравнении с изъятиями) встречающимся в массиве нормативно-правовых актов.

Исключение, возникающее вследствие применения дополнения, характеризуется тем, что оно внедряет в правовое предписание дополнительный диапазон поведения (действий/бездействий) субъектов права, предоставляющее возможность отступления от общего правила, восполняющее его и не противоречащее ему (общему правилу), позволяющее санкционировано применять резервный (альтернативный) вариант поведения.

¹ См.: Там же. С. 77.

В частности, Трудовым кодексом Российской Федерации (далее ТК РФ) представлена широкая палитра примеров исключений-дополнений. Например, законодатель в ст. 113 ТК РФ вводит исключение-дополнение с формулировкой «исключительные случаи». Данное исключение выступает дополнением вследствие того, что оно расширяет полномочия работодателя, увеличивая возможности усмотрения исключительных случаев и, следовательно, дополняя перечень казусов, наличие которых позволяет работодателю привлечь работника к труду без их согласия.

Подобный теоретический вывод подтверждается судебной практикой. В частности, Определением Московского городского суда от 15.10.2013 г. за № 4Г-8260/13 установлено, что прерогатива привлечения к работе в выходные дни работника принадлежит работодателю¹.

В свою очередь, Апелляционным определением СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия от 16.08.2016 г. по делу № 33-1954/2016², где определено, что трудовым законодательством РФ на работодателя не возложена обязанность оплачивать труд работника, выполнявшего свои трудовые функции в сверхурочное время, а также в выходные и праздничные дни по собственной инициативе.

Таким образом, если работник привлечен к работе в выходные и праздники по письменному распоряжению работодателя, что является, на наш взгляд, исключением-дополнением, то он сохраняет за собой законодательно установленные ТК РФ гарантии по оплате труда в данные дни.

Как думается, приведённые примеры служат наглядной демонстрацией существования исключения-дополнения, суть которого в том, что работодателю предоставлено дополнительное исключительное право, установленное в рамках основного правила, не нарушающее его, по

¹ См.: СПС «Гарант» (документ официально опубликован не был).

² См.: Там же.

привлечению работника к выполнению его трудовой функции, позволяющее использовать альтернативный вариант поведения.

Подобное искусственное моделирование законодателем правовой ситуации с помощью исключений-дополнений позволяет учитывать многообразие производственных обстоятельств.

Примером несколько иного рода служит ст. 124 ТК РФ, где предусмотрена возможность, в исключительных случаях, когда предоставление отпуска работнику в текущем рабочем году может неблагоприятно отразиться на нормальном ходе работы организации, индивидуального предпринимателя, с согласия работника перенести отпуск на следующий рабочий год.

Законодательное введение исключения-дополнения в ст. 124 ТК РФ позволяет реализовать гарантированное Конституцией РФ (пункт 5 статьи 37) и нормами статей ТК РФ права на отдых, в том числе на ежегодный отпуск, что подтверждается Апелляционным определением СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 6.09.2012 г. по делу № 33-9009/2012¹.

Теоретическим обоснованием наличия дополнений в праве является позиция И.Н. Сенякина. Учёный выделяет целый блок специальных норм-дифференциаций², к которым он среди прочих относит не только нормы-изъятия, но нормы-дополнения, а также особые исключительные предписания³.

Специальные нормы-дополнения, по мнению И.Н. Сенякина, – это просто дополнительное правило, которое устанавливается сверх, в дополнение к основному⁴, призванное расширить содержание генерального установления, создать дополнительные гарантии и льготы для субъектов

¹ См.: СПС «Гарант» (документ официально опубликован не был).

² См.: Волегов Ю.Б. Значение дифференциации для совершенствования трудового законодательства // Советское государство и право. 1982. № 1. С. 51.

³ См.: Сенякин И.Н. Указ. соч. С. 69-81.

⁴ Там же. С. 51.

соответствующих правоотношений¹. Тем самым, учёный полностью отрицает возможность существования дополнений как исключений, трактуя дополнение сугубо как специальное правило.

По нашему мнению, дополнение может выступать способом имплементации отличного от правила варианта регуляции и выражаться соответственно либо в виде специального правила-дополнения, либо исключения-дополнения. В ситуации с дополнением прослеживается определенного рода аналогия с изъятием: дополнение может выступать как правилом, так и исключением.

И.Н. Сенякин, скорее всего, подразумевает под дополнением только специальное правило. Последнее действует параллельно с общим, не изменяя предусмотренные стандарты регулирования².

Исключение-дополнение (а по большому счёту и исключения-изъятия) предусматривает не просто иной вариант регуляции, а непереносимое изменение шаблонных требований правового регулирования. При этом исключения могут быть не только из общих, но также из специальных правил³.

При этом сама по себе проблема существования специальных правил, безусловно, заслуживает отдельного теоретического рассмотрения, не относясь, однако, к предмету настоящего исследования.

Сложность позиции И.Н. Сенякина заключается ещё и в том, что он выделяет и так называемые исключительные предписания. И.Н. Сенякин характеризует их, прежде всего, как «дополнение», предписывающее изъятие из правил как общих, так и специальных норм⁴.

Здесь следует согласиться с тем, что для исключительных предписаний характерен определенный дуализм, а именно, сочетание изъятий и

¹ См.: Там же. С. 76.

² См.: Там же.

³ См. об этом: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 48-49.

⁴ См. об этом: Сенякин И.Н. Указ. соч. С. 79.

дополнений. Однако, остаётся непонятным, в чём заключается принципиальное отличие специальных норм-изъятий (исключений) и исключительных предписаний.

Апория о том, что исключительные предписания проецируются как на общие, так и на специальные нормы, представляется более чем верной. Вместе с тем сложно разделить позицию учёного в том, что исключительные специальные нормы устанавливают особые правила, которые, как пишет И.Н. Сенякин, заменяют собой действие общих положений, имеют ограниченный объём и сферу действия и не подлежат распространительному толкованию¹.

Сомнение вызывает, что исключительные нормы устанавливают правила.

По нашему мнению, исключительные нормы содержат и соответственно устанавливают исключения из правил, проецирующиеся, и здесь, действительно, абсолютно прав И.Н. Сенякин, на определенную категорию субъектов, на чрезвычайные обстоятельства и на строго определенные регионы.

Завершая обзор позиции И.Н. Сенякина, хотелось бы отметить, что он, по сути, формулирует трёхсторонний подход к пониманию исключения: а именно, изъятие-исключение, исключительное предписание и дополнение, как способ имплементации исключения.

Резюмируя вопрос о дополнениях, следует еще раз отметить, что в праве они могут выступать не только как правила, но и как исключения.

Существование в праве исключений-дополнений и исключений-изъятий позволяет подметить их общую родовую черту: возможность имплементации в норму права альтернативного общему (или даже специальному) варианта регуляции общественных отношений.

¹ См.: Там же. С. 79.

При этом, если исключения-дополнения обогащают правовыми возможностями общее правило, то исключения-изъятия устанавливают возможные санкционированные отступления (отступления) от него.

Однако, не стоит абсолютизировать разграничение исключений-изъятий и исключений-дополнений. С.Ю. Суменков верно, с примерами из действующего законодательства, пишет как о том, что на практике сложно установить бесспорное дополнение, либо изъятие, а также о том, что в процессе правотворчества может быть задействован сложный неразделимый комплекс исключений-дополнений и исключений-изъятий¹.

Юридическая техника воздействия исключения на правило (посредством изъятий и (или) дополнений) способствует развитию правового регулирования, не допуская при этом коллизионности.

В условиях постоянно меняющегося нормативного потока приём технико-юридического воздействия исключения на правило позволяет обеспечивать механизм эффективного функционирования общего предписания. При этом, правила не утрачивают своей роли, а, находясь во взаимосвязи с исключениями, становятся еще более мощным механизмом регулирования и формирования новых состояний в обществе и государстве.

В любом случае, в независимости от того, как закреплено в нормативно-правовом акте исключение, следует подчеркнуть, что механизм правового воздействия исключения на правило.

Таким образом, запрет как исключение может быть только из общего правила-дозволения, соответственно, дозволение выступает исключением при наличии общего правила-запрета².

Здесь следует еще раз подчеркнуть принципиальную авторскую позицию относительно расширительного понимания ограничения, включающего в себя запреты, обязывания и собственно ограничения (в узком непосредственном юридическом аспекте).

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 57.

² См.: Там же. С. 96.

Соответственно, можно предложить следующий вариант корреляции правил и исключений. Если правило подразумевает ограничение, то исключением из него служит дозволение; в свою очередь, если правило олицетворяет дозволение, то исключением из него будет ограничение.

Данный во многом «зеркальный» приём юридической техники позволяет законодателю максимально регулировать общественные отношения, несмотря на неоднородность, разносторонность и многогранность тех или иных ситуаций, жизненных казусов и процессов.

В этой связи нуждается в корректировке позиция И.С. Морозовой, которая, характеризуя льготы, воспринимаемые учёным как исключения, пишет о том, что «по своей форме льготы (исключения) могут выражаться как в предоставлении особых прав (дополнительных преимуществ), так и в освобождении от установленных обязанностей (нормативное изъятие)»¹.

Верная по своей инструментальной сути вышеизложенная установка совершенно не учитывает содержательные особенности исключений.

И ограничения, и дозволения, олицетворяющие собой исключения, достигаются за счет реализации таких способов, как изъятия или (и) дополнения).

При этом изъятие может приносить собой как дозволение, так и ограничение; равным образом дополнение, как способ реализации исключений, имплементирует в правила либо ограничение, либо дозволение.

Именно дозволение в его юридическом выражении можно определить как доминантное правило, на основе которого и происходит нормативная регуляция.

Но, признавая дозволение в качестве правила, надо признать, что из этого правила существуют исключения в виде ограничения. Исходя из многоаспектности последних, такие исключения выступают как исключения-запреты, исключения-обязывания и исключения в узком непосредственном

¹ См. об этом: Морозова И.С. Теория правовых льгот : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007.

значении данного феномена¹. Данное мнение не голословно, оно опирается на позицию А.В. Малько о многоаспектности ограничений.²

Квинтэссенцией авторского восприятия ограничений служит неоднократно высказываемая нами мысль о том, что ограничение – это феномен собирательного характера, включающий в себя запреты, обязывания и собственно ограничения.

Ограничение и исключение – это неоднородные категории; они могут выступать как разные феномены при регулировании тех или иных общественных отношений.

По нашему мнению, из правил, выступающих как ограничение-запрет, ограничение-обязывание, ограничение в узком смысле этого слова исключением служит дозволение, которое имплементируется в ограничение посредством изъятия или (и) дополнения.

И исключения-дозволения равным образом, как и исключения-ограничения, должны находить своё выражение в юридических нормах. Именно в этом случае можно вести речь об исключениях, выступающих как юридические средства.

Здесь лишь ограничимся констатацией очевидного, на наш взгляд, факта, что, с одной стороны, нормативность исключения выступает его магистральным признаком, а с другой – наличие исключения в норме подтверждает идею о том, что исключения непременно задействованы при правовом регулировании общественных отношений.

Тем самым, алгоритм воздействия исключения на правило основывается на следующих постулатах: неразрывном единстве правил и исключений, представляющих целостную систему правового регулирования; воплощении исключений в качестве юридических средств, реализация которых осуществляется такими способами, как изъятие из правила или (и)

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 63.

² См.: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2003. С. 94-100.

дополнение в правило; олицетворении исключениями как юридических средств дозволений либо ограничений, направленных на находящиеся в полярном отображении правила; достижении требуемого результата – создании иного, по сравнению с правилом, но не нарушающем его варианта правового регулирования.

Резюмируя все вышесказанное, можно констатировать следующие выводы.

Во-первых, исключения представляют собой юридические средства, направленные на правила. Такие средства при закреплении их в нормах права являются нормативными средствами (средствами-инструментами), в случае реализации выступают средствами правореализации

Во-вторых, исключения как юридические средства действуют за счет двух способов – изъятия и дополнения. Именно изъятие и дополнение позволяет создать результат в виде исключения-дозволения либо исключения-ограничения.

В-третьих, исключение в праве – это юридическое средство, получившее государственное санкционирование и нормативное закрепление, действующее благодаря изъятиям или дополнениям из правила, подразумевающее собой противоположное правилу, но не противоречащее ему дозволению либо ограничению, создающее иной режим регулирования общественных отношений.

1.3 Исключительная норма как необходимая детерминанта реализации исключений в праве

Правовое регулирование – есть некая возможность адекватно выразить в соответствующих правовых формах объективное социальное отражение, создавая позитивные условия для возникновения, функционирования и развития социальных отношений¹.

Среди особых инструментов регуляции общественных отношений необходимо выделять нормы, определяющие границы, в пределах которых тот или иной субъект сохраняет свою сущность, остается самим собой².

В историко-этимологическом словаре современного русского языка понятие «норма» определяется как «обязательная мера», «узаконенный порядок», «установленная средняя величина». В некоторых случаях под нормой также понимается узаконенное установление.

В философии норма – это понятие, определяющее границы, в которых явления и системы, человеческая деятельность, поведение и общение не утрачивают своих качеств и функций, которые находят некоторый баланс их внутренней соразмерности (упорядоченности).

Как было указано ранее, социальные нормы, складываются как стихийно, так и в результате интеллектуально-волевой деятельности человека, позволяя не только строить взаимоотношения в семье, быту, в коллективах и других общностях, но и удовлетворять интересы субъектов права. Нормы права являются единственными социальными нормами, которые устанавливаются, обеспечиваются и охраняются государством.

Именно посредством правовых норм и осуществляется правовое регулирование общественных отношений. Ю.А. Тихомировым точно

¹ См.: Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2009. С. 273.

² См.: Шагиева Р.В. Основы нормотворчества: учебное пособие. М., 2013. С. 2.

замечено, что регулирование есть не что иное как «нормативный измеритель», определяющий направления развития¹.

Здесь резонно необходимо отметить, что объективируя нормы права, законодатель формализует наиболее типичные и многократно повторяемые отношения между людьми, преследуя, прежде всего, целью оказание правового воздействия на социальные отношения.

Тем самым, система социальных норм должна рассматриваться не только как система регулирования, но и как система социальной ориентации, определяемая как программа к некоторому поведению субъектов права, их программирование.

Следует особенно отметить, что нормы закладываются под влиянием как объективных, так и субъективных факторов, предопределяющих потребность в урегулировании конкретных общественных отношений, а также ещё не стандартизированных жизненных казусов.

Появление и внедрение исключений в праве, в правовой норме связано с невозможностью формализации всей палитры многообразия явлений, процессов и общественных отношений в пределах правила.

Исключения в праве должны быть чётко зафиксированы в юридических нормах. В свою очередь, правовое закрепление исключений является необходимым условием их нормативного оформления.

Олицетворение исключениями юридических средств обуславливает вопрос о включении исключений в механизм правового регулирования (далее – МПР). Логика здесь такова, что, с одной стороны, исключения представляют собой юридические средства, с другой - собственно исключения в праве признаются в качестве таковых, только когда они имплементированы в нормы права².

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 8.

² См. об этом также: Суменков С.Ю. Норма права как выражение юридических исключений // Российский юридический журнал. 2009. № 2 (65). С. 17-21. Его же. Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 23-28.

При восприятии исключений в инструментальном аспекте, то есть в качестве юридических средств, исключения в обязательном порядке включаются в МПР. С.С. Алексеев более чем обоснованно определял МПР через замену в его определении таких категорий, как «вся совокупность» на «систему» правовых средств (в которую включает юридические нормы, правоотношения и др.)¹.

Норма права как раз и предстает в МПР в качестве юридического средства. Здесь стоит согласиться с мнением К.В. Шундикова, который в структуре основных звеньев выделяет «юридические средства нормативного характера»².

Подобный подход позволяет говорить о том, что юридическая норма является неотъемлемым составляющим МПР, посредством которой удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных и значимых целей. Нормативно-юридическое регламентирование общественных отношений в МПР осуществляется юридической нормой.

Фиксация исключений в норме имплементируют исключения в МПР, а в более широком смысле - в правовое регулирование.

В МПР прослеживается прямая и обратная взаимосвязь между нормой права и исключениями. Здесь можно выстроить следующую логическую цепочку: если норма права – один из базовых элемент МПР, а исключения в праве находят в ней своё закрепление, то тогда последние представляют собой неотъемлемый компонент МПР.

На наш взгляд, исключения в праве можно тогда реально считать одним из компонентов МПР, когда они не только получают формальную оформленность в правовой оболочке (норме права), но и практически, уже в

¹ См.: Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 153.

² См.: Там же. С. 56.

системе правовых средств, «запускают в работу» специально-юридическое воздействие на социальные отношения.

Итоговым результатом такого воздействия выступает разрешение конкретной жизненной ситуации. Подобного рода разрешение происходит в ходе правореализации, а если быть точнее – при применении права. Тем самым можно в очередной раз констатировать, что правовое регулирование немыслимо без правореализации; нормативное оформление исключений внедряет их в МПР; это детерминирует возможность реализации исключений уже в качестве средств правореализующего характера.

В данном контексте в проекции к исключениям надо вести речь о механизме реализации права, являющегося подсистемой МПР и включающего в себя блок различных правовых средств, направленных на претворение права в жизнь¹.

При этом исключения в праве стоит считать одним из компонентов МПР не просто с формального момента их юридического закрепления в норме права, а именно тогда, когда они практически задействованы, реализуются и посредством особого механизма, оказывая специально-юридическое воздействие на отношения в социуме.

Так, юридические нормы составляют фундамент, определяющий правореализационный потенциал, стабильность данного механизма. Обобщая жизненные казусы, явления, процессы в едином и обязательном для неопределенного круга лиц правиле поведения норма права не может содержать все типовые модели программ действий/бездействий субъектов социальных отношений, ввиду интенсификации развития общества.

Наличие норм права неизбежно и объективно влечёт такое качество права как нормативность, которое обусловлено объективными законами общественного развития. Здесь следует солидаризоваться с тем, что

¹ См.: Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 11.

нормативность – это, прежде всего, «универсальное средство упорядочивания как мысли, так и поведения людей»¹.

С.С. Алексеев сравнивает право с рамой, в которой есть точечное понимание о конкретных программах и заложенных в них ячейках «программных» действий.

Сущность нормативного подхода такова, что субъекты права в своих действиях и бездействиях связаны нормами права. Но невозможно, как уже было сказано выше, обеспечить развитие общества, цивилизации только долженствованием выполнения норм (правил) поведения.

Из этого логично предположить, что нормативности свойственна «динамика», позволяющая коррелировать в правовой (окружающей) среде, отвечая реалиям (вызовам) современной действительности.

Соответственно, норма права должна адекватно реагировать на все многообразие и постоянное изменение общественных отношений, оптимизируя юридический инструментарий (средства), среди которых считаем необходимым выделять и исключения.

Однако, наличие исключений в норме вопрос сложный и неоднозначный. В.М. Баранов отмечает, что «к числу очевидных свидетельств ложности конкретной юридической нормы относится наличие у неё многих исключений»². По мнению учёного, норма права, содержащая исключения, иллюстрирует недостаточно высокую степень обобщенности средства государственной регуляции³.

Правовое регулирование, как известно, может и должно сочетать в себе как требуемую конкретность, так и необходимую абстрактность. Качество юридической нормы определяется не только по степени обобщения; оно должно рассматриваться в совокупности с требованиями, предъявляемыми к

¹ Вележев С.С. Нормативность права как проявление нормативного сознания // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 2 (19). С. 59.

² См.: Баранов В.М. Истинность норм советского права: проблемы теории и практики. Саратов, 1989. С. 349.

³ См.: Там же. С. 349.

кругу субъектов правоприменения и практической эффективностью (конкретно и официально установленными показателями). В любом случае, наличие исключений в норме права не является однозначным индикатором её ложности.

По нашему мнению, более чем логично предположить о наличии в праве норм-исключений. Препятствием указанной апории имеется устоявшаяся точка зрения относительно того, что норма права – это всегда безоговорочно и обязательно правило. В контексте данного восприятия, норма права – эталон, стандартизированный образец, модель поведения субъектов права, позволяющая урегулировать многообразие жизненных обстоятельств и казусов. Разделяя данную точку зрения, хотелось бы заметить содержащиеся в ней противоречия. С одной стороны, норма олицетворяет собой эталон, стандарт регулирования, а с другой - норма предназначена для оперативного и адекватного реагирования на динамизм и многообразие общественных отношений.

Сама по себе вышеуказанная коллизия непреодолима, если понимать норму только как правило. Вместе с тем эта коллизия исчезает, если допустить, что норма может подразумевать собой не только правило, но и исключение. О том, что норма - это не только правило, писал Н.И. Матузов, который возражал против безапелляционного отождествления нормы и правила. По мнению ученого, понятия «норма» и «правило» закрепляются и рассматриваются как равноценные, заменяемые. Согласно точке зрения ученого, норма более широкий термин, чем правило. Норма насыщеннее и богаче по содержанию¹.

Именно данная позиция Н.И. Матузова стала основой, разработанной С.Ю. Суменковым концепцией существования исключений в праве вообще и норм-исключений в частности.

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. Изд. 2-е. М., 2006. С. 278.

По мнению С.Ю. Суменкова, право состоит из юридических норм, вся совокупность которых подразделяется на нормы-правила и нормы-исключения¹. Последние выступают в качестве особой разновидности специальных норм. Тем самым можно предложить следующую конструкцию: юридическая норма, содержащая исключение, безусловно является специальной нормой, однако, не каждая специальная норма должна включать в себя исключение и представлять в качестве исключительной нормы.

По нашему мнению, целесообразно изложить следующую систему норм, взяв за основу их стратификации принадлежность к общим или специальным нормам.

Здесь считаем необходимым отметить, что базовым в классификации норм на общие и специальные (а среди специальных - исключительные) служит, прежде всего, объём их действия². Подтверждением данного суждения служит то, что между общими, родовыми и видовыми общественными отношениями прослеживаются связи-параллели, соответствующие общим и специальным нормам. Если общие нормы призваны регулировать общественные отношения в целом, то специальные регламентируют подвид или часть этого отношения. В свою очередь, С.С. Алексеев в зависимости от сферы действия также выделяет общие и специальные нормы³. Под последними ученый понимал нормы, действующие только в пределах конкретного вида отношений⁴.

Обстоятельный анализ специальных норм в свое время провел И.Н. Сенякин⁵, заслуженно считающийся автором классического исследования проблем существования и реализации специальных норм. Учёный выделяет целый ряд отличительных признаков специальных норм: производность от

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 15.

² См.: Небайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 73-92.

³ См. об этом подробнее: Алексеев С.С. Проблемы теории и права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1.

⁴ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 77-78.

⁵ См.: Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов, 1987. С. 96.

общих предписаний; целевое назначение их принятия – для достижения максимальной эффективности общей нормы права; функционирование во взаимодействии с общими нормами права; всегда регулируют конкретные видовые отношения¹.

Таким образом, аккумулируя приведенные выше точки зрения о сущности и предназначении специальных норм, можно в конечном итоге резюмировать то, что они представляют собой сложный неоднородный массив юридических предписаний. Среди них выделяют: казуистические предписания, исключительные предписания, локальные предписания.

В качестве особой разновидности специальных норм должны быть выделены исключительные нормы, то есть нормы, включающие исключение.

Наличие норм, содержащих и фиксирующих исключения из правил, в большинстве своем не опровергалось представителями юридической науки. Эти нормы обозначались учеными именно в качестве исключительных норм. Последние в большинстве своем трактовались как нормы, устанавливающие соответствующие изъятия из требований иных норм².

Так, А.Ф. Черданцев определял исключительные нормы как дополнения к общим и специальным нормам, которые устанавливают изъятия из первых³.

Равным образом С.С. Алексеев отмечал, что исключительные нормы устанавливают «качественно иной порядок, нежели общие и специальные нормы»⁴.

Именно об исключительных нормах пишет Н.А. Власенко, рассуждая о возможности коллизий между общими, специальными и собственно исключительными нормами⁵.

Надо отметить, что, к сожалению, авторы, рассуждая о наличии исключительных норм, их коллизионности со специальными нормами, не

¹ См.: Там же. С. 96.

² См.: Керимов Д.А. Общая теория государства и права. Л., 1961. С. 339.

³ См.: Черданцев А.Ф. Толкование советского права: (Теория и практика). М., 1979. С. 74.

⁴ Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 78.

⁵ См.: Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. С. 84-92.

уделили достаточного внимания природе исключительных норм (в частности, именно тому, что собственно вкладывается в понятие «исключительность», какие факторы делают данные нормы именно исключительными), дефиниции исключительных норм, их отличительных признакам.

В проекции к соотношению специальных и исключительных норм И.Н. Сенякин называет следующие разновидности последних: 1) исключительные предписания, которые выступают дополнением к общим нормам; 2) исключительные предписания, которые выступают дополнением к специальным нормам; «... и причём таким дополнением, которое предписывает изъятие из правил указанных норм»¹; 3) специальные нормы-изъятия, определяющие также исключения из общего правила и содержащие некоторые отклонения от него².

Данная трактовка показывает стремление И.Н. Сенякина максимально охватить весь массив исключительных норм, существующих среди норм специальных. Безусловная положительность такого подхода тем не менее объективно детерминирует и его уязвимость. Здесь заслуживает внимания позиция Д.С. Неяскина, отмечающего, что в трактовке И.Н. Сенякина (равно как и Н.А. Власенко), исключительные нормы можно понимать и как правила, и как исключения³.

Так, соглашаясь с тем, что исключительные предписания могут выступать дополнением к общим нормам, необходимо обязательно отметить, что они могут дополнять и нормы специальные. О последнем И.Н. Сенякин пишет в приведенной выше схеме, условно обозначающей позицию ученого.

Но непонятным представляется, как исключительная норма выступает **дополнением**, предписывающим **изъятие** из специальной нормы (*выделено нами. – М.Б.*). То, что одна и та же исключительная норма может содержать

¹ Сенякин И.Н. Указ. соч. С. 79.

² См.: Там же. С. 77.

³ См.: Неяскин Д.С. Исключительные нормы как особая разновидность специальных норм // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 66.

в себе как изъятия, так и дополнения, не означает, что дополнение олицетворяет собой изъятие либо наоборот.

В этой связи вызывает затруднение, почему И.Н. Сенякин не относит специальные нормы-изъятия, содержащие исключения из правил именно к исключительным нормам.

Как думается, ответом на данные вопросы является констатация того очевидного факта, что разграничение специальных и исключительных норм должно проводиться с корреляцией другой бинарной пары: «правило-исключение».

Специальные нормы содержат в себе правила. Они являются специальными по отношению к общим правилам, содержащимся, соответственно, в общих нормах. При этом средством специализации могут выступать как дополнения, так и изъятия, а в некоторых случаях – комплексы (но не тождества) того и другого.

Такое же сочетание дополнений и изъятий характерно и для исключительных норм. Но формальное сходство механизма воздействия на общее правило не позволяет, тем не менее, делать вывод о том, что специальные нормы-дополнения либо нормы-изъятия безусловно относятся (либо, напротив – не относятся) к исключительным нормам.

Разница между специальными нормами и нормами исключительными состоит не в средствах воздействия на общее правило (они совпадают – изъятия или (и) дополнения), а в том, что представляют собой анализируемые разновидности правовых норм.

Таким образом, специальная норма – это (как уже было сказано) тоже правило, которое, во-первых, определяет границы действия и детализирует наполняемость общеправовых положений и, во-вторых, принимается законодателем с целью достижения максимальной эффективности общей нормы, учета специфических отношений, регулируемых ею¹.

Исключительная норма, отражающая в себе вышеназванные качества,

¹ См.: Власенко Н.А. Указ. соч. С. 89-92.

правилом не является. Она подразумевает исключения из правила, причем как общего, так и специального, и, соответственно, альтернативный, иной по отношению к правилу вариант регуляции.

Среди характерных отличительных черт исключительных норм необходимо выделять: нормативную оформленность; имплементированность в конструкцию правила правовой нормы; установление исключений из правил (действия/бездействия) для определенной категории лиц при чрезвычайных, внештатных обстоятельствах; регламентацию качественно иного порядка действий по отношению к общим (учредительным) положениям; ограниченный объем и сферу действия; невозможность распространительного толкования.

Таким образом, можно констатировать наличие в праве как совокупности юридических норм следующую конструкцию: а) общие нормы, содержащие в себе модельные, единые для всех правила; б) специальные нормы, фиксирующие специальные правила, детализирующие, конкретизирующие общие; в) исключительные нормы, подразумевающие исключения из общих или (и) специальных норм.

Существование такой системы детерминирует возможность возникновения коллизий как между общими и специальными правовыми нормами, так и между общими, специальными и исключительными юридическими предписаниями¹.

При этом единый у специальных и исключительных норм арсенал воздействия (изъятия и дополнения) на нормы, олицетворяющие общие правила, позволяет, в том числе, прийти к тезису о том, что каждая исключительная норма – норма специальная, но не каждая специальная норма будет являться исключительной. Здесь наблюдается соотношение целого (специальной нормы) и части (исключительной нормы).

Традиционное обозначение нормы, содержащей исключение из правила в качестве исключительной нормы, поддерживается некоторыми

¹ См.: Власенко Н.А. Указ. соч. С. 92.

современными исследователями¹.

В свою очередь, весьма интересную позицию занимает С.Ю. Суменков. Ученый предлагает разделять нормы, предусматривающие исключения из правил, на нормы-исключения и исключительные нормы²).

Точка зрения ученого (об экстраординарном характере исключительных норм) совпадает с мнением А.А. Деревнина. Последний подчёркивает, что исключительные нормы (в отличие от общих и специальных норм) регламентируют сверхштатные, крайне нетипичные казусы; установление данных норм во многом предопределено обстоятельствами экстраординарного характера³.

Приведенные мнения, безусловно, не охватывающие весь диапазон мнений относительно корреляции норм и исключений, позволяют сделать вывод о необходимости при анализе последних четко разграничивать общие нормы, специальные нормы и нормы, содержащие исключения.

Подобная стратификация более чем необходима, в том числе и из-за потенциально существующей в правовом регулировании конкуренции между общими, специальными и исключительными нормами.

И.Н. Сенякин верно пишет о том, что «...в процессе правоприменительной деятельности регулятивные правовые нормы безусловно будут конкурировать между собой»⁴, выводя регламентацию общественных отношений (отдельных групп) на новый уровень, что приводит и будет приводить к созданию как специальных, так и исключительных норм.

Конкуренция – это не только объективный, но и закономерный процесс совершенствования права и развития его системы. Наиболее

¹ См.: Неяскин Д.С. Указ. соч. С. 64-67.

² См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 227, 245, 236.

³ См.: Деревнин А.А. Специальные нормы в российском праве // Академический юридический журнал. 2002. № 1. С. 13. Его же. Исключительные нормы в праве // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. М.; Иркутск, 2007. Вып. 4. С. 10-17.

⁴ Сенякин И.Н. Указ. соч. С. 63.

распространенным видом конкуренции в праве является «соперничество» общих и специальных норм. Подобная конкуренция отражает специфику общественного развития, отражая два процесса имеющих место быть одновременно в правовом регламентировании: унификации и специализации¹.

Н.А. Власенко абсолютно верно отмечает то, что при конкуренции общей и специальной нормы именно специальная норма отменяет действие общей: *lex specialis derogat lex generalis* (когда «специальный закон отменяет действие общего»)².

И.Н. Сенякин считает, что «при столкновении в конкурентной борьбе общих и специальных норм необходимо учитывать следующие обстоятельства: 1) если конкурируют общее предписание и специальная норма-изъятие, то надо применять последнюю, поскольку последняя действует вместо общей нормы; 2) если конкурируют генеральное установление и специальная норма-дополнение или уточнение, то они действуют параллельно»³.

С мнением И.Н. Сенякина о конкуренции общих и специальных норм можно согласиться в плане того, что специальная норма может нивелировать действие общей нормы, а иногда может действовать наряду с генеральным предписанием – субсидиарно⁴.

Так, в подтверждении указанной выше позиции можно привести следующие примеры: 1) в соответствии с ч. 1 ст. 21 ГК РФ определяется, что по общему правилу гражданская дееспособность в полном объеме возникает с восемнадцатилетнего возраста. Ч. 2 данной статьи устанавливает специальные правила, отменяющие действие общей нормы (ч. 1 ст. 21 ГК РФ). Так, гражданин, который не достиг возраста 18 лет может приобрести

¹ См. об этом: Сенякин И.Н. Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993.

² Власенко Н.А. Указ. соч. С. 90.

³ Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. С. 65.

⁴ См.: Бару М.И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 48.

дееспособность в полном объёме в следующих случаях: а) когда законом разрешается вступление в брак до достижения совершеннолетия; б) объявления несовершеннолетнего, который достиг возраста 16 лет, полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, контракту или с согласия законных представителей занимается предпринимательской деятельностью; в) по решению органа опеки и попечительства, с согласия законных представителей несовершеннолетнего либо по решению суда (в случае отсутствия указанного согласия); 2) когда согласно ч. 1 ст. 20 ГК РФ по общему правилу местом жительства гражданина признается то место, где он постоянно или преимущественно проживает. Однако, ч. 2 указанной выше статьи предусматривает специальное правило, действующее параллельно с общей нормой (ч. 1 ст. 20 ГК РФ), что местом жительства несовершеннолетних считается место жительства их законных представителей (родителей, усыновителей, опекунов).

Исходя из изложенного, можно заключить, что конкуренция правовых норм, проявляющаяся в законодательстве, оттачивает гибкость юридической техники, позволяющей сочетать общие, специальные и исключительные предписания в разных вариациях.

Как думается, акцентировать внимание стоит не на том, что норма действует посредством изъятия либо дополнения. Как уже отмечалось выше – изъятия и дополнения – это способы воздействия специальных или (и) исключительных норм на магистральное (общее) предписание. Иллюстрацией правоты данной точки зрения служит позиция А.Ф. Черданцева, который пишет, что исключительные нормы устанавливают либо известные изъятия, либо выступают дополнением как к общим, так и специальным нормам¹.

Соответственно, вопрос не в том, что содержится в норме (изъятие или дополнение), а в том, что специальная норма действует параллельно с общей;

¹ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 74.

исключительная норма регламентирует отношения существенно иным образом, противоположным как общему, так и специальному предписанию¹.

В этой связи, равно как и в силу специфики, подпадающих под регулирование общественных отношений и стремлением законодателя к их дифференцированному регулированию, может возникнуть конкуренция и даже коллизия между общими, специальными и исключительными нормами².

При этом, как ни парадоксально, на практике существуют ситуации, когда исключение из специального правила проецируется на общее и соответствует ему.

Выше уже отмечалось, что при соперничестве общей и специальной норм приоритет отдается последней.

Равным образом при антагонизме общей нормы и нормы исключительной доминирование принадлежит исключительной норме³. Прежде всего подобное объясняется тем, что исключительная норма в проекции к общей также является нормой специальной.

В свою очередь, противоборство может возникнуть между специальными и исключительными нормами. В таком случае должна доминировать норма исключительная. Подтверждением тому могут служить, как минимум, два обстоятельства: во-первых, исключительная норма выступает особой «специализированной» разновидностью специальной нормы и здесь действует тот же принцип – специальная норма по тому же вопросу отменяет действие общей⁴; во-вторых, и это самое главное, исключительная норма содержит исключения, которые, что вполне естественно, могут быть не только из общих, но и специальных правил⁵.

Таким образом, складывается следующая ситуация: а) при конкуренции общих и специальных норм приоритет отдается специальным нормам,

¹ См.: Там же.

² См.: Власенко Н.А. Указ. соч. С. 92.

³ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 75; Власенко Н.А. Указ. соч. С. 90-91.

⁴ См.: Власенко Н.А. Указ. соч. С. 90.

⁵ См. об этом подробнее: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016.

которые посредством изъятия либо дополнения создают специальное по отношению к общему правило; б) при конкуренции исключительных и специальных норм доминируют нормы исключительные; в) при конкуренции общих и исключительных норм (такое может быть, когда исключения делаются не из специальных, а из общих правил)¹.

Однако, необходимо учитывать, что конкуренция норм может переходить в их коллизии. Наглядным примером конфликтного отношения конкурирующих норм выступает коллизия между специальным предписанием ТК РФ (абз. 2 ст. 179) и положениями целого ряда законодательных актов, также относящихся к специальным нормам. Возникновение данной коллизии объясняется следующим: 1) они действуют одновременно; 2) возникают в результате частичного совпадения объёмов регулирования, что в совокупности необходимо определять, как отрицательное явление правовой действительности.

Н.А. Власенко считает, что «коллизии правовых норм следует определять, как отношение между нормами, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения»². Ученый солидаризуется с А.Ф. Черданцевым в том, что «конкуренция - это лишь частный случай коллизии...»³, с чём нельзя не согласиться.

По нашему мнению, представляется, что логически выверенная позиция по данному вопросу - позиция И.Н. Сенякина, который считает, что «при конкуренции ... ни о какой коллизии не может быть и речи»⁴, поскольку «...нормы, конкурирующие между собой, во-первых, по-разному регулируют одну и ту же область общественных отношений и, во-вторых, не находятся в противоречии между собой»⁵.

Другими словами, следует согласиться, что конкуренция и коллизия

¹ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 74.

² Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск, 1984. С. 23.

³ Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сборник ученых трудов. Сборник ученых трудов СЮИ. Свердловск. 1970. Вып. 12. С. 60.

⁴ Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. С. 64-65.

⁵ Там же. С. 65.

норм права безусловно являются «...взаимосвязанными понятиями, но не являются идентичными, ввиду чего неправомерно их отождествление¹», и, как следствие, их необходимо чётко разграничивать.

При этом необходимо иметь ввиду, что не все столкновения между правовыми предписаниями следует рассматривать как аномалии в правовом регулировании общественных отношений².

Так, конкуренция между общей и специальной нормами права будет являться не конфликтом конкурирующих предписаний, а законодательным приёмом правового регулирования.

Из вышеизложенного следует, что конкуренция норм права – это ситуация «...объективной необходимости, вытекающая из целей дифференцированного регламентирования общественных отношений»³, «когда правовые нормы совпадают как по объёму, так и по содержанию, но имеют разную юридическую силу»⁴, тогда как коллизия – конфликтное («отрицательное») столкновение правовых норм.

Вопросы коллизионности и конкуренции юридических норм более чем актуальны, так как проецируются на существование общих правил, специальных правил, исключений из правил.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует отметить следующее:

Во-первых, правовое регулирование осуществляется посредством норм права. Они являются теми юридическими средствами, позволяющими праву осуществлять регламентацию общественных отношений. Многообразие последних обуславливает существование в арсенале права средств-исключений. Природа исключений, как юридических средств, дуалистична. Они могут выступать как в качестве нормативных средств правового

¹ Малков В.П. Конкуренция уголовно-правовых норм её преодоление // Сов. гос. и право. 1975. № 3. С. 59

² См.: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве. С. 89.

³ Там же.

⁴ Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. С. 65.

регулирования, так и средств правореализации, задействованных, прежде всего, в ходе правоприменения.

Во-вторых, детерминантой реализации исключений надо считать их нормативное оформление, подразумевающее возникновение исключительной нормы. Именно фиксация исключений в норме обуславливает возможность их реализации, подразумевающее включение исключения в правовое регулирование.

В-третьих, нормы, содержащие исключения, относятся к специальным нормам. Специальные нормы – уникальный юридический феномен, реализующийся посредством изъятий или (и) дополнений. Такие нормы представляют собой сложный конгломерат властных предписаний, часть из которых устанавливает специальные правила, а часть – исключительные нормы, содержащие исключения из этих правил. Специальные правила действуют наряду, параллельно с общими, в то время как исключения предусматривают абсолютно иной в проекции к общим или (и) специальным варианты регуляции.

В-четвертых, между общими, специальными и исключительными нормами возникают проблемы конкуренции и коллизии. При огромной вариативности и тех, и других можно отметить, что конкуренция норм – это вполне нормальное, «рабочее» состояние правового регулирования, в то время как коллизия норм – отрицательное явление, в обязательном порядке нуждающееся в устранении.

В-пятых, исключительная норма – это особая разновидность специальной нормы, содержащая в себе исключение из правил, реализуемое посредством изъятий или (и) дополнений из общих либо специальных предписаний, детерминирующее иной, альтернативный вариант юридической регламентации.

1.4 Формы выражения исключений и особенности их реализации

Удивительное разнообразие жизни, обусловленное многообразием ситуаций, отношений, процессов и состояний, еще более определяет необходимость социального контроля, регулирования со стороны общества и государства нормами права.

Закон необходимого разнообразия является своеобразной детерминантой, результатом которой выступает появление как нормы-правила, так и исключительных норм. Подобное обуславливается таким феноменом как нормообразование – процесс складывания (формирования) норм права, позволяющий затем перейти к процедуре нормотворчества. В этой связи С.С. Алексеевым было точно отмечено, что «под формированием права следует понимать процесс складывания юридических норм»¹.

Нормообразование – объективные, еще не кристаллизованные условия многообразия жизни, вмещающей в себе всю палитру разнообразия общественных отношений.

Создание норм, их реальное появление, как инструментального фактора, связано с таким феноменом как нормотворчество.

Понимание «нормотворчества» можно соотнести с процессом, детерминированным естественными потребностями общества для урегулирования разнообразных сфер жизнедеятельности человека и коллективных общностей².

Процесс нормотворчества органически является неотделимой частью существования любого коллектива людей.

Нормотворчество – такое направление человеческой деятельности, которое связано с созданием и воспроизведением нормативов регуляции общественных отношений.

¹ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: введение. Сущность социалистического права. Свердловск, 1963. Вып. 1. С. 128.

² См. об этом подробнее: Москалькова Т.Н. Нормотворчество: научно-практическое пособие. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 2015.

Тем самым нормотворчество включает в себе процесс по созданию и закреплению социальных и нормативно-правовых основ регулирования, стандартов поведения в обществе и государстве.

Соответственно, можно сказать, что нормотворчество – сложное социально-юридическое явление, определяемое как процесс создания и закрепления социальных и правовых основ регулирования, правил поведения в обществе и государстве.

Изложенное позволяет резюмировать, что если нормообразованию корреспондирует правообразование, то нормотворчеству – правотворчество.

В научной литературе нет единого подхода к восприятию «правообразования». В последние несколько лет учёные проявляют особый интерес к пониманию данного термина¹.

Правообразование представляет собой процесс, определяемый как легитимная деятельность субъектов права, направленная на формирование как правосознания, так и воли субъектов права и получающая выражение в объективизации правотворческой воли в законодательную форму.

Правообразование выступает социально обусловленным процессом, в основе которого заложены факторы различной природы, дифференциация которых определяется, исходя из «степени влияния отдельных факторов на характер и содержание правового регулирования»².

Содержание правовой нормы, её формы – всегда результат правообразования, определяющий необходимую внутреннюю организацию правовой нормы, внешнее выражение конкретного предписания, его формулировку.

¹ См. об этом подробнее: Никитюк С.М. Понятия «правообразование» и «правотворчество» в отечественной теории права // Вестник Пермского института ФСИН России. 2018. 1 (28). С. 1; Придворов Н.А., Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. М., 2012; Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: актуальные аспекты теории и методологии // Российский юридический журнал. 2010. № 5. С. 50-57.

² Трофимов В.В. Правообразование и правообразующие факторы в праве. С. 137.

Заключительным этапом, обуславливающим возведение воли законодателя в правовую форму (норму права) является правотворчество. Именно наличие конгломерата сложных неоднозначных факторов социальной действительности, поглощаемых в процессе правообразования, послужит затем (уже в ходе правотворчества) детерминантой появления в праве исключений.

В отношении собственно понимания «правотворчества» и связи последнего с исключениями представляется необходимым проанализировать существующие в юридической науке точки зрения о природе и сущности правотворчества¹.

Первая сводится к восприятию этого процесса как установления государством, его компетентными органами правовых норм.

Второй подход подчёркивает значимость процедурного характера в деятельности компетентных органов не только по созданию норм права, но и признанию правовыми тех правил, которые уже сложились в обществе.

А.Б. Венгеров считает, что правотворчество необходимо понимать, как организационно оформленную процедурную деятельность государственных органов по созданию правовых норм или признанию правовыми сложившихся, действующих в обществе правил поведения². Этот подход подчёркивает значимость процедурного характера в деятельности компетентных органов не только по созданию норм права, но и признанию правовыми тех правил, которые уже сложились в обществе.

Создание норм права - своего рода акт творчества, равно как творчеством выступает и создание права. Объективизация в правовую норму складывается под влиянием потребностей социальной жизни, целей, мотивов, интересов различных субъектов права, «... которые в процессе

¹ См. об этом подробнее: Кайтаева Х.И. Правотворчество в правовом государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Синюков С.В. Механизм правотворчества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012; Козырева А.Б. Корпоративное правотворчество : теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

² См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1999. С. 410.

взаимодействия инициируют правовые ситуации, а иногда и творят правовые нормы и юридическую практику»¹.

Несмотря на некоторое различие в подходах к пониманию правотворчества, следует отметить, что *«это всегда процесс»* (курсив наш - М.Б.) деятельности компетентных государственных органов, который направлен на конструирование результатов правообразования в формально определенные предписания общего характера.

Представляется, что выверенным необходимо считать определение правотворчества как разновидности процесса создания социальных норм в целях упорядочения общественных отношений, которое связано с официальным оформлением и возведением в разряд общеобязательных правил, признаваемых правильными, справедливыми обществом и государством.

Причинность появлений исключений в жизни, и как следствие в праве, обусловлена, прежде всего, совокупностью многообразных форм жизнедеятельности субъектов права, их коллективов, направленных на реализацию индивидуальных и групповых интересов, соблюдение прав, свобод человека и гражданина.

Представляется, на наш взгляд, уместным вспомнить, что возникновение в обществе такой организации политической власти как государство связано с появлением права. Г.Ф. Шершеневич писал, что государство, «являясь источником права, ... не может быть обусловлено правом». Исходя из данного утверждения, учёный декларировал, что государственная власть находится не под правом, а над ним. Из чего однозначно следует, что государство – это явление первичное, тогда как право – вторичное².

Право гарантирует некоторую упорядоченность общественных отношений посредством правовых норм. Однако, в условиях динамичного

¹ Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: актуальные аспекты теории и методологии. С. 133. С. 152.

² Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие (по изданиям 1910-1912 гг.). М., 1995. Т. 1. Вып. 1. С. 252.

развития общества, права и государства в целом, представляется невозможным обеспечить равновесие прав и свобод, надлежащее исполнение обязанностей, гарантировать требуемый уровень защиты субъектов права посредством только фиксации в нормативно-правовых актах общих стандартов человеческого общежития. Необходимым инструментом регуляции общественных отношений необходимо признавать исключения как уникальный ресурс (потенциал) права, позволяющий реагировать на разнообразие окружающей действительности.

Правотворчество является такой юридической категорией, которая имеет не только теоретическое (научное) значение, но и практическое применение.

В свою очередь результативность правотворчества находится в прямой взаимосвязи не только от надлежащей организации процесса (имеется в виду: создания, изменения или отмены НПА), но прогностической составляющей, связанной с непосредственным внедрением в оболочку НПА адекватного правового средства (например, трансформация в НПА юридического исключения), удовлетворяющее стоящую (конкретную) цель правового регулирования.

Нормы, появившиеся за счет нормотворчества, объективируются в форму права. Результаты правообразования находят свою фиксацию в правотворчестве. Последняя – это результат правотворчества, которое, в свою очередь, детерминировано правообразованием.

Нормы, обусловленные многообразием жизни, представляют собой (как уже отмечалось выше) не только правила, но и исключения.

С.Ю. Суменков справедливо отметил, что последние находятся не только в неразрывном единстве, но в тесной взаимообусловленной взаимосвязи с правилами. Если правила не могут существовать без исключений, то последние могут быть только из правила¹.

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 18.

Соответственно, и те, и другие находят свое выражение в значимых формах. В науке справедливо замечено, что форма позволяет организовать своеобразную юридическую материю, само содержание права, реализуя его в юридических структурах¹.

Содержание права зависит от государственной воли, но юридическую силу это содержание получает лишь с момента облечения его в соответствующую форму².

Форма (источник права) воспринимается как некоторые определенные способы (приёмы и средства) выражения государственной воли общества³.

В зависимости от формы выражения «продуктами» правотворчества являются такие источники права как: правовой обычай, прецедент, нормативный договор и нормативно-правовой акт (далее по тексту - НПА).

Правовой обычай - форма права, получившая достаточно широкое освещение в юридической науке. Обычай по природе своего происхождения не может сводиться только к стандартам и правилам, поскольку является социальным институтом, приближенным к жизни. Выше уже было сказано о том, что обычай, как первейшая форма объективизации социальных норм, может содержать исключения из правил.

Под правовым обычаем признаётся сложившийся и регулярно применяемый, типичный вариант поведения, являющийся обычным для определенных случаев, санкционированный со стороны государства.

Правовой обычай как форма права весьма сложное явление. Оно не имеет свойства институциональности, что, по крайней мере, не выражено в письменных знаковых символах. Поэтому выявить исключения из правила в правовом обычае, по нашему мнению, практически невозможно. К тому же, стоит учитывать и разнородную территориальную и субъектную палитру

¹ См.: Алексеев С.С. Тайна права: его понимание, назначение и социальная ценность: рез. с претензией. М., 2001. С. 13-14.

² См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 26.

³ См.: Байтин М.И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 67.

действия правовых обычаев: то, что в одной местности и для одних групп населения может считаться устоявшимся правилом, для других не является вообще нормативным предписанием.

Однако, сказанное не означает отсутствие взаимосвязи правового обычая и исключений. В проекции к правотворческой деятельности она проявляется следующим образом. В тексте нормативного акта содержится определенное правило; из него имеется исключение, обозначаемое текстуально в виде какого-либо нормативно-правового термина¹. Это исключение бланкетным способом обращено на правовой обычай.

Наглядной иллюстрацией данного вывода служит ситуация с захоронением тела умершего в открытом море. Кодекс торгового мореплавания РФ (ст. 70) регламентирует казусы, связанные с наличием на борту судна трупа (абз. 2 ч. 3). Эта регламентация осуществляется посредством правил, закрепленных в норме. Из правил имеется исключение, обозначаемое термином «исключительный случай».

В данной статье под исключением выступает правовое предписание, которое дает возможность капитану судна в исключительном случае предать тело умершего морю в соответствии с *морскими обычаями (курсив наш – М.Б.)*.

Термин, указанный законодателем в данной статье употреблен более чем верно и точно². Но, как думается, главное все же не как обозначено исключение в процессе текстуального создания статьи, а то, что оно ссылается на правовой обычай, обеспечивая столь необходимую взаимосвязь (в правотворческом аспекте) между нормативным актом, с его строго фиксированными правилами и исключениями, и правовым обычаем, в соответствии с которым как раз и будет реализовано исключение.

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7 (151). С. 58-67.

² См.: Там же.

К сожалению, не представляется возможным привести чёткий пример правового обычая (в котором содержится исключение), поскольку сами правовые обычаи являются устоявшимися и сложившимися «обыкновениями», в которых правовые исключения являются важной инструментальной основой выражения всего многообразия общественных отношений.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что исключения, содержащиеся в правовых обычаях, являются инструментом регламентации случаев казуального характера, а также необходимым формализационным сегментом правового обычая. Все вышесказанное обуславливает специфику реализации исключений, содержащихся в правовом обычае.

Иной формой права служит прецедент как многогранный феномен, отражающий исторические, социальные, экономические и другие детерминанты правовой действительности, в границах которых прецедент появляется и функционирует.

Прецедент может быть как административным, так и судебным. Именно последний и играет магистральную роль как источника права.

Судебный прецедент - нормотворческое решение судебного органа, которое приобретает характер модельных образцов для разрешения аналогичных дел, что позволяет обеспечить единство судебной практики, а также гарантировать равенство граждан перед законом и судом.

Судебный прецедент традиционно считается источником (формой) права в англо-саксонской правовой семье¹.

При этом в английском праве широко распространена техника исключений, определяемая как базовый технический приём, не устанавливающий строгих нормативов для толкования закона. Кроме того, правило прецедента воспринимается как потребность права судебной практики и правовой жизни в целом. Тем самым, благодаря апробированной

¹ См.: Куандыков М.К. Судебный прецедент как источник права в англосаксонской системе права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 2002.

технике исключений, в Англии добиваются необходимых целей правотворчества «не колебля самого здания права»¹.

Исключения внедряются в правовую жизнь посредством закрепления в прецедентных решениях, содержащих юридическую норму, что позволяет не только эффективно урегулировать фактическое состояние жизненного казуса, но и свести на нет противоречия «...того, что должно быть, но и того, что уже есть...»².

Единого мнения по вопросу определения роли и места судебного прецедента в романо-германской правовой семье так и не сложилось, что позволяет выделять как сторонников, так и противников восприятия его как источника права.

По нашему мнению, в России прецедент получил своё выражение в судебной практике. Несмотря на то, что так и не получил законодательного признания, он не только существует, но и оказывает колоссальное влияние на формирование и развитие права.

С.С. Алексеевым точно отмечено, что «правосудие не может рассматриваться как механическое претворение в жизнь писанных правовых установлений, поскольку является живым правом, правом в жизни...»³.

Выражая полное согласие с приведенной точкой зрения, необходимо подчеркнуть, что судебная практика выступает детерминантой легитимизации исключений, позволяя тем самым разрешать нестандартные жизненные казусы; именно в судебной практике отображается диалектика общего и особенного⁴.

Наличие исключений в судебной практике следует рассматривать как проявление отражения реальной жизни, её разнообразия и

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 331-332.

² Кудрявцев В.Н. Юридические нормы и фактическое поведение // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 13.

³ Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 322.

⁴ См. об этом подробнее: Гук П.А., Суменков С.Ю. Правовые исключения и их реализация в судебной деятельности // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 123-130.

многофакторности, определяемое как неотъемлемый компонент права, особый регулятор общественных отношений.

Показательной представляется позиция Европейского суда по правам человека (далее - ЕСПЧ) по вопросу о некоторых *исключительных обстоятельствах* (курсив наш – М.Б.), которые определяют осуществление юрисдикции государством-участником за пределами своей территории¹. ЕСПЧ в своей практике приходит к выводу о том, что в каждом случае подтверждение исключительных обстоятельств об осуществлении государством экстерриториальной юрисдикции должно разрешаться с учётом конкретных фактов². Практика ЕС подтверждает сформировавшийся принцип-исключение, который заключается в обязанности контролирующего государства обеспечивать в зоне, которая находится под его контролем, все материальные права, предусмотренные Конвенцией и ратифицированными им Протоколами к ней.

Доктринальная позиция о том, что сама по себе экстерриториальность выступает исключением из правил³, обосновывается тем самым предписаниями ЕСПЧ, имеющими нормативный характер.

В российской правовой системе, если все же признать наличие у высших судебных органов нормотворческой функции, безусловно, можно говорить, что нормативные предписания, издаваемые этими органами, выступают как исключения из правил⁴.

¹ См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июля 2011 г. Дело «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства» (Al-Skeini and Others v. United Kingdom) (жалоба № 55721/07) (Большая Палата) (извлечение) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 1.

² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июня 2015 г. Дело «Чирагов и другие (Chiragov and Others) против Армении» (жалоба № 13216/05) (Большая Палата Европейского Суда) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2015. № 12.

³ См. об этом: Баранов В.М., Овчинников А.И., Самарина А.А. Экстерриториальное пространство права М., 2018.

⁴ См.: Суменков С.Ю. Высшие судебные органы как создатели исключений из правил // Суд как субъект правовой политики. М., 2014. С. 193-199.

В качестве иллюстрации сказанного можно привести выдержку из одного судебного акта, в котором регламентируется, что «применение к непоименованным договорам по аналогии закона императивных норм об отдельных поименованных видах договоров возможно *в исключительных случаях*» (курсив наш – М.Б.), среди которых выделяются следующие случаи: когда ограничение свободы договора необходимо для защиты охраняемых законом интересов слабой стороны договора, публичных интересов; предотвращения грубого нарушения баланса интересов сторон¹.

В этом смысле исключительная норма, принятая судом, наполняется конкретным содержанием и позволяет конкретизировать, в каких конкретных случаях возможно применение к непоименованным договорам по аналогии закона императивных норм (об отдельных поименованных видах договоров).

В приведенных примерах прослеживается аналогия с правовыми обычаями, а именно то, что и в прецедентах исключения выступают особым правотворческим инструментарием.

В этой связи М.Н. Марченко справедливо отмечено, что «... суды достаточно часто вынуждены и должны создавать право...иначе они будут способствовать не защите, а нарушению прав»². Детерминированность появления исключений в судебных прецедентах определяется, прежде всего, объективизацией судебного правотворчества.

Поэтому не следует отрицать значение прецедента как реализационного механизма, позволяющего оперативнее, посредством уникального правового инструментария (имеется ввиду правового исключения) урегулировать неоднозначный жизненный казус.

Стабильность и определенность правовых норм достигается на законодательном уровне только тогда, когда правотворчество

¹ См.: Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

² Марченко М.Н. Источники права. М., 2005. С. 396.

«функционирует» на опережающее развитие, синтезируя в себе весь комплекс инструментальной техники исключений¹.

Понятие «нормативный договор» не является новым для юридической науки. Нормативный договор представляет собой *соглашение* субъектов права, которое регламентирует между ними отношения посредством закрепления взаимных прав и обязанностей, рассчитанных на длительное действие и применение. Нормативный договор также может определяться как *договорный акт*, закрепляющий правовые нормы, которые являются обязательными для неопределенного круга лиц и предназначены для неоднократного применения.

Солидаризуясь с М.Н. Марченко, необходимо отметить, что нормативно-правовой договор является не просто актом правотворчества (имеется ввиду как любой НПА), а актом, который порождается особым видом договорного правотворчества (согласительным правотворчеством)².

Исключения в праве теснейшим образом связаны с нормативным договором.

Они находят своё выражение в нормативных договорах, позволяя учитывать определенные нюансы, некоторые особенности положения того или иного субъекта права, фактические обстоятельства и ситуации, возникающие в исключительных, не стандартизированных случаях.

Наглядным примером корреляции исключений с нормативным правовым актом выступают положения ст. 12 Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Болгарии о взаимных поездках граждан (София, 5 марта 2002 г.), в которой определяется, что каждая из сторон данного соглашения *имеет право* (дозволение) полностью или в какой-либо части *приостановить* действие указанного соглашения в

¹ См. об этом: Баранова М.В. Исключение из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 82-90.

² См.: Марченко М.Н. Указ. соч. С. 288.

исключительных случаях, а именно: на время стихийных бедствий, эпидемий, по соображениям национальной безопасности и общественного порядка¹.

Такое исключение, закрепленное в договоре, дает возможность сторонам договора в случае наступления каких-либо исключительных обстоятельств приостановить действие указанного нормативного договора.

Другим примером является положение абз. 5 ч. 3.1.13. Федерального отраслевого соглашения по угольной промышленности на 2019 - 2021 годы, являющегося, по нашему мнению, типичным примером договора с нормативным содержанием. Указанное положение предусматривает, что «за неиспользованные дополнительные отпуска, которые определены действующим законодательством и иными нормативными правовыми актами, *в исключительных случаях, в порядке, определенном коллективным договором*, производится выплата денежной компенсации» (курсив наш – М.Б.)².

Тем самым коллективным договором допускается выплата денежной компенсации за неиспользованные дополнительные отпуска. При этом такая выплата, не предусмотренная действующим законодательством, выступает ни чем иным как исключением из правил. Об этом недвусмысленно свидетельствует фигурирующий в тексте нормативного договора термин – «исключительный случай».

Тем самым из общего правила посредством исключений вводится нормативное предписание, позволяющее увеличить диапазон прав человека в условиях неиспользованного дополнительного отпуска.

Многообразии источников права, как неотъемлемый фактор образования исключений, свидетельствует о разнообразии динамично изменяющихся социальных отношениях, неповторимых жизненных ситуаций.

¹ См.: Бюллетень международных договоров. 2005. № 4.

² Федеральное отраслевого соглашение по угольной промышленности на 2019 - 2021 годы (подписано 18 января 2019 г.) // Газета «Солидарность». 2019. № 13. от 27 марта - 3 апреля.

Если продолжать иллюстрацию наличия исключений в формах права, неизбежно затрагивается вопрос об основной на настоящий момент форме – нормативном правовом акте (НПА).

Нормативно-правовой акт как источник права имеет не только организационно-техническое преимущество, но и «... признаётся лучшим способом оформления устоявшихся норм»¹.

НПА – это основная форма права в романо-германской правовой семье, в том числе и в России. При этом указанная форма права усиливает свое значение и в иных правовых семьях, где на настоящий момент не является генеральной формой права.

С.Ю. Суменков подверг тщательному анализу НПА как базовую форму выражения исключений в праве². По нашему мнению, позиция о том, что НПА является базовой формой воплощения исключений более чем верная. Более того, присутствие исключений в НПА непосредственно влияет, как уже было сказано, на наличие исключений, их концентрацию и соотношение в иных формах права – правовых обычаях, прецедентах, нормативных договорах, а также (что немаловажно) и на применение последних.

При этом исключения могут выражаться в отдельных НПА, относящихся либо к законам, либо иным подзаконным актам.

Однако, чаще всего исключения содержатся в тексте НПА в одном конгломерате с правилами. При этом поразительным является насыщенность современных НПА исключениями из правил.

Исключения зафиксированы во всех видах законов – конституционных и текущих; кодифицированных, органических и простых; они присутствуют во всех разновидностях подзаконных нормативных актов. Исключения имеют место быть на любом уровне НПА – международном, федеральном, региональном, муниципальном и локальном.

¹ Пиголкин А.С. Общая теория права: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1996. С. 174.

²См.: Суменков С.Ю. Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 7 (116). С. 59-69.

Как думается, нет смысла иллюстрировать высказанный тезис текстами из действующего законодательства. Констатация наличия исключений в НПА – факт, установленный юридической наукой.

Конечно, вопросы, связанные с присутствием исключений в тексте НПА остаются. В частности, предельно интересным является оценка соотношения исключения, содержащегося в законе, и правила, закрепленного в подзаконном НПА. По нашему мнению, здесь надо исходить из юридической силы формы права, в которой существуют как правила, так и исключения, и, соответственно, отдавать доминирование исключениям, отраженным в законе, а не правилам подзаконных актов.

Например, п. 1, ч. 5.2., ст. 5 Приказа Министерства энергетики РФ от 8.05.2013 г. № 231 регламентировано правило о том, что заместителю Министра запрещается участвовать на платной основе в деятельности органа управления коммерческой организации. И в этом же пункте (ч. 5.2. ст. 5) подзаконного НПА законодателем из общего правила вводится исключение, обозначенное посредством формулировки *за исключением случаев, установленных в федеральном законе*¹. Тем самым, преимущество принадлежит федеральному закону. Вместе с тем данную дилемму нельзя оценивать однозначно. Подзаконные НПА могут предусматривать исключения из правил, установленных в законе. В частности, п. 3, ст.2 ФЗ от 07.12.2011 г. № 415-ФЗ² устанавливает правило, что течение срока проведения операции в реестре начинается с момента приема эмитентом документов для проведения операции в реестре, *за исключением случаев* (курсив наш – М.Б.), установленных нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти по рынку ценных бумаг.

¹ См.: Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 32.

² См.: ФЗ от 7.12.2011 г. № 415-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О центральном депозитарии» // СЗ РФ. 2011. № 50, ст. 7357.

Как видно, здесь приоритет имеют подзаконные акты специализированного органа. Однако, и здесь надо осознавать то, что санкционирование подобного рода исключений допускается лишь положениями закона. Главное, на наш взгляд, не просто констатация наличия исключений в законах и подзаконных актах и даже не освещение отдельных вопросов, вызванных их наличием. Центральным является уяснение роли исключений в правотворческом процессе; их понимания как необходимого и предельно важного инструмента правотворчества, посредством которого и создаются формы позитивного права вообще и нормативных правовых актов, в частности¹.

Сущности и особенностям исключения как приема правотворческой техники и будет посвящен следующий параграф настоящего исследования.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, надо отметить следующее.

Во-первых, в сфере правового регулирования учет исключений из правил происходит в нормообразовании и правообразовании. Нормообразование связано с процессом возникновения юридических норм, содержащих, в том числе, исключения; правообразование коррелирует с создания форма права, в которых имеются исключения из правил. В настоящий момент общепризнаны четыре формы права – правовой обычай, прецедент, нормативный договор, нормативный правовой акт. Каждая из этих форм немыслима без исключений из правил; они необходимы при реализации регламентирующей функции права.

Во-вторых, правовой обычай может устанавливать исключения, если такая возможность санкционирована в нормативном правовом акте. Подобного рода исключения реализуются в ходе казуальной регламентации конкретного сегмента общественных отношений. Сложность реализации

¹ При этом хотелось бы отметить органическую связь, которую обеспечивают исключения, в ходе объективирования различных форм права. Показательным, на наш взгляд, выступает ч. 2, ст. 21 ФЗ от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4850.

исключений объясняется отсутствием у правового обычая качества институциональности и, как следствие, преобладание бланкетного способа отсылки от правила, зафиксированного в нормативном акте, к исключению, отраженному в обычае. Трудности составляет и разнородная территориальная и субъектная палитра действия правовых обычаев.

В-третьих, юридический прецедент (административный и судебный) может быть формой выражения исключений. Магистральное значение имеет судебный прецедент, позволяющий посредством закрепления исключения выступить в качестве образца, в перспективе необходимого для регламентации и разрешения нестандартных жизненных ситуаций. Акты прецедентного характера, фиксирующие исключения, позволяют сочетать в правовом регулировании требуемую абстрактность и необходимую конкретность, обеспечивая его эффективность и наибольший охват. В ходе правореализации прецедент позволяет оперативно, посредством уникального правового инструментария (исключения) разрешить неоднозначный жизненный казус.

В-четвертых, в нормативный договор могут включаться исключения из правил. При этом по аналогии с правовым обычаем, если правила установлены нормативным правовым актом, то исключения должны быть им предусмотрены последним. Особенностью таких исключений выступает то, что их реализация является прерогативой только сторон, заключивших данный договор. Реализация исключений, закрепленных в нормативном договоре, позволяет упорядочивать определенные нюансы, некоторые особенности положения того или иного субъекта права, фактические обстоятельства и ситуации, возникающие в исключительных, не стандартизированных случаях.

В-пятых, нормативный правовой акт имеет приоритетное значение среди иных форм права, в том числе в проекции к формализации исключения. Все иные формы права не могут вводить исключения из правила, содержащегося в нормативном акте, если только сам данный акт,

либо акт, обладающий высшей юридической силой, не санкционирует возможность существования исключения. Здесь надо исходить из юридической силы формы права, в которых существуют как правила, так и исключения, и, соответственно, в ходе реализации исключительных норм отдавать доминирование исключениям, отраженным в законе, а не правилам подзаконных актов.

В-шестых, важным является не только констатация факта присутствия исключений в той или иной форме права и даже не объяснение детерминант их наличия и взаимосвязи. Приоритетным выступает познание не только форм объективизации исключений, но и специфика их реализации в зависимости от конкретной формы их выражения.

ГЛАВА 2. РЕАЛИЗАЦИЯ ИСКЛЮЧЕНИЙ В ПРАВЕ: ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1 Целевое предназначение реализации исключений в праве и их функциональная нагрузка

Понятие «цель» является одной из центральных и основополагающих категорий не только права, но и философии, а также других областей знания.

В частности, целесообразность в обществе присутствует как некая размеренность, присущая природе. Особенность её определяется в сознательном формировании ориентиров, которые закладываются на основе знаний, опыта и потребностей индивида.

Цель человека – феномен, который зарождается и функционирует на уровне сознания¹. Она является умственным процессом, и, во-вторых, данную категорию необходимо обозначить как сложносоставную, что подтверждается ее собирательным началом (как субъективными (волей человека, деятельным мышлением и т.д.), так и объективными (связями, свойствами и т.п.) факторами).

Цель – отражательное начало мыслительной деятельности, материализующееся только в процессе деятельного труда.

Цель в философии представляет собой предвосхищённый в сознании результат, на достижение которого направлены действия субъекта. Г.В.Ф. Гегель определяет цель как содержание, которое находит свое внешнее выражение в результате, предопределяемом поставленной целью. В философских работах также можно встретить следующие представления о цели: например, как об объективной потребности, или явлении объективного мира, либо будущем результате деятельности.

Если цель представляется как конечный результат деятельности субъекта, то ценность – желаемое благо, установка, своего рода «двигатель» реализации поставленных целей.

¹ См.: Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003. С. 11.

Тем самым цель – это мысленный образ модельного поведения и возможные будущие действия субъекта, закладывающие осмысленность, нацеленность на достижение «желаемого» результата, на который преднамеренно направлен процесс¹. И. Канту было близко такое понимание цели². А. Бергсон также отмечал особую, модельную роль цели, позволяющей сконструировать способ достижения целостного результата³. Рассматривая понятие «цель» с точки зрения философии, необходимо понимать зависимую природу цели как от материального мира, так и закономерностей социальной жизни.

В психологии, например, понятие «цель» определяется как предвосхищаемый полезный результат, который определяет целостность и направленность поведения человека⁴. Создавая цель, человек, поступательно осуществляет «детерминацию будущим»⁵.

Категориальную природу данного понятия следует понимать как идеальное явление, позволяющее характеризовать цель либо в «в сознании результата, на достижение которого направлены действия субъекта, носителя цели ... как мысленно представляемый предмет»⁶, либо «в идее представляемого предмета»⁷, либо как «идеальный мысленный образ создаваемой ценности»⁸.

Разделяя последнее утверждение как одно из возможных и более точных вариантов понимания цели, на наш взгляд, учёным определенно справедливо отмечено, что цель тесно связана с категорией ценности. Истоки данного убеждения заложены в понимании ценностей как предметов, явлений, их

¹ См.: Доброхотов А.Л. Цель. Новая философская энциклопедия. М., 2000. С. 42.

² См.: Макаров М.Г. Категория «цель» в домарксистской философии. Л., 1974. С. 132-133.

³ См.: Бергсон А. Собрание сочинений: в 5-ти т. СПб., 1913. Т. 1. С. 49, С. 82.

⁴ См. об этом: Сучков Д.Д. Характеристики целей как факторы субъективного благополучия : дис. ... канд. псих. наук. М., 2017.

⁵ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957. С. 243; Аскин Я.Ф. Философский детерминизм. Саратов, 1974. С. 58.

⁶ Макаров М.Г. Указ. соч. С. 8.

⁷ Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969. С. 45.

⁸ Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968. С. 18.

свойств, идей и побуждений, которые нужны людям, их историческим общностям для удовлетворения их потребностей и интересов, связанных с нормальным, закономерным развитием тех или иных общественных отношений¹.

Следовательно, цель – это есть ценность, заложенная в сущности человека. По природе своей он не только сознательно планирует, но прогнозирует свою деятельность.

Органическая взаимосвязь и взаимопроникновение между такими категориями как «ценность» и «цель» во многом позволяет определить их соотношение.

Ценность является регулятором более высокого уровня, нежели цели определенных действий. Из чего логично следует, что именно ценности предопределяют и тем самым детерминируют функционирование самих целей. Целеполагание включено в отношения общественной жизни, которые обладают определенной социальной значимостью (ценностью).

Наиболее ярко это соотношение проявляет себя в правовой сфере. В юриспруденции под «целью» понимают что-то объективное, употребляются такие синонимичные понятия, как «итог», «результат», «последствие» или «объект» деятельности². В частности, Г. Радбрух пишет о том, что «цель составляет основание создания ... права»³.

Проблему ценности права детально разработал С.С. Алексеев, который обосновал позицию о том, что право - это не только необходимость, но и социальное благо, социальная ценность⁴.

¹ См.: Там же. С. 11-16; Нарский И.С. Ценность и полезность // Философские науки. 1969. № 3. С. 61-67.

² См.: Малько А.В., Шундилов К.В. Указ. соч. 2003. С. 9.

³ Радбрух Г. Введение в науку права. М., 1915. С. 130

⁴ См. об этом: Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М., 2016 // СПС «Гарант» (дата обращения 13.12.2018 г.).

А.И. Экимов считает, что цель в праве выступает как общая цель регулирования всего комплекса общественных отношений¹.

Право тогда достигает своих целей, когда юридические средства (в том числе исключения в праве) в полном объеме обеспечивают требуемую гибкость и своевременность, эффективность, нацеленную на результативность правового регламентирования.

Цель, стоящая перед любым правовым феноменом, предопределяет не только его ценность, но и ценность права, повышая его роль как магистрального социального регулятора.

Исключения, олицетворяющие собой юридические средства, также направлены на достижение целевых установок, к которым относятся требуемая гибкость и своевременность, эффективность правовой регламентации. Следует согласиться с мнением С.Ю. Суменкова о том, что исключения обеспечивают дифференцированность и оперативность права, а также гарантированность юридической безопасности участников общественных отношений, что предоставляет возможность добиться полноты и эффективности правового регулирования².

В частности, анализ целей исключений свидетельствует о том, что исключения являются средствами юридического воздействия на общественные отношения, выраженные в нормах права.

От того, насколько технически точно, выверено и юридически грамотно будет рассчитана уполномоченными на то субъектами «...сила воздействия и место ее приложения...(на те или иные общественные отношения)», будет определяться ценность целевой направленности исключений.

Так, в подтверждение данной позиции С.С. Алексеевым точно отмечено, что одним из критериев эффективности правовой нормы является её

¹ См. об этом подробнее: Экимов А.И. Категория цель в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1970.

² См. об этом: Суменков С.Ю. Целевое предназначение исключений в праве // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов. 2009. № 5 (69). С. 31-33.

полезность (ценность), что выступает в качестве одного из обязательных предпосылок её направленного действия на результат.

Названные выше цели связаны с самим фактом нахождения исключений в арсенале правового регулирования. Поэтому их можно обозначить в качестве превентивных, обеспечивающих уже самим статичным фактом наличия исключений потенциальную возможность существования альтернативного варианта регуляции, необходимого для разрешения нестандартного жизненного казуса.

Здесь следует отметить, что целями исключений в данном аспекте выступает оздоровление норм права, что обеспечивается наполняемым конструкционным компонентом юридической нормы.

Так, санацию правовых норм необходимо рассматривать как перезагрузку (необходимые изменения), которая детерминирована потребностями социального развития.

Например, санацией правовой нормы выступало, по нашему мнению, нормативное предписание, в котором после слов «решение об их согласовании или отклонении» Приказом Минфина России от 3.07.2018 г. № 148н вводилось конструкционное дополнение, определенное следующими словами «*за исключением изменений*, вносимых с присвоением кода вида изменения 360...(курсив наш. - М.Б.)»¹.

Интересным для обозрения служит пример вносимого законодателем изменения (дополнения) в ч. 1 ст. 33 ГПК РФ, в котором наглядно прослеживаются веяния (новеллы) судебной реформы.

Конструктивные обороты, применяемые законодателем («за исключением изменений», «за исключением случаев», «за исключением» и другие), целенаправленно вводятся не только в рамках совершенствования (актуализации) правовых норм, но и для поддержания их функционализации.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации: URL: [https:// www.pravo.gov.ru](https://www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 30.03.2019).

В контексте заявленной темы исследования важнейшее значение имеют цели, обусловленные непосредственной реализацией исключений. Такие цели связаны с динамической стороной названного правового феномена, выражаются в ходе практического воплощения исключения из правил.

Целью исключений, безусловно, является не только очерчивание определенности в поведении субъектов права (как действия, так и разумного бездействия), но и адекватное, эффективное отражение потребностей субъектов права - законных интересов¹.

Следует отметить, что законные интересы - это не есть только дозволенные и разрешенные, но и не запрещенные цели (потребности) субъектов общественных отношений, направленных на достижение некоторых благ².

Вместе с тем, если правовое регулирование осуществляется по модели: «все, что не запрещено, дозволено», то очевидно, что исключения нацелены регламентировать общественные отношения с исчерпывающей конкретностью и полнотой.

Например, в ст. 928 ГК РФ законодателем сформулирован исчерпывающий перечень интересов, страхование которых не допускается, а именно – страхование противоправных интересов, страхование убытков от участия в играх, лотереях и пари, а также страхование расходов, связанных с целями освобождения от заложников.

Изложенное подтверждает, что исключения направлены не только на гарантированное и полное удовлетворение законных интересов субъектов права, но и на вытеснение общественных отношений, на которые наложен запрет или ограничение.

Действие исключений заключается не только и не столько в устранении противоречий между предписаниями общего характера, сколько в

¹ См об этом подробнее: Субочев В.В. Законные интересы в механизме правового регулирования. М., 2007. С. 20.

² См.: Малько А.В., Субочев В.В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004. С. 73.

закреплении и гарантировании «...особых или специальных¹» целей или интересов субъектов права.

Тем самым, исключения в праве создают и порождают новые общественные отношения, содействуя не только их зарождению, но и дальнейшему развитию, что позволяет ликвидировать те общественные отношения, которые находятся в противоречии с законодательством.

Таким образом, реализация соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина представляется немислимой (невозможной) без установления таких способов правового регулирования как дозволения и ограничения.

В первую очередь, следует отметить, что эффективность правового регулирования общественных отношений как посредством формализованного закрепления исключений в норме права, так и выполнением ими такой уникальной функциональной нагрузки как обеспечение разумности и определенности в праве.

Слово «разумность» происходит от прилагательного «разумный»² и отражается в таких синонимичных значениях, как целесообразность, рациональность, правильность, тогда как определенность происходит от прилагательного «определенный» и выражается также многообразно словами ясность, точность, конкретность, четкость.

Вопросы о понимании «разумности» и «определенности» в юридической науке были и остаются актуальными темами научных исследований³.

¹ Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2011. С. 205.

² См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 654-655.

³ См. об этом подробнее: Коваленко К.Е. Разумность в праве: основные формы проявления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015; Рогачёв Д.Н. Разумность как общеправовая категория: проблемы теории, техники, практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010; Комарова Т.А. Верховенство права, разумность и справедливость как основные начала системы пересмотра судебных актов в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2017; Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном

В юридической литературе «разумность» понимается и определяется с разных аспектов, так как законодательно не закреплено унифицированного (и единого) нормативного определения данной категории.

В частности, одни учёные считают, что разумность в праве - «законодательное требование»¹, определяемое как «внешнее мерило», служащее масштабom оценки действия субъектов, то есть в качестве принципа права², другие - как принятие адекватного правоприменительного решения (например, судебного) по какому-либо делу, (имеются в виду такие случаи, когда есть пробелы в самой регламентации отношений в определенной рассматриваемой сфере)³.

По нашему мнению, разумность в праве бесспорно является оценочным юридическим понятием, представляющим собой некоторую рациональную установку действий субъектов права, обеспечивающую внутренние пределы (границы) права.

Разумность исключений позволяет добиться надлежащего регулирования общественных отношений и находит свое отражение в максимальном учете многообразия и динамичности жизненных казусов.

Неразрывная связь исключений и разумности наглядно прослеживается в законодательстве, что во многом определяется юридической техникой, о чем более подробно будет сказано ниже.

Восприятие разумности, как цели реализации исключений, позволяет предельно выверено рассчитать диапазон их действия применительно к конкретному правовому предписанию.

судопроизводстве : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2015; Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права : автореф. ... д-ра. юрид. наук. М., 2019.

¹ Виниченко Ю.В. Категория разумности в гражданском праве России. Иркутск, 2007. С. 171.

² Виниченко Ю.В. Разумность в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 17-18.

³ См.: Марченко М.Н. Правовые системы современного мира: учебное пособие. Издание 2-е, перераб. и доп. М., 2009. С. 528.

Наглядным примером проявления разумности как цели реализации исключений выступают положения ч. 3 ст. 92 УИК РФ.

Осужденным, находящимся в дисциплинарном изоляторе (далее по тексту - ДИЗО), запрещаются телефонные разговоры (ст. 137 УИК РФ).

Данное ограничение прав и свобод человека и гражданина осуществляется в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

Однако, ч. 3 ст. 92 УИК РФ предусматривается, что «телефонный разговор может быть разрешен при *исключительных личных обстоятельствах*» (курсив наш – М.Б.).

Объясняя цель термина «исключительные (личные) обстоятельства», необходимо исходить из понимания глубокого смысла, разумно и рационально заложенного законодателем в данной правовой норме.

Вводя и определяя действие исключительных личных обстоятельств в ч. 3 ст. 92 УИК РФ, законодатель, придерживаясь принципов уголовно-исполнительного законодательства (ст. 8 УИК РФ), не только проявляет гуманность, но и учитывает дифференциацию и индивидуализацию жизненных ситуаций осужденных.

Положения ч. 3 ст. 92 УИК РФ основаны, прежде всего, на принципе гуманизма, определяемого (проявляющегося) в «человечности» по отношению к осужденным.

Отклонение, предусмотренное в приведенной выше норме (имеются ввиду «исключительные личные обстоятельства»), позволяет предупредить наступление других нежелательных последствий (таких как: суицид, побег осужденного и другие).

Ввиду чего следует особо отметить, что исключения в конструкции правовой нормы всегда призваны стабилизировать и урегулировать некоторые обстоятельства (имеется ввиду, например, чрезвычайные, нештатные и другие) в жизни человека.

Приведенный пример позволяет разумно (рационально) подойти к решению вопроса по ограничению основных прав, учитывая не только общие

ограничительные правила, но и исключения из них, обозначенные как *личные исключительные обстоятельства, позволяющие реализовать определенные (разумные) цели*¹ (курсив наш – М.Б.).

Из изложенного следует, что исключения в праве (также, как и право в целом) в силу своего функционала обеспечивают рационализацию (посредством достижения разумности и определенности) регулятивного эффекта правовых норм.

С другой стороны, рассматривая взаимосвязь взаимодействия таких категорий как «разумность» и «определенность» в контексте реализации исключений, следует отметить, что «побочным» свойством достижения исключениями «определенности» является «неопределенность».

Интересным здесь представляется мнение Н.А. Власенко, который отмечает, что «неопределенность используется как средство достижения оптимальной... определенности в правовом опосредовании общественных отношений»².

Указанное утверждение помогает прийти к выводу о том, что «неопределенность» исключений необходимо рассматривать как некоторое промежуточное явление (дефиниция), позволяющее добиться в правотворческом процессе разумности и определенности.

Последнее во многом детерминировано фиксацией в текстах нормативно-правовых актов такого юридически значимого термина как «исключительный случай»³.

Необходимо выделить, что если «казуистические» исключения являются определенными (уточненными) в норме права, то «неопределенные» (не уточненные) детерминированы, прежде всего, абстрактными обобщениями юридической нормы. С.Ю. Суменков отмечает, что с помощью исключений

¹ См.: Зубенко В.М. Юридическая помощь несовершеннолетним, содержащимся в местах лишения свободы // Адвокат. 2007. № 11 // СПС «Гарант» (дата обращения 04.04.2019 г.).

² Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Reasonableness and certainty in legal regulation. М., 2014. С. 52.

³ См. об этом подробнее: Суменков С.Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 58-67.

можно достичь как предельной конкретизации, так и абстракции правовых предписаний. Именно в возможности синтеза абстрактного и конкретного (в одном структурном элементе НПА), по мнению учёного, заключается ценность исключений¹.

Полностью разделяя позицию учёного, следует сделать вывод о том, что именно исключения несут в себе особую нагрузку не только по установлению определенности (уточнённости) через предельную конкретизацию ситуативных вариаций, но и определению необходимых исключительных абстракций (детерминированных неопределённостью каких-либо (исключительных) обстоятельств).

Конституционный суд РФ, равно как и Верховный суд РФ, посредством своей интерпретационной деятельности дают конструктивно-правовое (нормативное) толкование «исключительным», «неопределённым» обстоятельствам, делая их хотя бы условно определёнными и тем самым давая возможность «выйти за рамки единых правил» в не стандартизированной жизненной ситуации и урегулировать сложные нестандартные общественные отношения с известной долей определённости.

Реализация исключений, внося определённую и разумную в юридические предписания, позволяет их не только конкретизировать (детализировать), выполняя своё целевое предназначение, но способствует согласованной дифференциации интересов субъектов права, а также обеспечению возможности свободы выбора, некоторой вариативности в поведении субъектов права.

На наш взгляд, целью исключений следует считать выполнение задачи по достижению стабильного правопорядка.

Правопорядок – это и есть результат реализации законности, некий итог правового регулирования, конечный результат воздействия права на общественные отношения. От того, насколько точно и точно

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 46.

законодателем будут использованы «инструменты» правового регулирования, напрямую зависит существование баланса прав, свобод и обязанностей человека и гражданина.

Кроме того, следует признать совпадение целей реализации исключений с целями исключений, как средств правового регулирования, в том, что обеспечивается беспрепятственная подвижность интересов субъектов к ценностям, то есть гарантируется их не только эффективное, но и справедливое удовлетворение.

Из всего вышеизложенного можно резюмировать, что исключения, детерминированные динамичным развитием социальных отношений, а также обусловленных ими процессов и явлений общества, безусловно, выполняют многофункциональную целевую направленность.

Выполнение целевого назначения исключений в ходе их реализации достигается исключительно посредством функционального назначения изучаемого феномена.

Функции в самом общенаучном смысле - есть выражение сущности явления, процесса, социальной действительности, то основополагающее, что позволяет во многом определить, как специфику, так и природу изучаемого объекта.

Функции (от лат. *function* – совершение, исполнение) – специфическое проявление того или иного объекта, это одна из наиболее существенных характеристик, соответствующих объекту.

Понятие «функция» употребляется в самых различных значениях, что говорит о многообразии существующих научных подходов в понимании данной категории.

Науке свойственно применять «функцию» для проецирования характеристики действия изучаемых объектов.

В словаре категорий и понятий общей теории права указывается следующее понимание функций права, сформулированное как «основные направления юридического воздействия на общественные отношения,

определяемые сущностью и социальным назначением права в жизни общества»¹.

Функции права – реализация его социального назначения, которое отвечает потребностям общественного развития.

Функция права в ее классическом восприятии представляет собой определение: а) роли (назначения) права в обществе; б) основных направлений его воздействия на общественные отношения².

Изучение функций права есть изучение его сущности и ценности. Советский психолог и философ С.Л. Рубинштейн считает, что «ценность – это значимость для человека чего-то в мире»³.

Ценности представляют собой ключевую надстройку в структуре общества, позволяющую конкретизировать цели и сформулировать функции.

Т.Н. Радько считает, что «функция права является основополагающим направлением его воздействия на общественные отношения, в котором выражены служебная роль, цели и задачи права...»⁴ (курсив наш – М.Б.).

Примечательно то, что учёные сходятся во мнении, что функции права есть существенные направления, сфокусированные, прежде всего, на воздействии общественных отношений. Учёными подчёркивается не только особое социальное назначение права, но и функциональная нагрузка, выраженная в природе воздействия права.

Являясь генератором внутреннего потенциала и энергоёмкости права, функции запускают в действие реализацию юридических средств, в том числе и исключений.

Право, воздействуя на общественные отношения, преследует цель вытеснить всё то, что нарушает устойчивость, согласованность и упорядоченность общественных отношений.

¹ Бабаев В.К., Баранов В.М., Гойман В.И. Словарь категорий и понятий общей теории права. Н. Новгород, 1992. С. 23.

² См. об этом подробнее: Радько Т.Н., Толстик В.А. Функции права. Н. Новгород, 1995.

³ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С. 369.

⁴ Радько Т.Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974. С. 13.

Ценность права определяется не только в установлении правовых предписаний, но и возможности эффективного регулирования общественных отношений, что достигается только за счёт богатого юридического инструментария, среди которого особое место занимают исключения. Соответственно, первейшая цель исключений в праве – это обеспечение ценности права, что раскрывается через их функциональную нагрузку.

К сожалению, в литературе до настоящего времени не сложилось детального и углубленного, обобщенного представления по вопросу определения функций исключений.

Функции исключений представляют собой то, что присуще исключениям по природе их специфической сущности и проявляется в ходе их реализации.

Функциональную нагрузку исключений можно сравнить с потенциалом (определенным, неким «запасом») исключений, их внутренней энергией, которая приводит правовой механизм в действие.

Классификация функций исключений служит средством систематизации и некоторой предпосылкой определения специфики функциональной нагрузки изучаемого правового явления.

Представляется, что понимание функциональной составляющей исключений должно основываться на классификационном составе самих исключений.

Исключения, по нашему мнению, в процессе их реализации выполняют следующие функции: 1) регулятивную; 2) охранительную; 3) гарантирующую; 4) стимулирующую; 5) компенсационную.

Так, регулятивная функция права в общей теории права представляется достаточно изученной. Она определяется как основное направление правового воздействия, предопределенное его особым социальным назначением, заключающееся в нормативном закреплении, упорядочивании общественных отношений и оформлении их движения посредством дозволений, запретов, обязываний и поощрений.

Тем самым, регулятивная функция права – это есть целенаправленное правовое воздействие, оказываемое правом (его нормами) на урегулирование общественных отношений, посредством регламентации правил поведения (действий/бездействий) субъектов права.

Регулятивная функция исключений сводится в придании определенности общественных отношений через их закрепление и юридическое оформление в нормах права и дальнейшей реализации – прежде всего, применении. Регулятивная функция исключений выражается в разумном определении и закреплении исключений в правовых предписаниях, что обеспечивает точечную регламентацию всего массива общественных отношений.

Регулятивная функциональная нагрузка исключений, закрепляемая в норме права, позволяет определить регламентационные особенности (исключения), границы некоторых прав и юридических обязанностей субъектов общественных отношений.

Теорией права накоплен обширный объём знаний, посвященный охранительной функции права. Она является производной функцией от регулятивной, определяется как основное направление правового воздействия, направленное на охрану социальных отношений, вытеснение антисоциальных явлений, которые противоречат сформировавшимся ценностям.

Охранительная функции исключений непосредственно проявляется в установлении ограничительных (обеспечительных) режимов.

Например, ст. 253 ТК РФ устанавливает особый режим, ограничивающий применение труда женщин.

Так, данной статьёй устанавливается ограничение труда женщин на таких видах работ, которые связаны с подъёмом и перемещением вручную тяжестей, с вредными и (или) опасными условиями труда, подземными работами. *Исключение по применению* труда женщин составляют (курсив наш – М.Б.) нефизическое, санитарное и бытовое обслуживание.

Тем самым охранительная функция исключений состоит в установлении предельно допустимых границ возможного поведения субъектов права, обеспечивая их безопасность в конкретных условиях регулируемого правоотношения.

Охранительная функциональная нагрузка исключений заключается, с одной стороны, в таком направлении правового воздействия, как защита позитивных явлений в обществе, а с другой стороны – в предупреждении и вытеснении асоциальных (отрицательных) проявлений.

Гарантирующая функция права представляет собой направление правового воздействия на социальные отношения, состоящие в обеспечении предусмотренных и гарантированных исключениями правомочий участников этих отношений.

Переходя к компенсационной функции, следует отметить, что это очень важное направление действия права, поскольку выполняет особую роль в регулировании общественных отношений и представляет собой комплексный инструментарий по гармонизации и дифференцированности интересов субъектов права, обеспечения их стабильности¹. М.В. Кузьмина считает, что компенсационная функция представляет собой такое «...правовое воздействие, которое направлено на возмещение субъекту причиненного ущерба, либо на восполнение издержек...»².

Тем самым, компенсационная функция исключений состоит в восстановительном, компенсирующем правовом воздействии на общественные отношения, направлена на дифференциацию интересов субъектов права. Компенсационная функция исключений определяет содержание условий возмещения (компенсации), направлена на дифференциацию интересов субъектов права.

¹ См. об этом подробнее: Власенко И.А. Компенсационная функция права: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1995.

² Кузьмина М.В. Компенсационная функция права в механизме ее реализации по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8.

Считаем необходимым выделить и стимулирующую функцию права, поскольку несомненным является то, что, в условиях постоянного развития права и его актуализации, стимулирующая роль права постоянно возрастает и приобретает особый функциональный смысл (нагрузку)¹. В юридической литературе все чаще встречается не только выделение стимулирующей функции, но и прослеживается её подробное, комплексное изучение².

Стимулирующая функция опосредуется (выражается) в правовом воздействии через предоставляемые права, поощрения, льготирование, с учётом потребностей личности, общества и государства.

Стимулирующая функция исключений заключается в реализации установленных законодательных преимуществ.

Указанную функцию реализует большая часть льгот, подавляющее количество привилегий и в некоторой степени иммунитеты³.

Так, например, ч. 5 ст. 5 Закона РФ от 26.06.1992 г. № 3132-І предусматривает, что квалификационный экзамен на должность судьи *не сдают, как исключение* (курсив наш – М.Б.), следующие лица: 1) имеющие учёную степень кандидата юридических наук или доктора юридических наук и которым присвоено почётное звание «Заслуженный юрист РФ»; 2) пребывающие в отставке и привлекаемые к осуществлению правосудия (ст. 7.1. данного Закона)⁴.

Из приведенного примера прослеживается, что стимулирующая функция исключений позволяет субъектам права увеличить объем потенциальных возможностей и свободы действий. Таким образом, происходит побуждение

¹ См. об этом, например: Лебедева Е.Н. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.

² См. об этом подробнее: Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003; Малько А.В. Льготная и поощрительная правовая политика. СПб., 2004.

³ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 17.

⁴ См.: Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30, ст. 1792.

субъекта к определенного рода деятельности, что в последующем оправдывает наличие у него исключительных преимуществ¹.

Стимулирующая функция исключений воплощается в правовом воздействии на общественные отношения, детерминируемой способностью исключений, подразумевающих собой преимущества, к побуждению субъектов права на некоторые правомерные действия, с целью удовлетворения интересов как личности, так и государства.

Как думается, исключения в праве являются универсальным и многофункциональным инструментарием законодателя, обеспечивающим формализационную составляющую, а также стабильное функционирование гарантийных и компенсационных норм в праве.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, необходимо сделать следующий вывод.

Во-первых, цель, стоящая перед любым правовым феноменом предопределяет не только его ценность, но и ценность права, повышая его роль как магистрального социального регулятора.

Во-вторых, необходимо различать статический и динамический аспекты целевых установок исключений. В первом случае речь идет о целях, связанных с присутствием исключений в нормах права. Такие цели носят превентивный характер, обеспечивая уже самим фактом наличия исключений потенциальную возможность существования альтернативного варианта регуляции, необходимого для разрешения нестандартного жизненного казуса. К таким целям стоит отнести дифференцированность и оперативность правового регулирования. Прикладной целью, проиллюстрированной в работе, можно считать обусловленную требованиями социального развития санацию правовых норм, достигаемую за счет введения в нормативные предписания исключительного положения, детерминирующего изменения действующих норм либо появление новых.

¹ См.: Малько А.В., Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. Пенза, 2005. С. 135

В-третьих, динамический аспект отражают цели, связанные с непосредственной реализацией исключений. Такими целями выступают удовлетворение законных интересов субъектов правоотношений; достижение разумности и определенности при упорядочении фактического отношения; обеспечение правопорядка.

В-четвертых, удовлетворение законных интересов достигается за счет того, что при непосредственном разрешении жизненной ситуации может быть реализован иной, отличный от общего, но не нарушающий его вариант регуляции. Тем самым в интересах субъекта обеспечивается дозволение из предусмотренных унифицированных ограничений либо наоборот. При этом именно исключения обеспечивают необходимый баланс индивидуальных, групповых и общих интересов.

В-пятых, разумность как правореализационная цель исключений заключается в олицетворяемой исключениями рациональной возможности легальным образом отступить от унифицированного стандарта, нивелируя весьма неблагоприятные для государства, общества и личности факторы. В свою очередь, определенность проявляется в сопутствующей процессу их реализации конкретизации, объективно требуемой при предметном разрешении юридического дела. Определенность при реализации исключений устраняет объективно присутствующую в правовом регулировании неопределенность.

В-шестых, обеспечение правопорядка, как цель реализации исключений, объясняется тем, что надлежащая реализация исключений прямо пропорциональна максимальному удовлетворению законных интересов субъектов, привнесения разумности и определенности. Это в свою очередь порождает функционирование режима законности, следствием которого выступает правопорядок.

В-седьмых, целевое предназначение исключений тесно связано с функциями, которые они выполняют. Тем самым, ценность исключений в праве во многом определяется целевой и функциональной нагрузкой,

сформулированной в нормах права. Функции исключений представляют собой установочное, точно-ориентированное правовое воздействие на действие субъектов права, выражающее целевое и функциональное назначение исключений в МПР. Непосредственно функциями исключений являются: 1) регулятивная; 2) охранительная; 3) гарантирующая; 4) стимулирующая; 5) компенсационная.

2.2 Особенности реализации исключений в правотворчестве

Современная действительность характеризуется бурным развитием и постоянной динамикой, обуславливающей появление исключений в процессе правового регулирования.

Нормы позитивного права, как уже отмечалось выше, объективируются во внешнем реальном мире в определенных формах.

Оригинальную мысль на форму права высказывает Ю.Ю. Ветютнев, коррелируя данное понятие со словосочетанием «правовая форма». Он считает названное понятие более широким, чем категория «форма права», которую он понимает, как способ выражения нормативно-правового предписания¹. Несмотря на определенную дерзость сравнения формы права со способом, оно находит свое подтверждение в трудах одного из классиков общей теории права².

Соответственно, исходя из того, что «форма – это способ», составляющими которого выступают приемы и средства, то следует, солидаризоваться с Е.А. Роман, предлагающей задуматься о месте и роли последних при создании и оформлении нормативного материала³.

Именно исключение как социальное явление имплементируется в правовую форму посредством исключения как юридического инструментария. В частности, посредством исключения, понимаемого в инструментальном аспекте, как раз и обеспечивается облечение исключения как общесоциального феномена в правовую форму⁴. К характерным компонентам последней относится языковая форма, документальная форма, процедурная форма, визуальная форма⁵.

¹ См.: Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы. М., 2013. С. 70.

² См.: Байтин М.И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 103.

³ См.: Роман Е.А. Формальная определенность как характеристика правового исключения // Юридическая гносеология. 2017. № 2. С. 35.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 70.

Тем самым правовая форма соотносится с исключением как с инструментальной категорией. Е.А. Роман абсолютно справедливо пишет о том, что «форма права проецируется на исключение как нормативно-правовое предписание, ибо именно форма права, согласно приведенной выше позиции Ю.Ю. Ветютнева, является способом выражения нормативно-правового предписания»¹.

Если резюмировать сказанное, можно констатировать следующее. По нашему мнению, здесь речь идет об юридических феноменах, органически взаимосвязанных между собой.

Исключение в праве олицетворяет правовое понятие, нуждающееся в объективировании; подобного рода объективирование возможно только при облечении исключения в правовую форму; это достигается при фиксации исключения в соответствующей форме права; такая фиксация возможна посредством использования исключения, выступающего в роли правового инструмента.

В свете сказанного, можно отчасти согласиться с И.А. Муравьевым, определяющим исключение как технико-юридический метод фиксации государственно-властного установления, который регламентирует возможные ситуации развития общественных отношений². Если определение исключения именно как «метода фиксации» не может не вызвать некоторого возражения³, то «технико-юридическая» природа исключения не может быть и не должна подвергаться сомнениям.

Необходимо заметить, что об употреблении исключений как компонента юридической техники писал в своё время Р. фон Иеринг⁴.

¹ Роман Е.А. Указ. соч. С. 36.

² См.: Муравьев И.А. Законодательное исключение (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. С. 9.

³ Дефиниция «метод» обладает устойчивым терминологическим содержанием (наполнением). Например, Д.Е. Петров определяет метод правового регулирования как совокупность трех основных способов правового регулирования: дозволений, запретов, обязываний.

⁴ См. об этом: Рудольф ф. И. Юридическая техника. М., 2008. С. 44–46.

Р. Давид провёл сравнительный анализ правовых систем Англии и Франции, который позволил прийти к выводу, что прием исключений представляет собой главный технический прием английского права. Становление юриста в Англии складывается, прежде всего, в освоении техники использования данного приема, чтобы овладеть всеми его возможностями, проследить и увидеть границы применения исключений¹.

Именно техника исключений позволяет добиваться требуемых результатов, при этом никак не нарушая «самого здания права»².

В советской юридической науке С.С. Алексеев был одним из первых, кто обратил внимание на исключения как технико-юридический феномен. Учёный выделял два пути появления общих дозволений и запретов, первый из которых определялся тем, что в результате введения исключения из общего правила закладывается характер дозволений либо запретов³.

В качестве иллюстрации приводился пример из Законов Хаммурапи (§ 251), в части установления ответственности за вред, причинённый животным (быком). Такая ответственность была общим правилом, в которое имплементировались исключения⁴.

Вызывают интерес положения римского права, связанные с использованием техники исключений. В частности, в законодательстве Древнего Рима существовал запрет играть на деньги. Из данного правила были сделаны такие исключения, которые позволяли делать ставки в денежном эквиваленте при проведении соревнований в метании копья или дротика, состязаний в беге, кулачных боев и др⁵.

В проекции к приведенному примеру отчетливо виден технико-юридический характер исключения, посредством которых в нормах права

¹ См. об этом: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 266-267.

² Там же. С. 267.

³ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 206-207.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 346.

закладывается определенный стандарт соответствующего типа правового регулирования: наличие правил и исключений из них¹.

Именно С.С. Алексеев, исходя из существования связки «правило-исключение», назвал исключение особым технико-юридическим приемом конструирования нормативных предписаний².

Здесь хотелось бы обратить внимание на мысль С.С. Алексеева о том, что исключения необходимы именно при создании и оформлении нормативных положений. Более того, ученый акцентировал свое внимание на том, что использование такого технико-юридического приема, как исключение из правила, усиливает нормативность самого права, его ценность как регулятора общественных отношений³.

В таком же контексте отзывается об исключениях Т.В. Кашанина, обозначая их в качестве правотворческого приема, хотя и носящего технический характер, но все же затрагивающего содержание права⁴.

В этой связи никак нельзя согласиться с А.Г. Репьевым, считающим что исключение – это прием юридической техники, в чем-то схожий, к примеру, с такими, как примечание и дополнение⁵. Аналогичную позицию несколько ранее высказывала М.Л. Давыдова, относя исключения наряду с терминами, отсылками, оговорками, перечнями, сроками к строительным материалам для правовых явлений, не имеющих самостоятельного регулятивного значения⁶.

Мнение М.Л. Давыдовой может быть принятым во внимание, если оценивать исключения в качестве «строительного материала», из которого

¹ См.: Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 206-207.

² См.: Там же. С. 239.

³ См.: Там же. С. 241.

⁴ См.: Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., 2011. С. 205.

⁵ См., в частности: Репьев А.Г. Правовые преимущества и законодательные исключения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2017. Т. 8. Вып. 4. С. 399.

⁶ См.: Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. С. 112.

складывается определенное средство; этот факт опять жене означает отсутствие самостоятельности исключения из правила¹.

В свою очередь, позиция А.Г. Репьева нуждается в существенной корректировке, особенно с учетом его высказывания о том, что исключение регламентирует общественные отношения «путем соответствующих приемов юридической техники – «за исключением», «кроме», «помимо» и т.д.»². Подробного рода пассаж, причем со ссылкой на диссертацию С.Ю. Суменкова, вызвал резкую критику последнего. В частности, было отмечено, что никогда не утверждалось, что к приемам юридической техники относятся вышеуказанные словосочетания³.

Действительно, анализ работ ученого позволяет сделать выводы о том, что фразеологические обороты за «исключением случаев (случая)», «за исключением», «в виде исключения», «в порядке исключения», «исключительный случай» и некоторые другие составляют так называемую терминосистему, в которой отражается понятие «исключение в праве»⁴.

Именно С.Ю. Суменков уделил самое пристальное внимание освещению исключения как приема юридической техники⁵.

Ученый, подняв вопрос о технико-юридической составляющей исключения, затронул такие важные темы как само понятие и состав юридической техники, месте и роли исключения в юридической технике, определении принадлежности исключения к той или иной разновидности юридической техники вообще и одного из ее компонентов в частности.

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 287.

² См.: Репьев А.Г. Правовые преимущества и законодательные исключения. С. 398.

³ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4 (129). С. 27-38.

⁴ См. об этом подробнее: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016.

⁵ Показательным являются названия соответствующих структурных элементов научных работ ученого. См., в частности: «Исключения как технико-юридический прием» (Суменков С.Ю. Исключения в механизме правового регулирования. М., 2019. С. 98-112).

Анализ концепции С.Ю. Суменкова относительно нахождения исключений в системе правового инструментария позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, исключения относятся к приемам юридической техники; во-вторых, данный приём носит как сугубо технический, так и содержательный (нормативный) характер.

Здесь надо априори исходить из того, что техника рассматривается в трёх философских аспектах: технократическом, естественнонаучном и социокультурном, каждый из которых так или иначе находит своё выражение в теории права. На уровне повседневного понимания выделяют: 1) технику как совокупность средств (имеется ввиду машин, механизмов, инструментов); 2) технику как искусство, мастерство. Классическое восприятие понятия «юридическая техника» определяется из второго подхода, большинство же критических соображений в адрес данной категории основывается на первом¹.

Юридическая техника – это совокупность определенных приёмов, правил, методов, применяемых как при разработке содержания и структуры правовых актов, так и при их претворении в жизнь².

При этом конгломерат мнений относительно состава юридической техники более чем разнороден. На наш взгляд, оптимальной является позиция С.С. Алексеева, согласно которой в юридическую технику входят правила, средства, приемы³. К последним он относил способы рационального использования средств юридической техники; различные приемы изложения правовых норм, систему отсылок и т.п.⁴. С.С. Алексеев, как уже было сказано выше, воспринимал исключения именно как прием юридической техники,

¹ См.: Большой юридический словарь / В.А. Белов и др.; под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2000. С. 695.

² См.: Там же.

³ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: курс. В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 267-271.

⁴ См.: Там же. С. 268.

помогающий создавать нормативные положения посредством формулирования абстрактного правила с исключениями¹.

С.Ю. Суменков и Т.В. Кашанина однозначно рассматривают исключение как прием ЮТ. В частности, Т.В. Кашанина относит данный прием именно к правотворческой составляющей юридической техники. В частности, по ее мнению, исключения – это прием правотворческой техники, позволяющий изменить общее правило².

Позиция С.Ю. Суменкова по поводу рассмотрения исключения как специфического приема юридической техники достаточно интересна. Так, в большинстве своих работ ученый говорит об исключениях как о приеме юридической техники вообще³, не акцентируя внимания на правотворческую сущность указанного приема. Вместе с тем, внимательный анализ научных изысканий ученого позволяет сделать уверенный вывод об акцентировании внимания именно на значении исключения как приема правотворческой техники⁴.

В этой связи уместным представляется замечание В.М. Баранова о том, что С.Ю. Суменков, безоговорочно относя исключения как прием юридической техники к правотворческой составляющей последней, «обедняет» тем самым свою работу, отрицая необходимость и роль исключений в ходе создания правоприменительных, интерпретационных, договорных актов⁵. Действительно, сложно отрицать, что юридическая техника априори направлена на разработку, оформление, систематизацию,

¹ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 239.

² См.: Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 205.

³ См. об этом подробнее: Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ. Саратов, 2016; Его же. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016.

⁴ Достаточно красноречивым выступает название следующей работы автора: Суменков С.Ю. Исключения из правил как прием правотворческой техники // Правотворческая политика в современной России: сб. науч. тр. по материалам Всероссийского круглого стола. Саратов – Минеральные Воды, 2009. С. 318-324.

⁵ См.: Баранов В.М. Правовые исключения: теория, практика, техника // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 1 (37). С. 147.

толкование и применение нормативных правовых актов и других юридических документов¹.

Вместе с тем надо понимать, что исключения как неординарный феномен правовой действительности, обретают легальное значение только при имплементации их в норму права. В свою очередь, и об этом подробно было сказано выше, нормы права приобретают качество регулятора общественных отношений только при объективировании их в юридически значимой форме².

Здесь надо обратить внимание на то, что формы права создаются в процессе правотворческой деятельности. Правотворчество – это не просто создание юридически значимых форм. По образному выражению Ю.А. Тихомирова, «именно правотворчество дает жизнь праву, порождает, формирует, оформляет его и открывает "дверь " в общество»³.

Определение правотворчества как детерминанты объективизации юридических норм во внешнем реальном мире актуализирует мысль Ю.Ю. Ветютнева о том, что «правовая форма может быть определена как совокупность внешних свойств текста или действия, придающих ему юридически значимый характер»⁴.

Вместе с тем излишне категоричным представляется заявление ученого о том, что «формальная сторона права онтологически является главенствующей по отношению к содержанию»⁵.

Как думается, соотношение формы и содержания – это сложная дилемма, требующая, как минимум, самостоятельного исследования. Здесь же хотелось бы отметить, что трудно устанавливать приоритет между

¹ См.: Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8 (104). С. 89.

² См.: Байтин М.И. Указ. соч. С. 204.

³ Тихомиров Ю.А. Правотворчество // Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2007. Т. 2. С. 397.

⁴ Ветютнев Ю.Ю. Указ. соч. С. 70.

⁵ Там же.

формой и содержанием права, особенно в контексте корреляции с исключениями из правил.

По нашему мнению, между формой и содержанием должен быть достигнут определенного рода паритет, обеспеченный, в том числе, и исключением, как специфическим приемом правотворческой техники.

Бесспорно, что исключения в качестве такого приема влияют на содержательный аспект права. Выше уже приводились примеры, когда именно наличие исключений позволяло изменять содержание правовых требований, закрепленных в различных формах права. Т.В. Кашанина в данной связи верно замечает, что исключение как правотворческий прием затрагивает содержание права¹.

Исключения тем самым выступают в качестве правового феномена, подразумевающего альтернативный правилу вариант регуляции. Присутствие исключений позволяет усилить нормативность права², повысив социальную ценность последнего как нормативного регулятора³. Влияние исключений на содержание права доказывается и наличием особого правового режима – режима исключений⁴.

Данный режим «вводится законодателем как изъятие – то, что представляет собой «иное» по сравнению с общим порядком»⁵. Разделяя точку зрения классика общей теории права, позволим не согласиться с тем, что режим исключений (да и собственно сами исключения, фигурирующие в правотворческом процессе) олицетворяют собой только изъятия.

¹ См.: Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 205.

² См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 241.

³ См.: Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 205.

⁴ См. об этом подробнее: Суменков С.Ю. Правовой режим исключений // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты. М., 2012. С. 138-158; Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 201-202; Афзалетдинова Г.Х. Исключительные режимы в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

⁵ Алексеев С.С. Собрание сочинений. М., 2010. Т.2. С. 396.

Выше уже было сказано, что исключения могут выступать не только как изъятия, но и как дополнения. Последние также оказывают влияние на содержание правовой материи.

Таким образом, говоря об исключениях, как о приёме правотворческой техники, следует отметить, что исключения являются необходимыми и полезными средствами формирования содержания права¹. Наличие и оправданность исключений способствует приданию определенной гибкости и приспособляемости жесткой законодательной регламентации.

Оформления исключения как всеобщего явления в норму права, а затем объективирование данной нормы в соответствующей форме позволяет влиять правотворческим путем на процесс правового регулирования.

По сути, речь идет о создании оптимальной модели регуляции: есть формы права (прежде всего, НПА), которые, наряду с нормативными правилами, предусматривают исключения из них, по сути – отступления от этих правил², предусматривающих альтернативный вариант регламентации общественных отношений. «Получается, - констатирует, Р.З. Рувинский, - что норма и исключение не только связаны друг с другом; в определенных пределах исключение подчинено норме, включено в поле нормативности, а потому признается правопорядком в качестве юридического факта, т. е. служит одним из звеньев в модели регулируемых отношений»³.

В данном контексте остается актуальной мысль С.С. Алексеева, который рассматривал исключения в призме особенного технико-юридического приёма моделирования нормативных положений⁴.

Подобного рода модель нормативного регулирования, по сути, совпадает с исключением как приемом правотворческой техники. Но именно

¹ См.: Кашанина Т.В. Указ. соч. С. 205.

² Здесь можно солидаризоваться с Л. Хойшлингом, воспринимающим исключения из правил и отступления из правил в качестве синонимов (Heuschling L. Qu'est-ce que, en droit, une «exception»? // La norme ets esexceptions: Quels defies pour la règle de droit? Bruxelles, 2014. P. 45–85).

³ Рувинский Р.З. Право, исключение, кризис: диалектика взаимосвязей // Правоведение. 2017. № 1. С. 59.

⁴ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. С. 239.

с таким приемом содержательного свойства, который подразумевает собой исключение, как неотъемлемый, хотя и своеобразный, компонент правовой материи.

При этом исключения не только отражают в ретроспективном ракурсе объективные процессы, влияющие на правообразование, но и могут использоваться как модельные инструментарии, направленные на прогнозирование и, соответственно, превенцию возможных в будущем отношений. Поэтому вполне обоснованно М.В. Баранова обозначает исключения как уникальный приём правотворческой техники, обеспечивающий не только гибкость, но и дифференцированность правовой регламентации¹. По ее мнению, исключения позволяют имплементировать в нормативный акт результаты прогнозирования, что проецирует их восприятие как высококачественного компонента правотворческой составляющей юридической техники².

Таким образом, резюмируя сказанное относительно влияния исключений на содержание права³, можно констатировать следующее.

Исключения как феномен, обладающий свойствами всеобщности и объективности, отражается в определенных нормах. В сфере социальной регуляции – это социальные нормы, содержащие исключения из правил; в правовом регулировании – это юридические нормы, которые можно обозначить как нормы-исключения или (что, как думается, точнее – исключительные нормы).

Юридические нормы, в которых имеются исключения, облекаясь в правовую форму, объективируются в формах права. Включение исключений в каждую из форм права обязательно приводит к изменению регулятивного эффекта данной формы. Подобное более чем объяснимо, ибо наличие

¹ См.: Баранова М.В. Исключения из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 82-90.

² См.: Там же. С. 84.

³ А если говорить буквально – на содержание формы права.

исключений неизбежно обуславливает иное содержание, несравнимое с тем, если бы в форме права присутствовали только правила.

Конвергенция исключений с содержанием права происходит посредством воздействия на нормативность права. Исключения – это такой прием правотворческой техники, который (пользуясь терминологией С.С. Алексеева) позволяет раздвигать нормативную «раму» права¹. Достигается это как раз за счет изъятий или (и) (дополнений) из общего (равно как и специального) правила. Подобное расширение нормативности за счет изъятий и дополнений необходимо и вполне допустимо, вследствие констатации того непреложного факта, что «нормативность права объективно обусловлена, но не универсальна»².

Воздействие исключения на правило посредством изъятий либо дополнений, а иногда их совокупности был подробно рассмотрен выше. Здесь же хотелось отметить, что изъятие из правила либо дополнение в правило, осуществляемое благодаря исключению³, подразумевает не просто изменение нормативного содержания, а качественно иную нормативность права.

Тем самым олицетворением реализации исключения как приема правотворческой техники, носящего содержательный характер, служит появление альтернативной правилу разновидности регулирования.

С.Ю. Суменков считает, что результат применения исключения выражается в нормативном правовом акте⁴; по нашему мнению, не только в нормативном правовом акте, но и в иных формах права⁵. При этом главное в

¹ См.: Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. С. 247.

² Субочев В.В. Теория законных интересов : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 12.

³ Следует в очередной раз уточнить, что не каждое изъятие либо дополнение стоит расценивать как исключение из правила.

⁴ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 298.

⁵ Подобного не отрицает и С.Ю. Суменков, так как он, что вполне справедливо обозначает нормативный правовой акт в качестве базовой формы воплощения исключений. Представляется, что словосочетания «базовая форма» не отрицает иных юридически значимых форм выражения исключений.

том, что, вне зависимости от формы воплощения исключений, их фигурирование в ней непосредственно затрагивает нормативность права, отражаясь на содержание последнего.

Вместе с тем, подчеркивая значимость корреляции исключения с содержанием формы права, его нормативностью, нельзя недооценивать инструментальную природу исключения как технического приема правотворчества.

Вопросы непосредственной фиксации исключения в конкретной форме права, на наш взгляд, не менее значимы, чем проблемы влияния исключений на нормативное содержание формы. В.В. Субочев абсолютно прав, утверждая, что правовая нормативность не является «панацеей», хотя и обладает способностью имплементировать в правотворческие установки существующие вариации регулирования¹. Технические приемы подобной имплементации важны вообще, а в проекции к исключениям – в особенности.

Данный вывод объясняется тем, что внедрение исключения в текст соответствующей формы права детерминирует облечение их в правовую форму и порождает появление альтернативного, отличного от общего, варианта регуляции. Соответственно, юридическое оформление исключений должно быть предельно выверенным и максимально четким.

В первую очередь, это касается терминологической точности, связанной с обозначением исключения как юридического явления в форме права.

Считаем возможным не согласиться с А.Г. Репьевым, который некорректно ссылается на работы С.Ю. Суменкова, называя термины, в которых материализуются исключения, техническими приемами².

Юридическая терминология – сложный и самостоятельный феномен, который необходимо анализировать как отдельный компонент правовой

¹ См.: Субочев В.В. Теория законных интересов. С. 5.

² См.: Репьев А.Г. Правовые преимущества и законодательные исключения. С. 399.

действительности¹. Существующее в реальности понятие «исключение в праве» облекается в языковую форму посредством фиксации в определенном термине, имеющем юридическое значение. Нормативно-правовые термины, в которых находит свое отражение понятие исключения в праве, с одной стороны, относятся к тому типу терминов, которые создаются усилиями представителей науки и практики². С другой стороны, термины, обозначающие юридические исключения, не являются изобретенными неологизмами. Они приобретают нормативный характер в силу так называемой терминологизации³.

С.Ю. Суменков уделяет большое внимание так называемой терминосистеме исключений⁴, решительно возражая против вуалирования их такими словесными единицами, как «кроме», «помимо», «если», «как правило»⁵. Но, и об этом уже говорилось выше, ученый никогда не воспринимал термин, отражающий понятие «исключение в праве», как прием юридической техники. Предназначение последнего, по нашему мнению, заключается в инъектировании термина в текст формы права.

Таким образом, можно предложить следующий алгоритм: исключение в праве как правовое понятие отражается в соответствующем нормативном термине⁶, который, в свою очередь, инструментальным (техническим) приемом закрепляется в форме права.

Доминантными техническими способами такой фиксации выступают оговорки и отсылки.

¹ См., в частности: Туранин В.Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Белгород, 2017. С. 16.

² См.: Там же. С. 16, 83, 94.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 34, С. 200-201.

⁵ См.: Там же. С. 251-252, С. 373. С. 382.

⁶ Подобное происходит в том числе и посредством свойства институциональности, присущего праву в целом.

С.С. Алексеев однозначно определял систему отсылок в качестве технических инструментов, находящихся свое применение в области права¹. Отсылка понимается как технико-юридический приём фиксации регламентационной взаимосвязи структурных компонентов предписаний посредством определения адресного расположения взаимосвязанных частей². В силу сказанного можно утверждать, что именно отсылка является связующим конструкционным звеном юридического моделирования правовых норм.

В первую очередь, это связано с отсылочным и бланкетным способом изложения норм права в какой-либо юридически значимой форме.

Как известно, отсылочный способ характеризуется тем, что один из элементов нормы права (гипотеза либо санкция) излагаются в одной статье правового акта, а иные элементы (соответственно, гипотеза и диспозиция либо диспозиция и санкция) в другой статье этого же акта. Аналогичен отсылочному и бланкетный способ; различие лишь в том, что элементы нормы права содержатся в статьях разных актов.

И.А. Муравьев в качестве одного из магистральных оснований классификации исключений предлагает подразделять их в зависимости от структурной части нормы права, выделяя тем самым исключение гипотезы, диспозиции, санкции³. Ученый расшифровывает названные им виды исключений, иллюстрируя законодательными примерами⁴. Разделяя в целом позицию И.А. Муравьева, стоит заметить, что приведенные им исключения коррелируют лишь с прямым способом изложения нормы права. Тем самым

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2008. С. 482.

² См.: Ткачук О.В. Отсылки в российском законодательстве (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. С. 9.

³ См.: Муравьев И.А. Указ. соч. С. 10.

⁴ См.: Там же. С. 17.

И.А. Муравьев ведет речь о законодательной оговорке, а не об отсылке как таковой¹.

Дело в том, что если рассматривать отсылку именно как прием закрепления структурных элементов нормы права², то тогда отсылка должна применяться только в отношении исключительных норм (либо, пользуясь терминологией С.Ю. Суменкова – норм-исключений).

Тем самым, такая норма должна быть автономно объективирована – в отдельный абзац, подпункт, пункт, часть либо (самый оптимальный вариант) – в статью. Примером последней может служить ст. 96 УК РФ, согласно которой в исключительных случаях суд может применить положения главы 14 указанного нормативного акта³ к лицам, совершившим преступление в возрастной период от восемнадцати до двадцати лет, за исключением помещения таких лиц в воспитательную колонию либо в учебно-воспитательное учреждение. Конструкция данной нормы интересна не только тем, что подразумевает собой так называемое «исключение из исключений», но и тем, что юридическая норма, содержащая исключение, структурирована в отдельную статью. В этой статье содержится гипотеза нормы⁴ - указание на то, что если будет усмотрен исключительный случай, связанный с характером общественной опасности деяния и личности виновного, достигшего ко времени совершения преступления определенного возраста; диспозиция нормы⁵ – вариант поведения суда, наделенного правом применить положения об ответственности и наказании несовершеннолетних

¹ Как думается, подобное положение более чем логично, исходя из самого названия диссертационного исследования И.А. Муравьева, касающегося только законодательных исключений.

² Именно так определяет отсылку О.В. Ткачук, хотя и вуалирует лексическую единицу «норма права» словосочетанием «законодательное предписание», никак не расшифровывая дефиницию последнего (Ткачук О.В. Указ. соч. С. 25-26, 210-211).

³ Глава 14 УК РФ содержит положения, регламентирующие уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

⁴ Именно в гипотезу и имплементировано исключение – в частности, указание на исключительный случай, при констатации которого норма может быть реализована.

⁵ В данном примере исключение, олицетворяющее собой «исключение из исключений» содержится именно в диспозиции анализируемой нормы.

к лицам, такими уже не являющимися. Самый сложный вопрос – это определение санкции.

С одной стороны, само исключение, материализованное в ст. 96 УК РФ, непосредственно связано с уголовно-правовой санкцией; иного, как думается, не может быть, поскольку речь идет об исключении из специальных правил ответственности и наказания несовершеннолетних. С другой стороны, норма, зафиксированная в указанной статье УК РФ, безусловно, относится к так называемым отправным (исходным) нормам, сама трехчленная структура которых вызывает определенные сомнения. Принципиально не вдаваясь в дискуссию по данному поводу, хотелось бы отметить, что если у анализируемой нормы и есть санкция, то она не указана конкретно, раскрываясь только в санкциях статей Особенной части УК РФ.

Теоретически можно предположить следующую правотворческую модель использования отсылки при оформлении норм-исключений. Исключение находится в одном элементе нормы и корреспондирует с другими элементами этой же нормы, располагающимися в том же источнике права либо даже ином. Искусственное моделирование (предположение) высказанной апории объясняется и реальной сложностью иллюстрации выдвинутого предположения.

Таким образом, если понимать отсылку в узком смысле (то есть отсылку одного структурного элемента юридической нормы к двум другим), можно констатировать некоторые проблемы построения нормотворческого материала, связанные с известной редкостью существования норм-исключений, существующих в обособленной форме, а также, что самое главное, установлением конкретики преследования того элемента, к которому как раз и происходит отсылка.

Если отсылка связана со структурными элементами, то оговорка проецируется на конкретное веление (предписание). Данное заключение позволяет прийти к выводу, что именно оговорка является наиболее распространённым техническим приёмом имплементации исключений.

Например, Постановлением Пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» в п. 77 закреплена оговорка об исключении, согласно которой снижение размера договорной неустойки допускается лишь в исключительных случаях, а именно: 1) когда неустойка не соразмерна последствиям нарушения обязательств; 2) неустойка может повлечь получение кредитором необоснованной выгоды¹.

Однако, если понимать отсылку в широком смысле, то, по нашему мнению, она совпадает с таким термином как оговорка. Об этом свидетельствует лексический анализ самих слов «оговорка» и «отсылка».

Согласно словарю русского языка, оговорка – это дополнительное замечание, которое включает в себя некоторую поправку или ограничение. Тогда как отсылка определяется как место в контексте какого-либо документа, самостоятельно не дающее объяснения на что-либо и отсылающая за справкой к другой части документа.

Тем самым, лексическое совпадение наполняемости данных категорий позволяет говорить о синонимичности их лексического смысла.

Правовая оговорка – социально определенное, и содержащее особенную нормативно-лексическую форму условие (заявление, положение), которое частично изменяет содержание или объем действия правовой нормы, создает другой правовой режим, выступает формой согласования интересов и порождает некоторые юридически значимые последствия.

По мнению С.Ю. Суменкова, оговорка представляет собой инструмент юридической техники, позволяющий закреплять (фиксировать) исключения в тексте нормативного правового акта².

¹ См.: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 2016. № 70. 4 апреля.

² См.: Суменков С.Ю. Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 32.

С.Ю. Суменковым верно замечена бесспорная взаимосвязь оговорки и исключения, поскольку именно посредством оговорки исключение внедряется в норму права¹. Кроме того, учёным не только разграничены понятия оговорки и исключения, но и определена взаимозависимость данных категорий: если оговорка формализуется во внешнем оформлении правовой нормы (имеется ввиду в статье НПА), то исключение объективируется непосредственно в содержание правовой нормы².

Именно посредством оговорок исключения фиксируются в соответствующих структурных компонентах НПА – абзацах, подпунктах, пунктах, частях либо даже отдельных статьях. При этом можно сделать вывод, что идеальная оговорка, имплементирующая исключения, расположена по принципу части и целого. Например, если правило изложено в пункте, то оговорка об исключении адресует к подпункту³; если правило находится в части, то оговорка устраивает исключение в пункт⁴; правило, зафиксированное в статье, обладает исключением, отнесенным оговоркой в часть этой статьи⁵.

Подобного рода конструкции действительно присутствуют в правотворческой практике, что иллюстрируется приведенными примерами. Однако, в большинстве своем эта идеальная конструкция не коррелирует с реальным правотворческим процессом, результатом которого выступают как

¹ См.: Там же. С. 30-36.

² См.: Там же.

³ См.: Абз. 7, п. 2, ст. 219 НК РФ предусматривает правило регламентирующее порядок предоставления и определение размера социальных налоговых вычетов, тогда как оговорка об исключении (имеется ввиду: «за исключением вычетов в размере расходов на обучение детей налогоплательщика») адресует к подпункту 2 пункта 1 ст. 219 НК РФ.

⁴ См.: Например, правило определяющее требования по оформлению подписных листов зафиксировано в ч. 13 ст. 19 ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», а оговорка содержится в пунктах 7, 11 и 12 ч. 9 ст. 19 данного ФКЗ; частью 4 ст. 109 УПК РФ предусматривается правило о недопустимости дальнейшего продления срока содержания под стражей. Оговорка об исключении содержится не только в пункте 1, ч. 8 данной статьи, но и в ч. 8.1., ч. 8.3. ст. 109 УПК РФ.

⁵ См.: Часть 1 ст. 415 УПК РФ регламентируется, что по общему правилу право на возбуждение производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств принадлежит прокурору. В свою очередь, оговорка об исключении («за исключением случаев») предусматривается ч. 5 данной статьи.

правила, так и исключения из них. Объяснениями могут служить, по нашему мнению, несколько факторов.

Во-первых, нормативный текст, в том числе и оговорки, институционально выражены только в таких формах права как прецедент, договор с нормативным содержанием, нормативный правовой акт. Соответственно, правовой обычай (также являющийся юридически значимой формой) никак не укладывается в приведенную выше теоретически безупречную схему. Кроме того, (хотя бы в чисто теоретическом плане) можно предположить существование оговорок между различными формами права, например: нормативный договор или прецедент, закрепляющие правила, могут оговаривать, что из этих правил имеются исключения, существующие в нормативном акте либо наоборот. Здесь не стоит забывать об отсылочном либо бланкетном способе изложения правовых норм, хотя, как уже было сказано, подобное корреспондирует отсылкам в их непосредственном понимании последних.

Во-вторых, некоторые структурные компоненты нормативного текста (прежде всего, части либо пункты) могут быть дуалистичны; некоторые действительно предстают как элементы более крупного подразделения (соотношение части статьи и статьи), но некоторые играют вполне самостоятельную роль, выступая автономными структурными подразделениями правового акта. Последнее особенно характерно для судебных либо договорных актов.

В-третьих, самое главное, оговорка с исключением в доминанте своей содержится вместе с правилом – либо это два предложения (одно с правилом, другое с исключением) либо, что гораздо распространённое – правило и исключение находятся в общей фразеологической единице, чаще всего в одном и том же предложении.

В.С. Бялт в данной связи резонно замечает, что «правило должно располагаться до исключения»¹. Иное дело то, что реальность, юридическая практика может оказаться сложнее самых правильных схем. В качестве доказательства можно привести такой интереснейший феномен как опережающее правотворчество, в котором в инструментальном плане задействованы и исключения из правил².

При этом никак нельзя согласиться с В.С. Бялтом, заявляющим, что «правовой акт (нормативный правовой акт) должен по возможности избегать исключений и отсылок»³.

В первую очередь, хотелось бы возразить против единой ассоциации исключений и отсылок. Если последние олицетворяют сугубо технические аспекты правотворчества, то исключения играют как роль технического инструментария, позволяющего надлежащим образом создавать нормативный материал, так и обладают возможностью оказывать некоторое воздействие на содержательный сегмент правотворческого процесса и его конечного результата – формы права.

При этом весьма спорным представляется вопрос об идеале НПА, в виде казуистической жесткой регламентации абсолютно всего, что подпадает под регулятивное воздействие права.

Надо признать, что действующие в современной России юридически значимые формы права и, прежде всего, нормативные акты не избежали (в доминанте своей справедливо и целесообразно) насыщенности исключениями. При этом именно оговорка является наиболее распространённым инструментом внедрения исключения в ту или иную форму, фиксации ее в соответствующем тексте, отвечающем требованиям институциональности.

¹ Бялт В.С. Документационное обеспечение управления. М., 2018. С. 25.

² См.: Баранова М.В. Исключения из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества. С. 82-90.

³ Бялт В.С. Указ. соч. С. 23.

При всех недостатках оговорки, как средства имплементации исключений, являются оптимальным способом закрепления исключения при объективизации нормы права.

Доказательством необходимости оговорки при корреляции с исключениями, равно как и подтверждением неординарной природы последних, является соотношение исключений как приемов правотворческой техники с такими феноменами как аксиомы, фикции, презумпции.

По мнению М.Л. Давыдовой, «аксиома...элементарное, простое по своей структуре положение, не предусматривающее исключений и не подлежащее опровержению»¹. Е.А. Роман понимает аксиому как инструмент юридической техники, не содержащий в себе исключений, представляющий истинное суждение².

Здесь следует только согласиться с А.Ф. Черданцевым, утверждающим: «Любое же правило всегда имеет исключения, т. е. положения иного, чаще всего противоположного характера. А раз это так, то они не могут рассматриваться в качестве аксиом»³.

Именно наличие исключений позволяет проводить четкую грань между принципами права и аксиомами права. Если все же признавать принцип права как правило, то тогда необходимо и понимать, что принцип может (хотя бы потенциально) обладать исключениями из правил⁴.

Таким образом, получается следующее: аксиома, даже в случае ее нормативного закрепления, не может обладать исключениями⁵. Иное дело

¹ Давыдова М.Л. Указ. соч. С. 223.

² См.: Роман Е.А. Исключения в праве и правовые аксиомы: вопросы соотношения // Современное общество и право. 2016. № 1 (22). С. 19.

³ Черданцев А.Ф. Логическая характеристика права как системы // Правоведение. 1983. № 3. С. 15.

⁴ См. об этом: Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России. Юридические проблемы. М., 1993. С. 73; Суменков С.Ю. Принципы права и исключения в праве // Государство и право. 2009. № 5. С. 23-30; Роман Е.А. Указ. соч. С. 20-21.

⁵ См. об этом: Давыдова М.Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 35; Роман Е.А. Указ. соч. С. 20.

то, что сама по себе аксиома может детерминировать появления нормативно оформленных правил, из которых могут быть исключения.

В качестве примера можно назвать аксиому, звучащую следующим образом: «истец должен доказать свой иск». В ч. 1 ст. 56 ГПК РФ содержится соответствующее предписание, согласно которому каждая сторона должна доказать те требования, на которые она ссылается, если иное не предусмотрено законом. Приведенное положение, по нашему мнению, является ничем иным как комплексом из правила (об обязанности истца доказывать требования и возражения в гражданском процессе) и исключения из него. Данное исключение, конечно, нельзя признать удачным в плане правотворческой техники, поскольку оно: а) использует лексический оператор «кроме», вместо нормативно-правового термина «за исключением случаев»; б) более чем не конкретизировано, так как отсылает к никак не обозначенным случаям, которые могут быть зафиксированы в федеральном законодательстве.

В свою очередь весьма интересным представляется соотношение исключений и фикций.

По данному поводу предельно выверенной представляется позиция А.В. Малько и Е.А. Роман, утверждающих, что «правовые фикции, как в теоретическом, так и практическом аспекте, могут выступать в роли исключений, но из самих фикций исключений не бывает»¹. При этом сами ученые признают, что фикция, реализуемая как юридическое средство, может использоваться в качестве исключения². В качестве иллюстрации авторы приводят положения Налогового кодекса РФ (п. 1 ст. 45, п. п. 5 и 9 ст. 69 НК РФ), в которой фикция предстает именно как исключение из правила.

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что фикции в роли исключений позволяют сконструировать формально-определенную и в

¹ Малько А.В., Роман Е.А. Исключения в праве и правовые фикции: технико-юридический аспект // Право и управление. XXI век. 2015. № 4 (37). С. 16.

² См.: Там же. С. 16.

какой-то части несуществующую, условную правовую реальность, но юридически признаваемую. Наглядным примером, когда правовые фикции выступают в роли исключений, необходимо считать положения, содержащиеся в ч. 4 ст. 123 АПК РФ. Посредством фикции, которые выполняют роль исключений в приведенном примере, законодателем де-юре признаётся надлежащее извещение участников арбитражного процесса. Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что положения п. ч. 4 ст. 123 АПК РФ связывают юридические последствия с некоторыми условными ситуациями, которые в действительности могут и не реализоваться.

По нашему мнению, подобное лишь свидетельствует о многогранности феномена юридического исключения, в том числе и при восприятии его как приема правотворчества.

То же самое можно сказать и о соотношении исключений и презумпций. Презумпция олицетворяет собой определенного рода правила. В свою очередь из правила, как известно, могут быть исключения¹. Именно о наличии исключений из природы презумпций при исследовании последних обоснованно пишет С.В. Гусева².

В свою очередь, тяжело согласиться с М.Л. Давыдовой, которая в качестве критериев опровержимости презумпций называет наличие из них исключений. Соответственно, по мнению ученого, существуют неопровержимые презумпции, которые исключениями не обладают.

Однако, как думается, очевидно, что констатация наличия «неопровержимых презумпций» детерминирует их синонимию с аксиомами, из которых, как уже было сказано, нет и не может быть исключений. «Неопровержимых презумпций, - более чем категорично заявляет С.Ю. Суменков, - непосредственно закрепленных в нормативно-правовых актах –

¹ См.: Суменков С.Ю. Правовые презумпции и исключения в праве: пределы допустимости // Право и государство: теория и практика. 2014. № 11 (119). С. 12.

² См. об этом: Гусева С.В. Место и роль презумпций в структуре юридического знания: философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2009. С. 5.

нет»¹.

Внедрение презумпции в нормативно значимый текст не только придает юридическую силу данной презумпции, но и позволяет оценивать последнюю как правило, из которого хотя бы потенциально могут быть исключения. Ярким примером выступает презумпция невиновности, которая служит в качестве фундаментального правила, из которого все же есть исключения, зафиксированные в форме права².

Таким образом, подводя итог вышесказанному, стоит отметить следующее.

Во-первых, исключение представляет собой тот юридический инструмент, который позволяет облечь в правовую форму и объективировать в форме права государственную волю общества, подразумевающую альтернативную общей вариацию регуляции. В этой связи исключения характеризуются дуалистической природой, подразумевая как содержательные, так и технические аспекты. Непосредственная реализация исключений в правотворчестве позволяет достигать необходимого паритета между формой и содержанием права.

Во-вторых, конвергенция исключений с содержанием права происходит посредством воздействия на нормативность права. Речь идет о создании оптимальной модели регуляции: есть формы права (прежде всего, НПА), которые, наряду с нормативными правилами, устанавливают исключения из них, предусматривающие альтернативный вариант регламентации общественных отношений. Подобное достигается посредством упомянутых выше способов, обеспечивающих функционирование исключений - изъятий или (и) дополнений из общего (равно как и специального) правила. Подобного рода комбинации предельно многообразны, могут быть в структурных подразделениях одной формы

¹ Суменков С.Ю. Правовые презумпции и исключения в праве: пределы допустимости. С. 13.

² См.: Примечание к ст. 1.5. КоАП РФ.

права, между формами права одного и того же вида и между различными разновидностями форм права. Результатом реализации исключений в правотворчестве может выступать так называемый режим исключений.

В-третьих, в техническом аспекте исключения реализуются в правотворческой деятельности посредством двух инструментов – отсылки и оговорки. Отсылка является связующим конструктивным звеном юридического моделирования правовых норм. Это связано с отсылочным и бланкетным способом изложения норм права в какой-либо юридически значимой форме. Исключение находится в одном элементе нормы и корреспондирует с другими элементами этой же нормы, располагающимися в том же источнике права либо даже ином.

В-четвертых, доминантное значение в правотворческом внедрении исключений имеет оговорка. Правовая оговорка – социально определенное, и содержащее особенную нормативно-лексическую форму условие (заявление, положение), которое частично изменяет содержание или объем действия правовой нормы, создает другой правовой режим, выступает формой согласования интересов и порождает некоторые юридически значимые последствия. Именно названные качества, синхронизирующие свойства исключения, объясняют превалирование оговорки как магистрального правотворческого инструмента. При этом данный инструмент не является идеальным, слабо учитывая в частности возможности оговорок, устанавливающих исключения, в различных формах права.

В-пятых, исключения в контексте правотворчества непосредственно связаны с аксиомами, принципами, фикциями, презумпциями. Аксиомы, сами не обладающие исключениями, детерминируют правотворческое оформление как правил, так и исключений; нормативно закрепленные принципы права олицетворяют собой правила, из которых потенциально могут существовать юридически объективированные исключения; правовые фикции в соответствующей парадигме сами могут играть роль исключений, не являясь при этом ими; презумпции, как особого рода опровержимые

правила, в обязательном порядке обладают исключениями, также объективированными нормативно.

В-шестых, важность предельной выверенности и максимальной четкости реализации исключений в правотворчестве объясняется тем, что оно непосредственно предопределяет создание официальной признанной формы права, качество ее нормативного текста, и, что самое главное, оптимальность претворения исключений в реальной жизни.

2.3 Формы реализации исключений и специфика их применения

Вопросы реализации права всегда представляли особый интерес для представителей юридической науки.

Социальное назначение права заключается в регулировании поведения людей. В свою очередь, правовые нормы не могут выполнять регулирующую функцию (роль) без их реализации в действительности.

Реализация права представляет собой не что иное, как действие права, отражающее его регулятивную природу и получившее выражение в таких формах как дозволения, обязывания и запреты. По мнению Ю.С. Решетова, реализацией права «есть воплощение взаимодействия, взаимопроникновения, единства социальной предметности и правомерности в деятельности людей»¹.

Тем самым реализация права – это есть не что иное, как осуществление субъективных прав и юридических обязанностей, предполагающее такое поведение субъектов правоотношений, когда принципы и нормы права, прежде всего, воплощаются и претворяются в жизнь.

Реализация воспринимается как последняя (итоговая) стадия правового регулирования, результат и процесс претворения в жизнь правовых установлений посредством осуществления прав и обязанностей.

Классическими формами реализации права выступают следующие: соблюдение, исполнение, использование и применение. Первые три формы коррелируют с ограничениями и дозволениями. В частности, соблюдение и исполнение непосредственно связаны с ограничениями (точнее: соблюдение с запретами; исполнение с обязанностями); использование права соотносится с дозволениями.

¹ Решетов Ю.С. Механизм реализации советского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 8.

Применение как особая форма реализации права интегрирует в себе и дозволения, и ограничения¹.

Взаимосвязь форм реализации права с дозволениями и ограничениями позволяет схематично представить их взаимосвязь с исключениями из правил. Выше уже неоднократно акцентировалось внимание, что исключения предстают в качестве дозволений, если правило служит ограничением, и наоборот – в случае, если правило олицетворяет дозволение, то исключением из него является ограничение².

Подобного рода коррелирование, а также то, что реализация права находится в прямой взаимосвязи с правомерным поведением субъектов, сближает их с исключениями. Последние представляют собой феномен, заключающийся «... в том, что, не нарушая правила, оно (имеется ввиду: исключение) предлагает иной вариант регуляции»³.

Важное значение имеет и то, что создание исключений не является самоцелью⁴. Исключение как категория, воплощенная в юридических нормах и объективированная в соответствующих формах, не должна быть статичной, созданной только для того, чтобы быть. Иными словами, ценность исключений иллюстрируется при их реализации, непосредственном претворении в регулировании общественных отношений.

Реализация исключения в праве – процесс материализации правовых предписаний в поведении субъектов права, позволяющий достичь баланса субъективных прав и юридических обязанностей в правовом регулировании общественных отношений⁵.

¹ См. об этом подробнее: Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.

² См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве : автореф. ... дис. д-ра. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 11-12.

³ Там же. С. 4.

⁴ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 293-294.

⁵ См., например: Белоусов С.А., Суменков С.Ю. Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 45-49.

Исключения в праве представляют собой не застывшую, а динамичную категорию, получающую непосредственную реализацию в праве. Бесспорным является то, что само присутствие исключений в праве даёт возможность последнему быть высокочувствительным к природе регулируемых им объектов.

Тем самым, исключения из правил, бесспорно, получают своё воплощение и прямое действие в традиционных формах реализации юридических норм – соблюдении, исполнении, использовании и применении.

При этом проявление исключений именно при соблюдении, исполнении, использовании характеризуется единой направленностью, не отрицающей, конечно, и определенной специфики.

Исключения самым непосредственным образом демонстрируют себя в названных формах реализации права. При этом такое отражение имеет дуалистическую природу. С одной стороны, исключения подразумевают собой нормативное отступление от магистрального правила, выступающего дозволением либо ограничением. С другой - исключения могут сопутствовать формам реализации, обеспечивая максимальную эффективность той или иной формы.

Таким образом, исходя из данной схемы, можно предложить следующую модель присутствия исключений в различных формах реализации права.

Соблюдение права - пассивная форма его реализации; при ней субъект права воздерживается от противоправного поведения в своих действиях и бездействиях¹. Доминантой при соблюдении права выступает такая разновидность ограничений как правовые запреты. «Соблюдение права, - верно пишет С.В. Бошно, – форма реализации права, которая выражается в

¹ См. об этом подробнее: Осипов А.В. Соблюдение норм советского права как форма их реализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1980. С. 7, С. 16.

том, что субъект права соотносит свое поведение с юридическими запретами»¹.

Соответственно, роль магистрального правила при соблюдении права играют запреты; исключения, в свою очередь, предстают в виде дозволений.

В контексте рассуждений об эскорте исключениями реализации права для обеспечения полноты и результативности правового регулирования исключения при проекции к соблюдению права олицетворяют не что иное, как запрет. Например, разрешается в установленном порядке въезд и выезд определенных категорий граждан на территорию закрытого образования, за исключением запретных зон, установленных в последнем. По нашему мнению, конструкция здесь такова: общим правилом является дозволение, а исключения, воплощающиеся в запрете, приносят в регуляцию компонент соблюдения.

Исполнение – это такая форма реализации права, которую необходимо определять, как претворение в жизнь обязывающих юридических предписаний². На наш взгляд, аксиоматичен тот факт, что генеральную функцию при исполнении права выполняют юридические обязанности.

Тем самым, по аналогии с соблюдением права, можно утверждать, что исполнение основывается на обязанностях, имеющих амплуа правил ограничительного характера; исключения опять выполняют миссию дозволений.

В свою очередь, умозаключение о сопровождении исключениями каждой формы реализации права, необходимом для достижения наибольшего коэффициента его действия, обуславливает апорию об исключениях-обязанностях, имеющих место быть в сегменте, где господствуют дозволения.

¹ Бошно С.В. Правоведение: основы государства и права. М., 2007. С. 154.

² См. об этом: Шаронов В.С. Исполнение права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 9.

Обязывания и запреты являются, как уже отмечалось выше, подвидами ограничения в праве, что во многом объясняет превалирование в их природе свойства императивности. Однако, подобное единство не устраняет комбинирование правил и исключений, выступающих как обязывания и запреты. Иными словами, если правилом служит обязывание, то в качестве исключения из него может выступать не только дозволение, (что вполне закономерно), но и запрет; при этом вполне допустима и иная вариация: запрет – правило, обязывание – исключение из него.

Использование права – это форма реализации, основанная на управомочивающих нормах, закрепляющих юридические возможности субъектов¹.

Краеугольным элементом использования права служит дозволение. Соответственно, как неоднократно подчеркивалось, если дозволение в ходе использования права выступают как правила, то исключения выражаются в виде ограничений: в контексте реализации права они предстают как запреты (соблюдение) и обязывания (исполнение).

Для использования права также, как и для соблюдения и исполнения, характерно множество комбинаций, синтезирующих в себе правила и исключения из них. Особенностью и тех, и других служит диспозитивная природа, когда использование как правил, так и в особенности исключений зависит от усмотрения правообладателя; олицетворяющая правовую возможность, которая «является лишь потенцией социальной действительности»².

В еще большей степени, чем при использовании, связь реализации исключения с усмотрением находит своё выражение в процессе правоприменения.

¹ См.: Сенников И.Е. Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 6.

² Матузов Н.И., Ушакова, Н.В. Возможность и действительность в российской правовой системе. Саратов, 2010. С. 43.

В юридической науке вопросам применения права, как важнейшей форме его реализации, уделялось достаточное внимание. В самом общем виде правоприменение можно охарактеризовать как властную организационную деятельность компетентных органов, направленную на разрешение юридического казуса на основе действующего законодательства¹.

Тем самым применение права непосредственно связано с государственной властью. Данный фактор не только объясняет центральную роль правоприменения, но и интеграцию в нем компонентов иных форм правореализации². «Чтобы запрещать или предписывать,- отмечал В.И. Ленин, - надо быть властью в государстве»³.

В контексте сказанного можно признать определенную правоту сторонников расширенного понимания правоприменения, включающих в него режимы соблюдения, исполнения, использования⁴. Это обуславливает специфику правоприменения, заключающуюся в том, что оно совмещает в себе инструментарий, как раз и присущий иным формам реализации права – запреты (соблюдение), обязывания (исполнение), дозволения (использование). Такого рода синтез обуславливает присутствие в правоприменении разновекторных юридических средств, к которым, без сомнения, относятся исключения, выступающие в виде дозволений, обязываний, запретов.

В констатации данного факта убежден С.Ю. Суменков. Несмотря на определенную категоричность его позиции, надо отдать должное ученому, иллюстрирующему свой вывод примерами из действующего

¹ См.: Вопленко Н.Н. Понятие и особенности применения права // Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2007. Т. 2. С. 710.

² См. об этом: Макуев Р.Х. Применение права как особая форма реализации права // Государство и право. 2019. № 3. С. 4.

³ Ленин В.И. Полное собрание. Издание 5-е. М., май - июль 1917. 1962. Т. 32. С. 340.

⁴ См.: Тихомиров Ю.А. Правоприменение: теория и практика. М., 2008. С. 77.

законодательства, красноречиво подчеркивающими властный и аккумулятивный характер правоприменения¹.

Можно солидаризоваться с позицией С.Ю. Суменкова, исходя из очевидной констатации того, что для надлежащего обеспечения реализации дозволений, обязываний, запретов, необходима государственная поддержка права, представляющего собой государственную волю общества².

Интеграция различных интересов многочисленных и неоднородных членов общества детерминирует появление исключений в праве; с другой стороны, наличие исключений позволяет праву быть адекватным властно-официальным регулятором отношений между людьми.

Подобное достигается, прежде всего, в ходе применения права, а значит и правовых исключений. Исключения выступают именно как правовые средства, имеющиеся в арсенале правоприменительной деятельности и «представляющие собой установленные в законе институционные образования, которые используются субъектами применения права и приводят к достижению результата в разрешении юридического дела»³. В этом смысле следует констатировать то, что «именно правоприменение служит магистральной формой реализации исключений»⁴. Аргументацией представленного умозаключения может служить достаточно продуманная интерпретация «чистой теории права» Г. Кельзена. «При этом в рамках данной теории, - пишут А.В. Кашанин и С.В. Третьяков, - понятие нормы шире понятия правила, поскольку распространяется и на индивидуальные предписания, т.е. предписания компетентного органа в связи с

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 320.

² См.: Байтин М.И. Указ. соч. С. 60.

³ Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 12-13.

⁴ Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 320.

рассмотрением конкретного дела (спора), так называемые индивидуальные нормы»¹.

Превосходство нормы (как более объемного понятия) над правилом – квинтэссенция настоящего исследования; соответственно высказанная апория, созвучная к тому же приведенной выше цитате Н.И Матузова, заслуживает бесспорного одобрения.

Некоторый скепсис относительно термина «индивидуальная норма» не нивелирует того, что применение права является центральным компонентом феномена, обозначаемого как индивидуальное правовое регулирование (далее – *ИПР*), а точнее – такой разновидности последнего как субординационное (правоприменительное) ИПР².

Основной формой ИПР выступает конкретизация в праве (в проекции к правоприменительному ИПР – правоприменительная конкретизация). Подобное означает непосредственную регламентацию юридического статуса (прав, обязанностей, ответственности) строго определенного субъекта в конкретной жизненной ситуации³.

Исключения даже на нормативном (а значит, в той или иной степени абстрактном уровне) более конкретны, чем правила.

Свойство конкретности, а также то, что способами ИПР служат дозволения, обязывания, запреты, детерминирует наличие в правом регулировании относительно автономной системы, краеугольными элементами которой служат: «правоприменение-ИПР-юридические исключения».

Конечно, в этой системе обязательно имеются и правила, очевидность присутствия которых объяснима хотя бы тем, что исключения делаются

¹ Кашанин А.В., Третьяков С.В. Общетеоретические основания исследования проблем правоприменения // Правоприменение: теория и практика. М., 2008. С. 52, С. 49.

² См. об этом: Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 9.

³ См. подробнее: Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права. Сборник ученых трудов. Свердловск, 1974. Вып. 30. С. 34-37.

именно из правил. Но, во-первых, здесь подвергается анализу именно применение исключений как атипичного и нестандартного юридического средства; во-вторых, (самое главное), конкретизирующий эффект исключений в правоприменении намного сильнее чем правил, что безусловно отражается в ИПР.

Тем самым получается следующая логическая схема: при реализации исключений в форме применения права как раз и происходит ИПР; в свою очередь правоприменение (а значит и ИПР) осуществляется посредством юридических инструментов (способов ИПР) - дозволений, обязываний и запретов, выступающих как исключения из правил.

В контексте сказанного позволим не согласиться с И.А. Минникесом, считающим, что способы ИПР предстают именно как индивидуальные дозволения, обязывания, запреты¹.

Данный вывод несколько отождествляет нормативные средства со средствами правоприменения, что, по нашему мнению, неприемлемо, по крайней мере, в проекции к исключениям².

Действительно, в ч. 5 ст. 165 УПК РФ зафиксировано исключение, позволяющее субъекту правоприменения, провести обыск либо выемку без санкции суда. Это исключение нормативно, а значит и абстрактно (особенно в контексте употребления термина «исключительный случай»). В индивидуальном казусе, например, при проведении обыска без судебного разрешения, это исключение-дозволение применяется следователем, что фиксируется в соответствующем постановлении. Последнее выступает одновременно и в качестве правоприменительного акта, и средства правоприменения, направленного на реализацию абстрактно нейтрального

¹ См.: Минникес И.А. Указ. соч. С. 12.

² Неприемлемость апории И.А. Минникеса относительно существования индивидуальных дозволений, обязываний, запретов, с одной стороны, и исключений из правил, с другой, подтверждается предложенной ученым классификации дозволений, обязываний, запретов на конкретные, вариативные и условные (Минникес И.А. Указ. соч. С. 16). Как думается, последние могут иметь место быть только на нормативном уровне, но не на уровне правоприменения, когда субъект последнего должен принять одно определенное решение.

исключительного случая, имплементация которого в анализируемую норму и позволяет воспринимать ее как нормативное средство-исключение¹.

Органичное нахождение исключений в нормативных средствах-инструментах и их надлежащая реализация позволяет достигать как требуемой эффективности ИПР, так и одновременно разумности и определенности права в целом².

При этом исключения в правоприменительном процессе могут быть не только средствами, но и основаниями принятия какого-либо решения, закрепленного в акте применения права³.

И.А. Минникес формулирует понятие индивидуального правового акта как акта-документа ненормативного характера, объективирующего индивидуальные веления, предназначенные для урегулирования конкретных ситуаций, требующих юридического разрешения, и адресованные персонально определенным субъектам⁴.

Наш взгляд, данная дефиниция – это классическое определение акта применения права, затрагивающая детализацию жизненного случая, индивида и, самое главное, содержащее властное решение.

Естественно, что в ходе применения права исключения, содержащиеся в правовых нормах (которые, собственно и применяются) отражаются в правоприменительном акте. Вынесение такого акта – завершающий этап правоприменения, следующий после стадии установления юридической основы дела (квалификации).

С.Ю. Суменков предъявляет достаточно жесткие требования к актам правоприменения, корреспондирующим с исключениями: 1) обязательное

¹ См. подробнее: Суменков С.Ю. Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 26-27.

² О разумности и определенности см. подробнее: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. Reasonableness and certainty in legal regulation. М., 2014.

³ См. об этом: Куковякин А.Е. Исключительные обстоятельства как основание смягчения наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018.

⁴ См.: Минникес И.А. Указ. соч. С. 15.

указание на конкретную норму, в которой содержится исключение; объяснение (мотивировка) того, почему правоприменитель выбрал именно данное предписание в ходе правоприменения; действия властного характера, реализованные на основе избранной нормы; субъекты, контролирующие данное правоприменительное решение¹.

По нашему мнению, в акте применения права концентрируются свойства, присущие иным стадиям правоприменения. Правоприменитель описывает фактическую основу казуса, а затем избирает необходимую норму, то есть квалифицирует деяние. Результаты квалификации также отражаются в правоприменительном акте и запускают реализацию исключений.

Здесь стоит акцентировать внимание на важности правильного, с процессуальной точки зрения, оформления акта применения права, в котором фигурируют исключения из правил. Процесс, как форма жизни закона, всегда играет магистральную роль в реализации права. Безупречное следование процессуальным требованиям должно быть характерно для реализации права вообще, а для применения такого альтернативного общему варианту регуляции как исключение – в особенности.

Несоблюдение процессуальных требований в отношении исключений приводит к невозможности их применения. В частности, Определением Первомайского районного суда г. Пензы от 24.01.2019 года был возвращен в ОП № 4 по УМВД России по г. Пензе протокол об административном правонарушении в отношении гр. В. В качестве основания возврата судья указал, что должностные лица ОВД при проведении административного расследования применили норму п. 1 ч. 5 ст. 28.7 КоАП РФ, в соответствии с которой в исключительных случаях срок административного расследования может быть продлен определением уполномоченного лица на один месяц. Как резюмировал судья, определение о возбуждении дела об

¹ См. об этом: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 331.

административном правонарушении и проведении административного расследования вынесено 20.12.2018 года. Протокол же об административном правонарушении составлен 24.01.2019 года. Однако, определение о продлении срока административного расследования не выносилось, в связи с чем само по себе проведение административного расследования после 20.01.2019 года являлось незаконным¹.

В контексте сказанного можно только приветствовать научные изыскания, направленные на изучение процессуальной специфики существования исключений².

Процессуальная форма применения исключений во многом детерминирует и специального субъекта, применяющего исключения из правил.

При этом не стоит монополизировать круг субъектов, применяющих исключения, ограничивая его государственными структурами. Равно как государственная власть может быть делегирована либо санкционирована, так и может быть делегировано³ и санкционировано⁴ применение исключений, чего не отрицает и С.Ю. Суменков⁵.

При этом можно возразить ученому, однозначно интегрирующему применение исключения с правом такого применения, которым обладает тот или иной правоприменитель. Как думается, применение исключений носит в

¹ См.: Дело № 5-139/2019 // Архив Первомайского районного суда г. Пензы.

² См. об этом: Соловьев С.А. Исключения в уголовно-процессуальном праве России: теоретический аспект и нормативная реализация этого феномена на примере частей первой и второй уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 124-133; Исаенков А.А., Исаенкова О.В. Исключения в российском гражданском судопроизводстве // Сборник: Проблемы гражданского права и процесса, сборник научных статей. Гродно. 2018. С. 288-300.

³ Выше уже приводился пример о правомочии капитана судна в исключительном случае предать тело умершего морю (абз. 2 ч. 3 ст. 70 КТМ РФ). По нашему мнению, капитану судна делегированы (переданы) правоприменительные полномочия, в частности констатации исключительного случая и принятия соответствующего властного решения.

⁴ Санкционирование, понимаемое как разрешение осуществления государственно-властных полномочий (в том числе и реализация исключений), предусмотрено в отношении органов местного самоуправления. См., например: ч. 3. ст. 7 ФЗ от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // СЗ РФ. 1995. № 50, ст. 4870.

⁵ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 321.

некоторых случаях безусловный характер. К ним относятся так называемые абсолютно определенные исключения¹, наделенные конкретизирующим эффектом, императивно предназначенные для применения. С другой стороны, диспозитивное усмотрение исключений может быть ограничено либо вообще нормативно запрещено².

Вместе с тем мониторинг исключений позволяет сделать уверенный вывод, что исключения в доминанте своей диспозитивны: решение об их применении отдано субъектом правотворчества на усмотрение правоприменителя.

Усмотрение в праве – сложный самостоятельный феномен, задействованный во многих сегментах правовой жизни³. В самом общем виде слово «усмотрение» обозначает решение, заключение, мнение; в свою очередь глагол «усмотреть» интерпретируется как установить, обнаружить, признать. Соответственно, усмотрение следует трактовать как «решение, принятое на основе обнаружения чего-либо».

Последнее более чем характерно для соотношения исключения и правоприменения. В процессе последнего компетентный субъект, устанавливая фактические обстоятельства, квалифицирует их в соответствии с нормой, содержащей исключение, и принимает решение (объективированное в правоприменительном акте) о применении данной нормы (а значит – и исключения). В более усеченном варианте конструкция такова: управомоченное лицо усматривает возможность применения исключения; делает умозаключение о необходимости реализации именно исключения; совершает властное действие – принимает решение.

Тем самым правоприменительное усмотрение служит важнейшим условием реализации исключений из правил.

¹ См.: Муравьев И.А. Указ. соч. С. 18.

² См.: ч. 3 ст. 64 УК РФ.

³ См. подробнее: Никитин А.А. Общие вопросы усмотрения в праве. Саратов, 2019.

При этом усмотрение правоприменителя относительно исключений может затрагивать буквально все аспекты бытия, подпадающие под правовое регулирование: половые, возрастные, соматические, профессиональные качества участников правоотношений; ситуационные особенности – география, климат, юридический режим местности, экстраординарность казусов; корреляцией с юридическими феноменами: сроками, пределами, условиями.

Как думается, исчерпывающий перечень оснований применения исключений крайне сложно представить, прежде всего, в силу того, что в исключениях находит свое отражение все многообразие окружающей действительности. Более того, причиной реализации исключений может быть констатация правоприменителем разумности и справедливости, необходимых, по его мнению, при разрешении той или иной жизненной ситуации.

Однако, правоприменительное усмотрение исключений не является абсолютном. Ключевым фактором здесь выступает возможность. В проекции к исключениям это означает, что не всякая норма, в которой зафиксировано исключение, будет в обязательном порядке реализована (применена). Уполномоченный субъект должен усмотреть в конкретной жизненной ситуации, нуждающейся в правовом регулировании, необходимость реализации именно исключения, а не правила. Здесь имеет место сложный конгломерат таких взаимосвязанных феноменов, как абстрактное и конкретное; закономерное и случайное¹.

Например, предписания ст. 64 УК РФ о том, что судья может при вынесении приговора усмотреть исключительные обстоятельства и назначить наказание ниже низшего предела, указанного в санкции статьи - это обезличенное предписание, олицетворяющее абстрактную возможность,

¹ См. об этом подробнее: Суменков С.Ю. Исключения в праве: закономерное и случайное // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. № 2 (70). С. 203-207.

закономерность которой объясняется поразительным разнообразием индивидуальных особенностей, с которыми судья сталкивается при отправлении правосудия¹.

Однако, каждый случай применения ст. 64 УК РФ – это случайность, хотя и обусловленная закономерностью. Исключительные обстоятельства, которые усмотрел служитель Фемиды, должны быть предметно конкретизированы, обоснованы в проекции их восприятия как исключения. В данном случае усмотрение (и соответственно реализация) исключения самым тесным образом соприкасаются с его интерпретацией.

Подобное (в большей либо меньшей степени) характерно и для иных исключений, в отношении которых предусмотрена возможность усмотрения их применения.

Характеристика специфики применения исключений детерминирует формулирование следующей модели применения исключений.

В нее включаются конкретные жизненные обстоятельства, характеризующиеся атипичностью и требующие государственно-властного разрешения; субъекты, уполномоченные реализовывать исключительные предписания; исключения, как предусмотренные правовыми нормами; средства правореализации, представляющие собой дозволения либо ограничения; акты применения исключений – надлежаще оформленное решение правоприменителя о реализации исключения, выступающее итогом индивидуального правового регулирования.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить следующее.

Во-первых, исключения имплементируются в юридические нормы для того, чтобы быть реально задействованными в процессе регулирования общественных отношений. Претворение нормативных предписаний, содержащих исключения из правил, подразумевает собой их практическую реализацию.

¹ Суменков С.Ю., Гук П.А. Исключения в праве и их реализация в судебной деятельности // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 123-130.

Во-вторых, реализация исключений находится в рамках традиционной парадигмы реализации права и отражается в четырех формах: соблюдение, исполнение, использование, применение. Названные формы коррелируют с тем фактом, что исключения в проекции к правилам предстают как дозволения и или ограничения. Тем самым, если магистральным правилом той или иной формы реализации выступает ограничение, то исключение подразумевает собой дозволение и наоборот. При этом надо учитывать, что проявление исключений в ходе реализации сложнее указанной схемы; наряду с указанной дихотомией «правило-исключение», последние могут вносить добавочный компонент в соответствующую форму реализации, обеспечивая ее максимальную эффективность.

В-третьих, названный дуализм непосредственно отражается в конструкции реализации исключений, которая выглядит следующим образом. При соблюдении, где роль правил играют запреты, исключения предстают в виде дозволений. В свою очередь, в контексте рассуждений о сопроводительном характере исключений при их реализации, следует констатировать, исключения могут воплощаться в запретах, привнося в регуляцию компонент соблюдения. При исполнении права, основывающемся на обязанностях, исключения выполняют миссию дозволений. Эскортирующая функция исключений, необходимая для достижения наибольшего коэффициента исполнения права, обуславливает наличие исключений-обязанностей, имеющих место быть в сегменте исполнения. При использовании права правилами служат дозволения; исключения выражаются в виде ограничений: в контексте реализации права они предстают как запреты (соблюдение) и обязывания (исполнение).

В-четвертых, для соблюдения, исполнения, использования характерно множество комбинаций, синтезирующих в себе правила и исключения из них. Так, если правилом служит обязывание, то в качестве исключения из него может выступать не только дозволение, но и запрет; при этом вполне допустима и иная вариация: запрет – правило, обязывание – исключение из

него. Дозволения могут олицетворять не только исключения из ограничений (запретов и обязываний), но и из иных дозволений. В этой связи вполне допустима и постановка вопроса об исключениях из исключений. Подобное сочетание объясняется кибернетическим законом необходимого разнообразия, гиперболизировано проявляющим себя в ходе реализации права.

В-пятых, особым образом реализуются исключения в форме правоприменения. Спецификой применения права служит, с одной стороны, интеграция в себе компонентов трех иных форм реализации. Подобная интеграция детерминирует присутствие в применении права как исключений-дозволений, так и исключений-ограничений. С другой стороны, такие отличительные качества правоприменения, как властная природа, конкретизирующий эффект, отраженный в правоприменительном акте, процессуальное оформление, субъектный состав, непосредственно влияют на исключения. В частности, исключения – это нормативные веления государства, обладающие свойством конкретизации, воплощающиеся в акте правоприменения, вынесенным в установленной процессуальной форме уполномоченными на то субъектами.

В-шестых, доминирующее количество исключений напрямую связано с усмотрением правоприменителя. В данном смысле применение исключений диспозитивно. Усмотрение применения большей части исключений – объективная данность, обеспечивающая результативность, дифференцированность и оперативность правового регулирования. Вместе с тем, превалирование фактора усмотрения обуславливает способность злоупотребления исключениями. Для ликвидации (минимизации) негативного эффекта применения исключений подходят различные инструментари, генеральным из которых следует считать надлежащее толкование исключений.

В-седьмых, олицетворение исключениями правовой возможности накладывается на стадии (этапы) применения права: управомоченный

субъект, оценивая реальную обстановку, усматривает возможность применения исключения (установление фактической основы дела); формирует умозаключение о необходимости реализации именно нормы, содержащей исключение (установление юридической основы дела); совершает властное действие – принимает решение о применении исключения (принятие решения по делу). Последняя стадия отражается в правоприменительном акте.

Исходя из данной апории, можно предложить следующую модель применения исключений: конкретные жизненные обстоятельства, характеризующиеся атипичностью и требующие государственно-властного разрешения; субъекты, уполномоченные реализовывать исключительные предписания; исключения, как предусмотренные правовыми нормами, средства правореализации, представляющие собой дозволения либо ограничения; акты применения исключений – надлежаще оформленное решение правоприменителя о реализации исключения, выступающее итогом индивидуального правового регулирования.

2.4 Толкование исключений как важнейшее направление оптимизации их реализации

Слово «толкование» определяется в нескольких значениях: 1) определение смысла, значения чего-либо; истолковывание; то или иное понимание, освещение чего-либо, трактовка, интерпретация; 2) документ, содержащий объяснение чего-либо; 3) то, что объясняет что-либо, указывает на причину чего-либо; 4) рассуждения¹.

Тем самым, толкование можно определить, как разновидность мыслительной деятельности человека. Подобного рода деятельность неизбежно связана с познанием чего-либо: неизведанного либо хотя и известного толкующему, но не устраивающего его в имеющей быть интерпретации.

«Познание – жизненно важный для человека процесс... Познание, следует рассматривать как процесс целесообразного поиска человеком всего того, что обеспечивает ему возможность создать (сотворить) себя и свое место в мире»².

Классической структурой толкования служит стратификация толковательного процесса на два компонента: уяснение и разъяснение.

Уяснение традиционно воспринимается как понимание чего-либо для себя. Именно этот компонент толкования наибольшим образом связан с гносеологическим аспектом бытия человека.

В свою очередь, разъяснение – это объяснение толкуемого феномена для других (по сути – это отражение толкования во внешнем реальном мире).

Как думается, толкование можно считать таковым только при органическом синтезе уяснения и разъяснения. Иными словами, только совокупность уяснения и разъяснения и составляют интерпретационную деятельность.

¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.: Под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1984. Т. 4. С. 374–375.

² Куликова О.Б. Философия познания: анализ основных проблем. Общая характеристика методов научного познания. Иваново, 2009. С. 5, С. 15.

Толкование права представляет собой важнейшую разновидность толкования. Право, выполняющее магистральную роль в социуме, обусловленную регулятивной и охранительной функциями, выполняемыми правом, также должно быть объектом толкования. Сложность последнего детерминирована интеграцией в праве объективных и субъективных начал, а также не однолинейным сочетанием содержания и формы.

Весьма точную формулировку толкования права предложил Н.А. Вопленко, воспринимающий правоинтерпретационную деятельность, как «... сложное явление интеллектуально-волевого характера, направленное на познание и объяснение смысла права»¹.

По нашему мнению, при освещении толкования права необходимо исходить из соотношения следующих бинарных феноменов: уяснения и разъяснения и содержания и формы. Уяснение и разъяснение коррелируют друг с другом как содержание и форма; в свою очередь, в проекции к толкованию права две последние категориальные единицы также имеют непосредственное значение: происходит уяснение содержания (то есть нормы права) и разъяснения формы, прежде всего, нормативного акта. Толкование норм права в самом общем понимании подразумевает собой установление смысла правовых актов, сконцентрированное на раскрытии выраженной в них воли нормоустановителя.

Сказанное имеет непосредственное отношение к толкованию исключений из правил. Исключение фиксируется в юридической норме, которая (как уже неоднократно отмечалось выше) объективируется в юридически значимой форме. Соответственно, возникает вполне закономерный вопрос: что предстает в качестве объекта толкования при толковании исключения из правил: норма, в которую имплементировано исключение, либо форма права, выступающая внешним выражением данной нормы.

¹ Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 5.

Иными словами, дилемма состоит в том, что же подвергать толкованию: исключительную норму непосредственно или форму права (в условиях российской правовой системы – прежде всего нормативный правовой акт), включающий эту норму.

Здесь, как думается, надо исходить из того, что при корреляции понятий «содержание» и «форма» при всей относительности такого сравнения, доминирование должно отдаваться все же содержанию.

Этот постулат наглядным образом виден при толковании исключений из правил. Как было уже отмечено выше, исключение фиксируется в норме права в ходе объективного по своей сути нормотворческого процесса. В свою очередь во внешнем реальном мире исключение, имеющееся в норме, отражается посредством правотворчества. Результатами последнего служат правовой обычай, прецедент, нормативный договор и нормативный правовой акт. Все они олицетворяют собой форму права, в которой имеется юридическая норма, содержащая исключение.

Тем самым толкование, в первую очередь, направлено не на форму (например, нормативный правовой акт), а непосредственно на содержание – норму, в которой закреплено исключение, обозначаемое как исключительная норма.

Например, в ГК РФ имеется норма, позволяющая в исключительных случаях признать судом причину пропуска срока исковой давности уважительной и восстановить данный срок. Указанная норма представляет собой интереснейший и сложный конгломерат таких феноменов как исключительный случай и уважительные причины, связанные с личностью истца. Соответственно, надлежащая реализация этой нормы возможна только при уяснении судом (судьей) того факта, что в конкретной ситуации имеет место быть действительно исключительный случай, детерминирующий восприятие причины пропуска срока в качестве уважительной. При этом одного только «уяснения для себя» недостаточно; суд обязан разъяснить исключительность случая и уважительность причины

восстановления (либо, наоборот, отказа в восстановлении) срока и для других – прежде всего, самого заявителя, ответчика, заинтересованные стороны.

Механизм взаимосвязи толкования правового исключения в ходе его применения будет более подробно освещен в рамках настоящего параграфа.

Здесь же хотелось бы отметить следующее. Интерпретационному воздействию подвергается не нормативный акт (ГК РФ), а, как об этом и сказано в приведенном в качестве примера постановлении одного из высших судебных органов, именно норма, олицетворяющая собой исключение из правил.

Иное дело то, что исключительная норма объективируется не в форме права в целом, а в каком-либо его структурном компоненте. Подобное более чем характерно для наиболее распространенной формы выражения исключений – нормативном правовом акте. В частности, иллюстрируемая норма о восстановлении срока исковой давности имплементирована в Часть первую ГК РФ, Раздел I. «Общие положения»; Подраздел 5. «Сроки. Исковая давность»; Главу 12. «Исковая давность»; ст. 205 «Восстановление срока исковой давности».

Такого рода иллюстрация убедительно доказывает, что норма, содержащая исключение, имплементируется в конкретный элемент нормативного акта (статья в кодексе).

Тем самым при толковании исключительных положений можно в качестве объекта интерпретации называть не исключительную норму, а указанную статью, ибо в данном частном случае содержание и форма отражения исключения диалектически едины.

Однако, в общем плане необходимо понимать, что такие примеры гармоничного сочетания формы и содержания относительно исключений встречаются не так часто.

Большая насыщенность исключениями нормативных актов (о чем уже упоминалось выше) обуславливает то, что исключения в «чистом виде» - при

фиксации в отдельной статье, (а также и в части статьи, пункте, подпункте, абзаце) не слишком распространены. Чаще всего представлен органический синтез правил и исключений как содержания в определенном компоненте правового акта. Подобное не только объясняет доминирование законодательной оговорки как магистрального способа внедрения исключения в текст акта, но и настоятельную потребность в толковании правовых исключений.

Толкование исключений необходимо, конечно, по тем же самым причинам, по которым требуется толкование права в целом.

Это, прежде всего, сложность либо нечеткость формулировок юридического текста, специфика терминов и понятий, требующая специальной квалификации, наличие многочисленных отсылочных и бланкетных норм и, как следствие, несовпадение формы и содержания, в том числе нормы права и статьи нормативного акта. Последнее имеет важное практическое значение, поскольку в отсылочной (и тем более) бланкетной статье могут быть неполностью указаны обстоятельства, упущены условия, при которых действует данная норма¹, что особенно не допустимо в отношении исключений из правил².

Названные причины в проекции к исключениям приобретают наибольшую актуализацию; подобное объясняется сложностью и неоднозначностью самой категории «исключение в праве». Естественно, что феномены, предполагающие альтернативную общей вариацию правовой регламентации, нуждаются в толковании: необходимо уяснить их смысл и значение для себя и разъяснить для других.

¹ См. Черданцев А.Ф. Толкование советского права: (Теория и практика). М., 1979. С. 5.

² См., например: Закон о собраниях содержит несколько так называемых бланкетных запретов, то есть абсолютных запретов, которые не допускают исключений. Бланкетные нормы часто бывают непропорциональными, поскольку они не учитывают исключительные случаи, которые требуют иного подхода... (Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 г. Дело «Лашманкин и другие (Lashmankin and Others) против Российской Федерации» (Жалоба № 57818/09 и 14 других, см. приложенный перечень) (Третья секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека «Российская хроника ЕС. Специальный выпуск». 2018. № 1.

При этом доминирующая часть исключений выступает в качестве оценочных понятий. Соответственно, при наложении абстрактного теоретического термина на реальный жизненный казус, характеризующийся сложностью и неоднозначностью, процесс толкования данного термина и подразумеваемого им правового явления более чем обязателен, равно как и обязательно толкование «связки» исключения к фактическим обстоятельствам.

Многократные разъяснения квинтэссенции словосочетания «исключительный случай», осуществляемые как высшими судебными органами РФ, так и международными судебными инстанциями подчеркивает значимость и необходимость толкования для обеспечения единообразного понимания и применения соответствующих законоположений. Последнее актуально, естественно, не только для раскрытия термина «исключительный случай», но и для всех многочисленных терминов, подразумевающих понятие исключение в праве.

Однако главное, как думается, не в этом, а в том, что необходимость толкования, что более чем многократно подчеркнуто Конституционным Судом РФ, объясняется потребностью в обеспечении единообразного понимания и применения исключений. Подобное свидетельствует о теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости толкования и применения исключений из правил, особенно актуализированной в контексте индивидуального правового регулирования¹.

По нашему мнению, раскрытие органического единства толкования и применения исключений целесообразно освещать исходя из концепции стратификации толкования в зависимости от субъекта, его осуществляющего, на официальное и неофициальное.

Магистральную роль в представленной парадигме уяснения и разъяснения исключений играет, по нашему мнению, официальное

¹ См., в частности: Березовская Е.В. Правотолкование и индивидуальное правовое регулирование : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2005.

толкование¹. Это, как думается, очевидно, исходя из того, что исключения содержатся в юридических нормах, облекаются в соответствующую форму и выступают в качестве хотя и своеобразных, но от этого не менее важных средств правовой регламентации. Официальное толкование представляет собой разъяснение смысла правовых норм, исходящее от уполномоченного субъекта, имеющее обязательный характер для тех лиц, чьи взаимоотношения и деятельность регулируются разъясняемыми нормами².

Официальное толкование, как известно, подразделяется на нормативное и казуальное.

Нормативное толкование представляет собой толкование общего характера, распространяющееся на конкретно неопределенные случаи, без персонализации соответствующих субъектов и действующее вне зависимости от разрешения того либо иного казуса³. Нормативное толкование включает в себя два подвида: аутентическое и легальное.

Аутентическое (авторское) толкование – это особая юридическая деятельность, состоящая в уяснении и разъяснении собственных нормативных правовых предписаний⁴.

Тем самым речь идет о том, что разъяснением исключения из правила занимаются те субъекты, которые и объективировали в соответствующей форме права норму, содержащую исключение.

Надо отметить, что аутентическое толкование исключений встречается крайне редко. Я.Н. Колоколов слишком категорично, на наш взгляд, объясняет подобное тем, что детерминантами аутентического толкования служит необходимость устранения ошибок содержательного либо технико-

¹ См.: Вопленко Н.Н. Указ. соч. 1976.

² См.: Вопленко Н.Н. Виды и акты официального толкования права. *Modes and acts of the official interpretation on law* // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 2 (12). С. 6-7.

³ См., в частности: Новиков Н.И. Нормативное толкование в механизме правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

⁴ См.: Колоколов Я.Н. Аутентическое официальное толкование норм права: теория, практика, техника : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. С. 8.

юридического характера¹. Более выверено определяет необходимость названного толкования Н.И. Новиков, отмечая, что в качестве его причин, помимо нивелирования ошибок, пробелов, недоделок, такие факторы, как неясности и неточности нормативного акта, допущенные создателем последнего².

Названные явления, безусловно, имеют негативную природу, что во многом объясняет и нежелание субъекта правотворчества их разьяснить³. Однако, подобное положение не связано напрямую с исключениями из правил, а может затрагивать предельно широкий спектр правовых феноменов. Что же касается исключений, то их сущность сама по себе весьма сложна и неоднозначна, связана с альтернативой правового регулирования, дискрецией правоприменительного усмотрения, конкуренцией норм. Все это обуславливает некоторые затруднения при правотворческом оформлении исключительной нормы, которые затем трансформируются в необходимость обязательной интерпретации последней.

Иными словами, если участник правотворческого процесса и нормативно закрепляет исключение, то он априори хочет подразумевать, что эти исключения не только необходимы для максимально полной и оперативной юридической регламентации, более чем выверены в контексте технико-юридической составляющей, и, что самое главное, предельно понятны для субъектов правовых отношений, прежде всего, правоприменителей.

Сказанное, по нашему мнению, и объясняет весьма незначительную долю аутентического толкования в общем массиве интерпретации исключений.

¹ См.: Там же. С. 9.

² См.: Новиков Н.И. Указ. соч. С. 7.

³ По нашему мнению, помимо сугубо субъективной причины – нежелания разьяснять собственные упущения, есть и вполне объективный мотив – отрицательные явления необходимо не разьяснять, а устранять.

Вместе с тем подобная «незначительность» обозначает не только количественный показатель, что несколько не снижает его важности. Именно аутентическое толкование, как интерпретационная деятельность, наиболее приближенная к правотворчеству, обеспечивает непосредственную связь между созданием исключений и их оптимальной реализацией.

В большей степени к реализации исключений имеет отношение второй подвид официального нормативного толкования, именуемый легальным (делегируемым) толкованием. Под ним понимается в самом общем смысле разъяснение правовых норм, реализуемое в соответствии с собственной компетенцией уполномоченными на то субъектами и носящее общеобязательный характер¹. Тем самым легальное толкование – это толкование нормативных предписаний тем органом, которому предоставлено право такого толкования или (и) возложена обязанность его осуществления.

На наш взгляд, данный вид толкования является генеральным относительно исключений в праве. Подобное объясняется не только малым процентом аутентического толкования исключений; главное – необходимость руководящих в силу своей компетенции разъяснений неоднозначного, изменяющего эталонную природу юридических требований, правового инструментария как исключение в праве. Это нужно для надлежащего (как отмечают высшие судебные органы) единообразного понимания и применения исключений из общих правил правового регулирования.

Упоминание о высших судебных органах здесь далеко не случайно. Традиционно считается, что доминирующую роль в легальном толковании играет именно суд, а точнее, судебные органы, занимающие ведущее место в судебной иерархии².

¹ См.: Вопленко Н.Н. Виды и акты официального толкования права. *Modes and acts of the official interpretation on law*. С. 13.

² См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 144. С. 150-164.

В настоящее время ситуация детерминирована особым положением судов в правовом государстве, равно как и уникальной компетенцией Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Так, Конституционный Суд РФ в соответствии со своими полномочиями принимает, в частности, к рассмотрению дела, в которых обнаруживается неопределенность на предмет соответствия правового акта Конституции РФ при защите прав и свобод человека и гражданина, неопределенности в понимании положений Конституции РФ.

Исключения в праве, как уже неоднократно было сказано, неизбежно привносят в правовую регламентацию компонент неопределенности. Оценочный характер большинства исключений, их способность создавать альтернативу общеобязательным стандартам, возможность внедрения изъятий и дополнений в общеправовые принципы, неминуемо обуславливает поводы и основания обращения к Конституционному Суду РФ относительно конституционности нормативных предписаний, олицетворяющих исключения из правил. Как следствие – наличие многочисленных актов, не только разъясняющих позицию Конституционного Суда РФ о соответствии исключений букве и духу основного закона страны, но и пытающихся дать содержательную характеристику весьма абстрактных дефиниций, в которых наиболее ярко отражаются свойства исключения как типичного правового феномена; речь, прежде всего, идет об объяснении терминов «исключительный случай», «исключительные обстоятельства», «за исключением», «в связи с исключением», «за исключением обязательств», «уважительные причины».

Как ни парадоксально, известной долей абстрактности обладают и постановления Пленума Верховного суда РФ, являющиеся классическим актом официального легального (делегированного) толкования. Конечно, они несколько более конкретны, чем акты органа конституционного правосудия, поскольку принимаются по определенным категориям дел. Однако, известная доля абстракции в проекции к исключениям в них присутствует,

так как Верховный Суд РФ также дает разъяснения дефиниций, в которых отражаются исключения («исключительный случай», «исключительные обстоятельства», «за исключением», и т.п.).

Наличие некоторой абстрактности в актах толкования, издаваемых высшими судебными органами, является в том числе одним из факторов, предопределяющих постановку вопроса о судебном правотворчестве. Данный предмет обсуждения весьма спорен и неоднозначен, имеет как противников, так и сторонников.

При этом аргументы адептов судебного правотворчества весьма противоречивы. Иллюстрацией служит позиция А.Ф. Черданцева, который заявляет об отрицании правотворческой функции высших судебных инстанций, что «не должно вести к выводу о том, что их руководящие разъяснения не имеют обязательного значения»¹. Соглашаясь с последним, трудно не заметить коллизионности приведенной апории со следующим утверждением этого же ученого. «Постановления Пленумов Верховных Судов являются нормативными актами»². По мнению А.Ф. Черданцева, такие акты содержат нормы-разъяснения (интерпретационные нормы), фактически функционирующие как нормы права, изданные законодателем³.

Таким образом, легитимное толкование выступает прямой детерминантой судебного правотворчества. Аналогичными соображениями руководствуется П.А. Гук, в настоящее время являющийся основным поборником идеи судебного нормотворчества⁴.

Тем самым П.А. Гук непосредственно обозначает толкование в качестве основания возникновения судебной нормы, отождествляя соответственно толкование и правотворчество, за что и подвергается вполне

¹ Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 154.

² Там же. С. 157.

³ См.: Там же. С. 157, 159.

⁴ См., в частности: Гук П.А. Судебное нормотворчество: теория и практика: моногр. изд. 2-е доп. Саарбрюкен (Германия): LAP LAMBERTA cademic Publishing GmbH&Co, 2012; Его же. Основы судебного нормотворчества: избранные труды. Пенза, 2019.

справедливой и обоснованной критике¹. Не отрицая наличия нормотворческого потенциала у высших судебных органов, равно как и не опровергая вполне устоявшегося термина «прецедент толкования», хотелось бы отметить следующее.

Судебное нормотворчество и судебное толкование – хотя и близкие, но все же автономные компоненты судебной практики.

Судебное нормотворчество, как уже говорилось выше, коррелирует с судебным правотворчеством как содержание и форма; результатом нормотворчества выступает судебная норма, а итогом правотворчества – судебный прецедент, в котором указанная норма и объективируется².

Судебное (официальное нормативное легальное) толкование – это интерпретационная деятельность высших судебных органов, направленная на разъяснение нормативных предписаний. В проекции к исключениям «это связано с разъяснением той или иной терминологической формы воплощения понятия «исключение в праве»³.

Итоги такого толкования находят свое воплощение в различного рода судебных актах высших судебных органов⁴, объединяемых одним общим названием – правовые позиции⁵.

Естественно, что наличие правовых позиций, в которых разъясняется понимание Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ, а ранее (до 2014 года) Высшим Арбитражным судом, того, что собственно представляют

¹ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М., 2016. С. 234.

² Можно солидаризоваться с С.Ю. Суменковым, аргументирующим точку зрения о том, что именно нормы-исключения должны превалировать в судебном нормотворчестве и, соответственно, отражаться в судебном прецеденте (Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 40).

³ См.: Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. С. 239.

⁴ См., в частности: Кошелева В.В. Акты судебного толкования правовых норм: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 11.

⁵ Здесь следует уточнить позицию С.Ю. Суменкова, считающего, что результаты судебного толкования отражаются в правовых позициях (Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 16). Как думается, результаты официального нормативного легального толкования, осуществляемого высшими судебными органами отражаются в правовых позициях последних.

исключения, самым положительным образом сказывается как на правотворческом процессе фиксации исключительных норм, так и на их применении.

Надо сказать, что легальное толкование исключений не является монополией высших судебных органов. Давать интерпретацию исключения могут все субъекты, в компетенцию которых имплементировано право либо обязанность давать подобного рода разъяснения. Более того, в силу неоднозначной природы исключений на практике могут встречаться «разъяснения разъяснений», направленные на объяснение того, что же следует воспринимать в качестве исключения из правила¹.

Упомянутая значимость легального толкования для правоприменения несколько не нивелирует важность казуального толкования исключений из правил.

Казуальное толкование – это официальное разъяснение юридической нормы, обязательное для конкретного случая (казуса)².

В контексте толкования исключений казуальное толкование приобретает важнейшее значение, поскольку: а) в нем находит свое проявление триада «общего-особенного-единичного», в которой неизбежно присутствует исключение; б) оно демонстрирует необходимую степень конкретности, априори присущую исключениям; в) непосредственно связано с реализацией исключений, а точнее – их применением.

¹ См., например: В частности, интересным представляется объяснение Пенсионного фонда России, разъяснить понимание Конституционным Судом РФ смысл словосочетания «доказательства исключительного (экстраординарного) характера» (Письмо ПФР от 29.08.2005 г. № КА-09-26/9050 «О разъяснении определений Конституционного Суда Российской Федерации от 12.05.2005 № 164-О, 165-О, 210-О, 211-О, 212-О, 213-О» // Сборник Разъяснений по применению законодательства РФ, регулирующего вопросы уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в виде фиксированного платежа, с учетом решений КС РФ». М., 2005).

² См. об этом, например: Минникес И.А. Казуальное толкование: проблемы теории и практики // Академический юридический журнал. 2016. № 1 (63). С. 4-9.

Казуальное толкование можно считать толкованием правоприменителя¹. Это обусловлено как особым субъектом данного вида толкования, так и описанной выше взаимосвязи толкования и применения исключений в механизме их реализации. Прежде чем применить норму, содержащую исключение, правоприменитель (и он же – субъект толкования) должен уяснить смысл и целесообразность исключения для себя, а затем (в ходе либо в итоге правоприменительного процесса) суметь разъяснить данный выбор для других.

Иллюстрацией сказанного служит подавляющий массив дел, напрямую связанных с применением исключений. Примером может служить реализация судами многократно упоминаемой в настоящем исследовании ст. 205 ГК РФ, содержащей весьма абстрактные и безусловно оценочные термины, подразумевающие исключение – «уважительные причины» и «исключительный случай». Так, гр. А. обратился в Первомайский районный суд г. Пензы с иском о восстановлении срока исковой давности для принятия наследства. Суд исследовал фактические обстоятельства дела и, сопоставив их с положениями ст. 205 ГК РФ, констатировал наличие уважительных причин восстановления срока - утеря паспорта и расстройство здоровья, повлекшее лечение в стационарных условиях, в том числе и в дневном стационаре. В правоприменительном акте суд мотивировал, почему считает названные причины уважительными и, соответственно, обуславливающими определение данного случая в качестве исключительного².

Конечно, подобного рода толкование сопряжено с усмотрением. В проекции к механизму реализации исключений это еще больше сближает казуальное толкование с правоприменением. Важным здесь является то, что

¹ Легальное (делегированное) толкование также является правоприменительным толкованием, но характеризуется большей степенью абстракции и не сводится к разрешению конкретного дела.

² См.: Дело № 2-150/2018. Решение Первомайского районного суда г. Пензы от 20 февраля 2018 года // Архив Первомайского районного суда г. Пензы.

казуальное толкование исключений взаимодействует с их применением, непосредственно мотивируя и тем самым оптимизируя последнее.

При этом не стоит преуменьшать значение казуального толкования исключений вследствие ограниченности его рамками конкретного жизненного казуса. А.Ф Черданцев верно отмечает, что можно рассуждать о казуальном толковании, «как имеющем обязательное значение не только для конкретного дела, но и для аналогичных дел»¹.

На наш взгляд, именно казуальное толкование (по крайней мере, относительно исключений) обеспечивает единообразие понимания и применения исключений в юридической практике.

При этом если предположить возможность существования аутентического казуального толкования, то диапазон толкования исключений еще более расширяется².

Противоположную (но не антагонистическую) сторону официального толкования представляет неофициальное толкование. Традиционно оно подразделяется на доктринальное (научное), профессиональное, обыденное. Как думается, каждая из названных разновидностей потенциально может быть направлена на интерпретацию исключений из правил.

Доктринальное (научное) толкование – это интерпретационная деятельность представителей юридической науки по уяснению и разъяснению норм права³.

Значимость доктринального толкования в отношении исключений в первую очередь заключается в возможности сделать необходимые выводы и обобщения, дефинировать понятие исключения и создать соответствующую терминологию, провести сравнительный и межотраслевой анализ. Результатами толкования выступают различного рода научные публикации -

¹ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 143.

² Например, органы исполнительной власти, уполномоченные на создание подзаконных правовых актов, не только правотворческим путем объективируют исключительные нормы, но и толкуют их при применении в конкретном случае.

³ См., подробнее: Надежин Г.Н. Доктринальное толкование норма права : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.

монографии, статьи, тезисы конференций различного уровня, а также диссертационные исследования по данной проблематике. Несмотря на объективную теоретизированность, названный вид толкования способствует созданию концепции исключений, их правильному пониманию, совершенствованию в процессе правотворчества и правоприменения.

При этом не стоит воспринимать доктринальное толкование в безусловном отрыве от юридической практики. Толкование детерминировано правосознанием, что неизбежно отражается на результатах толкования, в том числе и в практической деятельности субъекта. В частности, как думается, не будет преувеличением утверждение о том, что большая часть актов, толкующих исключения, издана Конституционным Судом РФ. На настоящий момент 86,67% судей Конституционного Суда имеет ученую степень (из них 73,34% - степень доктора юридических наук)¹. Безусловно, правосознание ученого, который в настоящее время является служителем Фемиды в органе конституционного правосудия, неизбежно и положительно отражается в его профессиональной деятельности². Тем самым стоит согласиться с утверждением о нормативно-доктринальной природе решений Конституционного Суда РФ³.

В еще большей степени связано с практикой профессиональное толкование. Это вполне естественно, ибо профессиональное толкование осуществляют лица, которых в самом общем виде можно охарактеризовать как юристы. Соответственно, профессиональным толкованием исключений могут заниматься и субъекты правотворчества и правоприменения. Тем самым можно солидаризоваться с тем, что, например, правоприменительное

¹ См.: Официальный сайт Конституционного Суда РФ // URL: <http://www.ksrf.ru/ru>. (дата обращения 08.01.2020 г.).

² Здесь особо стоит отметить, что в некоторых научных работах ныне действующих судей Конституционного Суда РФ, уделялось внимание анализу правовых исключений. См. об этом, например: Бондарь Ю.С., Капранова Ю.В. Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации. Ростов-на-Дону, 2002.

³ См.: Бондарь Ю.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75–85.

толкование может быть как официальным, так и неофициальным¹. Здесь имеет место быть весьма условная стратификация: если названные субъекты толкуют исключения при реализации своих служебных обязанностей, исходя из установленной компетенции, то такое толкование является официальным; в свою очередь, если те же субъекты разъясняют понимаемую ими суть исключения, не «при исполнении», то подобная интерпретационная деятельность считается неофициальным профессиональным толкованием.

В любом случае неофициальным толкованием будет обыденное толкование. Дефектами такого толкования относительно исключений выступает отрицание последних либо негативное, зачастую демагогическое и популистское к ним отношение (в особенности к таким их разновидностям, как привилегии, правовая неприкосновенность). Вместе с тем, надо понимать, что обыденное толкование производно от массового правосознания, которое не только на уровне правовой психологии, но и правовой идеологии, оказывает влияние как на правотворческое объективирование исключений из правил, равно как и на их применение.

Толкование права, помимо классификации по субъектам, может быть стратифицировано и по иным основаниям; к ним, в частности, относятся объем и способы толкования.

Толкование права в зависимости от объема представляет собой неоднозначную и сложную деятельность². Такое толкование традиционно подразделяется на буквальное, ограничительное, распространительное.

По нашему мнению, исключения из правил в идеале следует толковать буквально. Именно так достигается оптимальное совмещение содержания и формы, «духа» и «буквы» исключения, его истинного смысла и текстуального выражения.

¹ См.: Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 7.

² См., в частности: Гаврилова Ю.А. Толкование права по объему : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

При этом подобного рода толкование должно служить ориентиром не только относительно исключений, но и правил, а также всех иных правовых феноменов, равно как и всего права в целом. Данный идеал нельзя назвать недостижимым полностью. В частности, самым оптимальным образом буквально толкуются так называемые абсолютно-определенные исключения¹, ограничительная или расширительная трактовка которых априори невозможна. По мнению С.Ю. Суменкова, такие исключения обозначаются нормативным термином «за исключением», используемым тогда, когда «буквально определяется, что следует считать исключением...»².

Вместе с тем, и это одна из основополагающих идей в концепции исключений, они в доминате своей диспозитивны; среди них превалируют так называемые относительно определенные и абсолютно неопределенные исключения, представляющие оценочные понятия, реализация которых зависит от усмотрения уполномоченного субъекта³.

Сужение возможностей усмотрения исключений в целях недопустимости его трансформации в злоупотребление актуализирует ограничительное толкований исключений из правил.

Н.И. Сухова, идя в контексте традиционного понимания объема толкования исключений, формулирует постулат о том, что «*exceptio est strictissimae interpretationis*» (исключения следует толковать строго ограничительно)⁴. Между тем, против такого подхода выступает А.Ф. Черданцев, считающий более выверенной следующую формулировку: исключения из общих правил не должны толковаться распространительно⁵. В качестве иллюстрации А.Ф. Черданцев приводит пример из действующего на

¹ См.: Муравьев И.А. Указ. соч. 2009. С. 18.

² Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 14.

³ См.: Там же. С. 26.

⁴ Сухова Н.И. Особенности техники толкования правовых исключений // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения) : сб. тезисов докладов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Саратов, 3-4 июня 2010 г.). Саратов, 2010. С. 115–116.

⁵ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 75.

тот момент уголовно-процессуального законодательства¹, позволяющего следователю в исключительных случаях проводить обыск без получения санкции. По мнению А.Ф. Черданцева, данную норму можно толковать распространительно в том плане, что в исключительных случаях обыск может производиться без санкции не только следователем, но и органами дознания².

На наш взгляд, в представленном аспекте подобного рода норму³ необходимо толковать буквально: если установлено что обыск без санкции может производить только следователь, то никакому иному субъекту такое право не может быть делегировано. Как думается, подобный вывод согласуется с умозаключением самого А.Ф. Черданцева, отмечающего, что «наличие общей нормы не допускает распространительного толкования исключительной»⁴.

При этом надо возразить против искусственного ограничения в толковании правовых исключений. Нельзя, например, согласиться с А.Е. Куковякиным, предлагающим в контексте ст. 64 УК РФ понимать под исключительными обстоятельствами два или более смягчающих обстоятельства⁵. Представляется, что подобное предложение абсолютно не учитывает специфику, закрепленную в самом термине «исключительные обстоятельства», которые не являются абсолютным синонимом смягчающих обстоятельств⁶, подразумевая не просто смягчение наказания, а именно исключение из правил их назначения.

Сказанное не означает отрицания ограничительного толкования исключений из правил. На его обязательность постоянно указывают

¹ См.: УПК РСФСР 1960 года.

² См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 75.

³ Аналогичная норма закреплена в ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

⁴ Черданцев А.Ф. Указ соч. С. 75.

⁵ См.: Куковякин А.Е. Исключительные обстоятельства как основания смягчения наказания : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Омск, 2018. С. 7.

⁶ См.: Мифтахов А.М. Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. С. 11.

судебные органы, очень часто не соглашаясь с восприятием того либо иного случая, обстоятельства и т.п. в качестве исключительного.

Иное дело то, что степень абстракции в той или иной степени объективно присутствующая в исключениях из правил, не может не учитываться ни субъектами правотворчества, ни субъектами правоприменения, детерминируя очевидную необходимость распространительного толкования исключений.

Таким образом, при толковании исключений по объему целесообразно использовать все три разновидности толкования (буквальное, ограничительное, распространительное), что будет способствовать надлежащей интерпретации исследуемого феномена.

Тоже самое относится и к способам толкования, применимым при уяснении и разъяснении исключений.

По нашему мнению, при интерпретации исключений может быть задействован абсолютно весь арсенал способов, известных в практике толкования. Однако, как думается, наиболее оптимальными способами толкования исключений выступают следующие.

Грамматический способ основан на лексическом, морфологическом, фонетическом анализе того или иного явления. Грамматический способ непосредственно связан с языком права; в проекции к исключениям особенно актуально уяснение и разъяснение многозначности (полисемии) слов в праве¹. Так, например, согласно законодательству, случай в праве может быть исключительным, особым, не терпящим отлагательства, необходимым. При этом только термин «исключительный случай» однозначно подразумевает собой исключение из правил; все остальные могут быть как синонимами исключительного случая, так и обозначать иные явления². Именно грамматический способ толкования помогает признать либо,

¹ См.: Власенко Н.А. Избранное. М., 2015. С. 127-136.

² См. подробнее: Темрезов Т.Б. Исключительный случай, особый случай, необходимый случай: аспекты разграничения // Юридические технологии в правовой политике. Ежегодник. 2017. № 5. С. 32-39.

наоборот, отличить от исключений иные лексические операторы, встречающиеся в нормативных текстах¹.

Формально-юридический способ толкования нацелен на раскрытие смысла понятия «исключения в праве» и дефинирования нормативно-правовых терминов, в которых отражается указанное понятие.

Исторический (историко-политический) способ разъясняет конкретные исторические условия и политическую обстановку, влияющие на возникновение и генезис правовых исключений.

Систематический способ детерминирован таким признаком права как их системность, что проявляется во взаимообусловленности и взаимосвязи юридических норм. Относительно исключений, системный способ толкования необходим вследствие того, что правило и исключение из него составляют «единую систему, занимающую центральное место в механизме правового регулирования»². Система норм характеризуется определенного рода связями, важнейшими из которых при интерпретации исключений служат связи общих и специальных норм, равно как и связи общих и исключительных норм³. По нашему мнению, именно систематический способ толкования способствует раскрытию места и роли исключений в механизме правового регулирования.

Логический способ толкования исключений сориентирован на использовании логических приемов при интерпретации исключений. Если выйти из парадигмы классической логики и согласиться с признанием логики диалектической⁴, то магистральным законом познания исключений является закон единства и борьбы противоположностей, помогающий понять сложнейшую взаимосвязь правил и исключений из них.

¹ Речь идет прежде всего о таких оборотах как «если», «помимо», «кроме», «как правило», которыми субъект правотворчества пытается в силу каких-либо причин завуалировать понятие исключение.

² Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 22.

³ См.: Черданцев А.Ф. Указ. соч. С. 70-75.

⁴ См. об этом: Малахов В.П. Концепция философии права: научное издание. М., 2012.

Телеологический способ толкования направлен на разъяснение целевых установок, для разрешения которых и существуют исключения.

Функциональный способ толкования исключений обращен на освещение их правового воздействия на общественные отношения и поведение субъектов.

Сравнительно-правовой способ также перспективен при толковании исключений. Речь может идти о сравнении форм объективизации исключений в различных правовых системах; сопоставлении исключений, имеющих место быть в различных отраслях права; сравнительном анализе исключений с правилами, специальными правилами, иными правовыми феноменами (в частности, с аксиомами¹, презумпциями², фикциями³).

По нашему мнению, в познании и интерпретации исключений важен каждый способ их толкования. При этом главное заключается не в перечислении способов толкования, а в понимании того, что эти способы, равно как и виды толкования (как по объему, так и по субъектами), сводятся к единому конечному итогу – установлению истинного смысла исключения из правила.

По нашему мнению, истинный смысл исключения имеет сугубо прагматический характер.

Толкование исключений необходимо для недопущения и устранения, минимизации и нивелирования возникающих и имеющих в отношении них правотворческих ошибок⁴, правоприменительных ошибок⁵. Толкование исключений нужно и для предотвращения правоинтерпретационных

¹ См.: Роман Е.А. Исключения в праве и правовые аксиомы: вопросы соотношения // Современное общество и право. 2016. № 1 (22). С. 18-23.

² См.: Суменков С.Ю. Правовые презумпции и исключения в праве: пределы допустимости // Право и государство: теория и практика. 2014. № 11 (119). С. 10-14.

³ См.: Малько А.В., Роман Е.А. Исключения в праве и правовые фикции: технико-юридический аспект // Право в современном мире. 2015. № 4 (37). С. 15-19.

⁴ См.: Лашков А.С. Правотворческие ошибки : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2000.

⁵ См.: Мурсаимов К.Р. Правоприменительные ошибки : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.

ошибок¹, возникающих при идентификации завуалированных исключений. Тем самым толкование исключений благоприятно сказывается на механизме реализации исключений из правил.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, надо отметить следующее.

Во-первых, толкование исключений является одним из компонентов толкования права. Толкование исключений – это процесс их уяснения и разъяснения, потребность в котором объясняется сложной корреляцией содержания (исключительной нормы) и формы отражения исключений; использование отсылочного и бланкетного способа изложения исключений; специфика терминов, подразумевающих понятие «исключение в праве». К факторам, затрудняющим восприятие исключений и, соответственно, предопределяющим необходимость их толкования, относится высокая степень абстрактности, заложенная в большинстве исключений; доминирование в их природе диспозитивных начал и, как следствие, дискреционных полномочий их усмотрения, вуалирование исключений иными лексическими операторами.

Во-вторых, толкование исключений, проводимое в рамках традиционной для юридической науки парадигмы, исходит из стратификации толкования в зависимости от его субъекта на официальное и неофициальное. Официальное толкование, подразделяемое на нормативное и казуальное, имеет магистральное значение при интерпретации исключений. Подобное объясняется тем, что исключения имплементированы в исходящие от государства либо им санкционируемые юридические нормы, объективированные в признанных формах. Все это детерминирует властный характер исключений, предназначенность их для практической реализации, прежде всего, применения. Именно поэтому разъяснение исключительных

¹ См.: Пишина С.Г. Правоинтерпретационные ошибки. Проблемы теории и практики : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.

предписаний также должно исходить от уполномоченных субъектов, предполагая официальность последствий такого толкования.

В-третьих, нормативное толкование, подразумевающее неоднократность и неперсонифицированность разъясняемого исключения, подразделяется на аутентическое и легальное (делегированное). Аутентическое (авторское) толкование – это толкование исключений теми органами, которые и объективировали исключительное предписание в соответствующей форме права. Такое толкование по большей части корреспондирует правотворчеству, оптимизируя последнее. Легальное (делегированное) толкование – это интерпретация исключений теми субъектами, в компетенциях которых заложено осуществление подобной деятельности. Легальное толкование исключений, проводимое, прежде всего, высшими судебными органами, нацелено на оптимизацию правоприменения.

В-четвертых, непосредственно коррелирует с применением права казуальное толкование исключений. Оно направлено на объяснение исключения в проекции к конкретному жизненному казусу, находящемуся в сфере правовой регламентации и нуждающемуся в разрешении. Значение казуального толкования состоит в том, что оно конкретизирует абстрактную составляющую исключения непосредственно в ходе правоприменения, во многом минимизируя риски, вызванные оценочностью исключения при его усмотрении.

В-пятых, неофициальное толкование исключений, подразделяемое на доктринальное (научное), профессиональное и обыденное, также имеет немаловажное значение. Доктринальное толкование, подразумевающее создание теоретической концепции правых исключений, отражается в принципе научности правотворчества, совершенствуясь в дальнейшем процессе их применения. Профессиональное толкование – это толкование исключений представителями юридической практики, которое объективно имплентируется в их профессиональной деятельности, что особенно актуально для субъектов правотворчества и правоприменения. Дефекты

обыденного толкования не снижают его роль при интерпретации исключений. Будучи производным от массового правосознания, обыденное толкование создает общий настрой в восприятии юридических исключений, являясь при этом базовой основой для иных разновидностей как неофициального, так и официального толкования.

В-шестых, толкование исключений проводится и по такому основанию, как объем толкования. Идеальным толкованием исключений по объему служит буквальное толкование, позволяющее синтезировать смысл (содержание) и форму (текстуальное выражение). Однако, такое толкование применимо только к точно определенным исключениям, не допускающим разночтения в их интерпретации. Преобладающие в массиве исключений относительно и, тем более, абсолютно определенные исключения априори не могут толковаться буквально. Абстрактный характер исключений, олицетворение ими оценочного понятия обуславливает необходимость ограничительного и распространительного (расширительного) толкования. Ограничительное толкование нужно для сужения необоснованного усмотрения исключений, искусственного расширения их перечня, восприятия в качестве исключения тех феноменов, которые ими не являются. Распространительное толкование значимо в силу действия закона необходимого разнообразия, при котором объективно невозможно нормативно дефинировать и охватить полностью и целиком все многообразие субъектов и фактических обстоятельств, входящих, тем не менее, в сферу правотворчества и правоприменения. Для достижения наибольшего положительного эффекта следует использовать комбинирование различных видов толкования исключений по объему.

В-седьмых, интеграция требуется и при интерпретации исключений в зависимости от способа толкования. Исключения подвержены толкованию каждым способом, имеющим место быть в арсенале у толкующего субъекта. Однако, наилучшим образом адаптированы к толкованию исключений такие способы, как грамматический, формально-юридический, исторический,

системный, логический, телеологический, функциональный, сравнительно-правовой.

В-восьмых, толкование исключений – важнейший и неотъемлемый компонент механизма их реализации. Именно толкование, предназначенное для выяснения истинного смысла исключения в праве, способствует надлежащему правотворческому оформлению исключения и его применению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исключения из правил, имеющие место быть в сфере правового регулирования, - это сложный и неоднозначный феномен, подразумевающий альтернативный унифицированному вариант регуляции. Значимость исключений детерминирована как их многочисленностью, так и проявлением во всех основополагающих сферах юридической деятельности – правотворчестве, правоприменении, толковании.

Исключения реализуются именно в этих областях, соответственно, важным и перспективным направлением научного анализа исключений служит исследование механизма реализации исключений, включающего в себя правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную составляющие.

Исключения из правил характеризуются объективностью их существования; она иллюстрируется и доказывается имплементацией исключений в социальные нормы, регламентирующие отношения между людьми. Генезис исключений, закрепленных в нормах права, показывает необходимость и неизбежность их существования на всех этапах исторического развития, общность признаков, аналогичность алгоритма их воздействия на правила на всех исторических этапах.

Наличие исключений в праве детерминировано многообразием общественных отношений. Исключения являются неотъемлемым компонентом правового регулирования, олицетворяя собой дозволения или (и) ограничения. Проекция таких исключений на правила, подразумевающих соответственно обратное, порождает разновекторную корреляцию дозволений и ограничений. Исследование означенного конгломерата представляет несомненный интерес для юридической науки.

Исключения, присутствующие в правовом регулировании, в обязательном порядке фиксируются в нормах права. Освещение исключительной нормы, являющейся особой разновидностью специальной

нормы, позволяет сделать вывод, что именно наличие исключительной нормы выступает непосредственной детерминантой практической реализации исключений.

Констатация наличия исключения в юридической норме обуславливает вопрос о материалистическом воплощении исключений. В этой связи затрагиваются проблемы нормообразования и правообразования. Первое корреспондирует с объективным процессом объективирования исключительных норм; второе соотносится с формой выражения исключений в реальном мире. При этом несомненный интерес вызывает не только специфика выражения исключений в таких формах, как правовой обычай, юридический прецедент, нормативный договор, нормативный правовой акт, но и особенности, присущие реализации исключений, содержащихся в той либо иной форме.

Исключения выполняют весьма специфичную целевую нагрузку как при правовом регулировании, так и при правореализации. Достижению целей реализации исключений соответствуют такие их функции, как регулятивная, охранительная, гарантирующая, стимулирующая, компенсационная. Изучение целей и функций исключений необходимо для надлежащего объяснения инструментальной составляющей данного феномена.

Исключения не просто отображаются в формах права, но и сами служат в качестве правотворческих средств, позволяя достичь консенсуса между формой и содержанием права. Указанный ракурс ориентирует на постижение сущности режима исключений, взаимозависимости исключений с отсылками и оговорками, взаимодействия исключений с аксиомами, презумпциями, принципами права.

Практическое претворение исключений конкретизируется в таких формах правореализации, как соблюдение, исполнение, использование, применение. Весьма актуальным является анализ трансформации дозволений и ограничений относительно соблюдения, исполнения и использования

исключений из правил. В свою очередь, магистральной формой реализации исключений выступает применение права, что обуславливает исследование властной природы исключений, субъектов, их применяющих, процессуального характера применения исключений, роли усмотрения в правоприменительном процессе.

Толкование исключений направлено на минимизацию негативного эффекта, который может возникнуть в ходе реализации, прежде всего, применения исключений. Исключения подвержены всем видам толкования, подразделяемым по субъектам, объему, средствам. Толкование исключений устраняет либо смягчает имеющиеся в отношении них не только правоприменительные, но и правотворческие неточности, ошибки и погрешности.

Механизм реализации исключений – комплексная юридическая конструкция, включающая в себя правотворческую, правоприменительную и правоинтерпретационную составляющие, направленная на практическое претворение в реальную жизнь исключений из правил, нуждающаяся в дальнейшем теоретическом осмыслении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
8. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
9. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

11. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 № 81-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2207.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
14. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
16. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
17. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
18. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1). – Ст. 14.
19. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
20. Закон СССР от 22 мая 1991 г. № 2184-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 1991. – № 24. – Ст. 689.
21. Закон СССР от 10 июля 1991 г. № 2326-I «Об ограничении монополистической деятельности в СССР» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1991. – № 31. – Ст. 885.

22. Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.
23. Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 50. – Ст. 4870.
24. Федеральный закон от 08 декабря 2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4850.
25. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
26. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 415-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О центральном депозитари» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7357.
27. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Болгарии о взаимных поездках граждан (София, 5 марта 2002 г.) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 4.
28. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия - звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – № 37. – 8 июля.

Официальные документы

29. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного суда Республики Татарстан от 06 сентября 2012 г. по делу № 33-9009/2012 // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).
30. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Мордовия от 16 августа 2016 г. по делу № 33-1954/2016 // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).
31. Апелляционное определение СК по гражданским делам Омского областного суда от 15 марта 2017 г. по делу № 33-1516/2017 // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).
32. Определение Московского городского суда от 15 октября 2013 № 4г-8260/13 // СПС «Гарант» (текст документа официально опубликован не был).
33. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июля 2011 г. Дело «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства» (Al-Skeini and Others v. United Kingdom) (жалоба № 55721/07) (Большая Палата) (извлечение) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2012. – № 1.
34. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 июня 2015 г. Дело «Чирагов и другие (Chiragov and Others) против Армении» (жалоба № 13216/05) (Большая Палата Европейского Суда) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2015. – № 12.
35. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 февраля 2017 г. Дело «Лашманкин и другие (Lashmankin and Others) против Российской Федерации» (Жалоба № 57818/09 и 14 других, см. приложенный перечень) (Третья секция) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека «Российская хроника ЕС. Специальный выпуск». – 2018. – № 1.

36. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 5.
37. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. – 2016. – № 70. – 4 апреля.
38. Приказ Министерства энергетики РФ от 8 мая 2013 г. № 231 «Об утверждении примерных должностных регламентов государственных гражданских служащих Министерства энергетики Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2013. – № 32. (без Приложений 1-20).
39. Письмо ПФР от 29 августа 2005 г. № КА-09-26/9050 «О разъяснении определений Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2005 № 164-О, 165-О, 210-О, 211-О, 212-О, 213-О» // Сборник Разъяснений по применению законодательства РФ, регулирующего вопросы уплаты страховых взносов на обязательное пенсионное страхование в виде фиксированного платежа, с учетом решений Конституционного Суда РФ. – Москва. – 2005.
40. Решение Первомайского районного суда г. Пензы от 20 февраля 2018 года. Дело № 2-150/2018 // Архив Первомайского районного суда г. Пензы.
41. Решение Первомайского районного суда г. Пензы Дело № 5-139/2019 // Архив Первомайского районного суда г. Пензы.
42. Федеральное отраслевое соглашение по угольной промышленности на 2019 - 2021 годы (подписано 18 января 2019 г.) // Газета «Солидарность». – 2019. – № 13. – от 27 марта - 3 апреля.

Научные издания

43. *Алексеев, С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1989. – 288 с.
44. *Алексеев, С. С.* Тайна права: его понимание, назначение и социальная ценность: рез. с претензией / С. С. Алексеев. – М.: НОРМА, 2001. – 161 с.
45. *Алексеев, С. С.* Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М.: НОРМА, 2001. – 752 с.
46. *Алексеев, С. С.* Собрание сочинений: в 10 т. / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 2. – 470 с.
47. *Аскин, Я. Ф.* Философский детерминизм: пособие по диалект. материализму / Я. Ф. Аскин / Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов: (б. и.), 1974. – 67 с.
48. *Баранов, В. М.* Истинность норм советского права: пробл. теории и практики / В. М. Баранов; под ред. М. И. Байтина. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 400 с.
49. *Байтин, М. И.* Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Изд. 2-е, доп. – М.: Право и государство, 2005. – 544 с.
50. *Баранов, В. М., Овчинников, А. И., Самарина, А. А.* Экстерриториальное пространство права / В. М. Баранов, А. И. Овчинников, А. А. Самарина. – М.: Изд-во Проспект. – 2018. – 176 с.
51. *Бергсон, А.* Собрание сочинений. Т. 1-5 / Анри Бергсон. – СПб.: М. И. Семенов, 1913 -1914. – Т. 1. – 331 с.
52. *Бондарь, Ю. С. Каправнова, Ю. В.* Конституционное измерение равноправия граждан Российской Федерации / Ю. С. Бондарь, Ю. В. Каправнова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 190 с.
53. *Вернадский, Г. В.* История России. Монголы и Русь: пер. с англ. / Г. В. Вернадский. – Тверь: ЛЕАН; М.: Аграф, 1997. – 480 с.

54. *Ветютнев, Ю. Ю.* Аксиология правовой формы / Ю. Ю. Ветютнев. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
55. *Власенко, Н. А.* Коллизионные нормы в советском праве / Н. А. Власенко; науч. ред.: А. Ф Черданцев. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. – 99 с.
56. *Власенко, Н. А.* Разумность и определенность в правовом регулировании. Reasonableness and certainty in legal regulation / Н. А. Власенко; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 156 с.
57. *Власенко, Н. А.* Избранное / Н.А. Власенко. – М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 688 с.
58. *Виниченко, Ю. В.* Категория разумности в гражданском праве России / Ю. В. Виниченко; Федеральное агентство по образованию, Байкальский гос. ун-т экономики и права. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 170 с.
59. *Вопленко, Н. Н.* Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. – М.: Юрид. лит., 1976. – 118 с.
60. *Гофман, А. Б.* Социологические концепции Марселя Мосса / А. Б. Гофман // Концепции зарубежной этнологии / редколлегия: Ю. В. Бромлей (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1976. – 215 с.
61. *Градовский, А. Д.* Начала русского государственного права / А. Д. Градовский. Тома I-III. – СПб.: типография М. Стасюлевича, 1875. – Т. 1. – 436 с.; 1876. – Т.2. –354 с.; 1883. – Т. 3. – 384 с.
62. *Гук, П. А.* Судебное нормотворчество: теория и практика: моногр. / П. А. Гук; изд. 2-е доп. – Саарбрюкен (Германия): LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co, 2012. – 196 с.
63. *Гук, П. А.* Основы судебного нормотворчества: избранные труды / П. А. Гук. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – 248 с.
64. *Давид, Р.* Основные правовые системы современности / Рене Давид; пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. – М.: Прогресс, 1988. – 495 с.

65. *Давид, Р., Жоффре-Спинози, К.* Основные правовые системы современности / Рене Давид, К. Жлфffre-Спинози; пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения. – 1999. – 400 с.
66. *Давыдова, М. Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М. Л. Давыдова. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2009. – 317 с.
67. *Золотарев, А. М.* Родовой строй и первобытная мифология / А. М. Золотарёв. – М.: Наука, 1964. – 328 с.
68. *Казакевич, Т. А.* Целесообразность и цель в общественном развитии / Т. А. Казакевич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. – 96 с.
69. *Кашанин, А. В., Третьяков, С. В.* Общетеоретические основания исследования проблем правоприменения / А. В. Кашанин, С. В. Третьяков // Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – 432 с.
70. *Ключевский, В. О.* Сочинения: в 9 т. / В. О. Ключевский; под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 432 с.
71. *Куликова, О. Б.* Философия познания: анализ основных проблем. Общая характеристика методов научного познания: учебно-методическое пособие / О. Б. Куликова. – Иваново: Ивановский гос. энергетический ун-т им. В. И. Ленина, 2009. – 91 с.
72. *Лазарев, В. В.* Пробелы в праве и пути их устранения / В. В. Лазарев. – М.: Юрид. лит., 1974. – 184 с.
73. *Ленин, В. И.* Полное собрание / В. И. Ленин. – Издание 5-е. – М.: Госполитиздат, май - июль 1917. - 1962. – Т. 32. – 605 с.
74. *Лейст, О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / О. Э. Лейст; под ред.: В. А. Томсинов. – М.: Зерцало, 2008. – 452 с.
75. *Макаров, М. Г.* Категория «цель» в домарксистской философии / М. Г. Макаров. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 188 с.
76. *Малахов, В. П.* Концепция философии права: научное издание / В. П. Малахов. – М.: ЮНИТИ, 2012. – 751 с.

77. *Малько, А. В.* Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Юристь, 2003. – 250 с.
78. *Малько, А. В., Шундилов, К. В.* Цели и средства в праве и правовой политике / А. В. Малько, К. В. Шундилов. – Саратов: Изд-во СГАП, 2003. – 296 с.
79. *Малько, А. В., Субочев, В. В.* Законные интересы как правовая категория / А. В. Малько, В. В. Субочев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 359 с.
80. *Малько, А. В.* Льготная и поощрительная правовая политика / А. В. Малько. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 233 с.
81. *Малько, А. В., Суменков, С. Ю.* Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения / А. В. Малько, С. Ю. Суменков. – Пенза: Информационно-издательский центр ПГУ, 2005. – 180 с.
82. *Матузов, Н. И., Ушакова, Н. В.* Возможность и действительность в российской правовой системе / Н. И. Матузов, Н. В. Ушанова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратов. гос. академия права», 2010. – 392 с.
83. *Мердок, Дж. П.* Социальная структура / Дж. П. Мердок; пер. с англ. и коммент. А. В. Коротаяева. – М.: О.Г.И, 2003. – 608 с.
84. *Москалькова, Т. Н.* Нормотворчество: научно-практическое пособие / Т. Н. Москалькова, В. В. Черников. – Изд. 2-е, доп. и испр. – М.: Проспект, 2015. – 446 с.
85. *Небайло, П. Е.* Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М.: Госюриздат, 1960. – 150 с.
86. *Никитин, А. А.* Общие вопросы усмотрения в праве / А. А. Никитин. – Саратов: ИЦ «Наука», 2019. – 167 с.
87. *Придворов, Н. А., Трофимов, В. В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве / Н. А. Придворов, В. В. Трофимов. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 400 с.
88. *Радбрух, Г.* Введение в науку права / Г. Радбрух; пер.: М. М. Островская, И. З. Штейнберг; вступ. ст.: Б. Кистяковский. – М.: Труд, 1915. – 160 с.

89. *Радько, Т. Н.* Методологические вопросы познания функций права / Т. Н. Радько. – Волгоград: Высш. следств. школа, 1974. – 151 с.
90. *Радько, Т. Н., Толстик, В. А.* Функции права / Т. Н. Радько, В. А. Толстик. – Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1995. – 106 с.
91. *Регельсбергеръ, Ф.* Общее учение о правѣ: пер. И.А. Базанова / Ф. Регельсбергеръ; под ред. Ю. С. Гамбарова. – М.: Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина. – 1897. – 295 с.
92. *Репьев, А. Г.* Преимущества в праве: общетеоретический аспект / А. Г. Репьев; под редакцией профессора А.С. Мордовца. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. – 2018. – 243 с.
93. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода расцвета абсолютизма. В 9-и томах. Т. 5 / отв. ред.: Е. И. Индова; под общ. ред.: О. И. Чистяков. – М.: Юрид. лит. – 1987. – 528 с.
94. *Рубинштейн, С. Л.* Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира / С. Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 328 с.
95. *Рубинштейн, С. Л.* Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1976. – 416 с.
96. Юридическая техника / Рудольф фон Иеринг; сост.: А. В. Поляков. – М.: Статут, 2008. – 231 с.
97. *Рысин, А. В.* Революция в физике на основе исключения парадоксов / А. В. Рысин, О. В. Рысин, В. Н. Бойкачев, И. К. Никифоров. – М., 2013. – 935 с.
98. *Сенякин, И. Н.* Специальные нормы советского права / И. Н. Сенякин; под ред.: М. И. Байтин. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 97 с.
99. *Субочев, В. В.* Законные интересы в механизме правового регулирования / В. В. Субочев. – М.: Юристъ, 2007. – 188 с.

100. *Султанов, Т. И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Lifted up on the white khoshma. Ghengis Khan's descendants / Т. И. Султанов. – Алматы: Дайк-пресс, 2001. – 273 с.
101. *Суменков, С. Ю.* Исключения в праве: теоретические основы, юридическая оценка, системный анализ / С. Ю. Суменков; под ред.: А. В. Малько. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юр. акад.», 2012. – 348 с.
102. *Суменков, С. Ю.* Правовой режим исключений // Правовые режимы: общетеоретический и отраслевые аспекты / С. Ю. Суменков; под ред.: И. С. Барзилова, А. В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2012. - 416 с.
103. *Суменков, С. Ю.* Высшие судебные органы как создатели исключений из правил // Суд как субъект правовой политики / С. Ю. Суменков; под ред.: А. В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 232 с.
104. *Суменков, С. Ю.* Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ / С. Ю. Суменков; под ред. докт. юрид. наук, проф., засл. деятеля науки РФ А. В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 372 с.
105. *Суменков, С. Ю.* Исключения в механизме правового регулирования / С. Ю. Суменков. – М.: Изд. ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2019. – 134 с.
106. *Тихомиров, Ю. А.* Правоприменение: теория и практика / Ю. А. Тихомиров; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – 432 с.
107. *Тихомиров, Ю. А.* Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.
108. *Трофимов, В. В.* Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / В. В. Трофимов; под ред. д. ю. н., проф. Н. А. Придворова. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – 308 с.
109. *Тугаринов, В. П.* Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 124 с.

110. *Черданцев, А. Ф.* Толкование советского права: (Теория и практика) / А. Ф. Черданцев. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с.
111. *Экимов, А. И.* Интересы и право в социалистическом обществе / А. И. Экимов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 134 с.
112. *Эшби, У. Р.* Введение в кибернетику / У. Р. Эшби; пер. с англ. Д. Г. Лахути; под ред. В. А. Успенского; с предисл. А. Н. Колмогорова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959. – 432 с.
113. *Явич, Л. С.* Право и социализм / Л. С. Явич. – М.: Юрид. лит., 1982. – 176 с.
114. *Якупов, Р. Х.* Правоприменение в уголовном процессе России. Юридические проблемы / Р. Х. Якупов. – М.: Изд-во МВШМ МВД РФ, 1993. – 195 с.

**Публикации в периодических изданиях, материалы конференций,
сборники научных трудов**

115. *Бару, М. И.* Унификация и дифференциация норм трудового права / М. И. Бару // Советское государство и право. – 1971. – № 10. – С. 45-50.
116. *Баранов, В. М.* Правовые исключения: теория, практика, техника / В. М. Баранов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 1 (37). – С. 145-157.
117. *Баранова, М. В.* Исключения из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества / М. В. Баранова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 1 (120). – С. 82-90.
118. *Белоусов, С. А., Суменков, С. Ю.* Исключения в праве как возможность достижения баланса либо обретения дисбаланса: общетеоретический анализ / С.А. Белоусов, С. Ю. Суменков // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. № 3 (43). – С. 45-50.

119. *Бондарь, Ю. С.* Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права / Ю. С. Бондарь // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 75–85.
120. *Вележев, С. С.* Нормативность права как проявление нормативного сознания / С. С. Вележев // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 2 (19). – С. 58-60.
121. *Волегов, Ю. Б.* Значение дифференциации для совершенствования трудового законодательства / Ю. Б. Волегов // Советское государство и право. – 1982. – № 1. – С. 50-61.
122. *Вопленко, Н. Н.* Виды и акты официального толкования права. Modes and acts of the official interpretation on law / Н. Н. Вопленко // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 2 (12). – С. 29-64.
123. *Волушкова, А. Ю.* Анализ работы с исключениями в различных языках программирования / А. Ю. Волушкова // Образовательные ресурсы и технологии. – 2014. – № 1 (4). – С. 62-67.
124. *Войнов, Д. А.* Процессы зарождения государства и государственного управления в древних аполитийных обществах / Д. А. Войнов // Проблемы государственного управления, экономики, юриспруденции и психологии / Сборник научных трудов. – М. – 2014. – Вып. 1. – 119-131.
125. *Гук, П. А., Суменков, С. Ю.* Правовые исключения и их реализация в судебной деятельности / П. А. Гук, С. Ю. Суменков // Журнал российского права. – 2006. – № 8. – С. 123-130.
126. *Денисов, Г. И.* Юридическая техника: теория и практика / Г. И. Денисов // Журнал российского права. – 2005. – № 8 (104). – С. 86-96.
127. *Деревнин, А. А.* Специальные нормы в российском праве / А. А. Деревнин // Академический юридический журнал. – 2002. – № 1. – С. 10-14.
128. *Деревнин, А. А.* Исключительные нормы в праве / А. А. Деревнин // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: сб. науч.

- тр. / отв. ред. А.А. Усачев. – М.; Иркутск: ГОУ ВПО РПА Минюста России. – 2007. – Вып. 4. – С. 10–17.
129. *Емельянов, А. А., Власова, Е. А.* Решение задачи взаимного исключения и координации процессов / А. А. Емельянов, Е. А. Власова // Прикладная информатика. – 2007. – 6 (12). – С. 123-128.
130. *Зубенко, В. М.* Юридическая помощь несовершеннолетним, содержащимся в местах лишения свободы / В. М. Зубенко // Адвокат. – 2007. – № 11 // СПС «Гарант» (дата обращения 04.04.2019 г.).
131. *Исаенков, А. А., Исаенкова, О. В.* Исключения в российском гражданском судопроизводстве / А. А. Исаенков, О. В. Исаенкова // Сборник: Проблемы гражданского права и процесса, сборник научных статей. – Гродно. – 2018. – С. 288-300.
132. *Кичигин, Д. Ю., Машечкин, И. В., Петровский, М. И.* Реализация алгоритма поиска исключений в виде провайдера OLE DB FOR DATA MINING / Д. Ю. Кичигин, И. В. Машечкин, М. И. Петровский // Программные продукты и системы. – 2004. – № 2. – С. 30-35.
133. *Кудрявцев, В. Н.* Юридические нормы и фактическое поведение / В. Н. Кудрявцев // Советское государство и право. – 1980. – № 2. – С. 12-20.
134. *Макуев, Р. Х.* Применение права как особая форма реализации права / Р. Х. Макуев // Государство и право. – 2019. – № 3. – С. 38-49.
135. *Малков, В. П.* Конкуренция уголовно-правовых норм её преодоление / В. П. Малков // Сов. гос. и право. – 1975. – № 3. – С. 59-66.
136. *Малько, А. В., Роман, Е. А.* Исключения в праве и правовые фикции: технико-юридический аспект / А. В. Малько, Е. А. Роман // Право и управление. XXI век. – 2015. – № 4 (37). – С. 15-19.
137. *Минникес, И. А.* Казуальное толкование: проблемы теории и практики / И. А. Минникес // Академический юридический журнал. – 2016. – № 1 (63). – С. 4-9.

138. *Морозова И. С.* Юридические исключения как объект научного исследования / И. С. Морозова // *Юридическая мысль. Научно-практический журнал.* – 2006. – № 6 (37). – С. 16-29.
139. *Морозова, И. С.* Синергетическая детерминация юридических исключений / И. С. Морозова // *Современное право.* – 2007. – № 1. – С. 62-66.
140. *Нарский, И. С.* Ценность и полезность / И. С. Нарский // *Философские науки.* – 1969. – №3. – С. 61-67.
141. *Неяскин, Д. С.* Исключительные нормы как особая разновидность специальных норм / Д. С. Неяскин // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* – 2017. – № 6 (119). – С. 64-69.
142. *Никитюк, С. М.* Понятия «правообразование» и «правотворчество» в отечественной теории права / С. М. Никитюк // *Вестник Пермского института ФСИН России.* – 2018. – 1 (28). – С. 1.
143. *Павлов, А. В.* Алгебра Фурье - дуальных операций: логика с исключением / А. В. Павлов // *Искусственный интеллект и принятие решений.* – 2012. – №3. – С. 26-38.
144. *Репьев, А. Г.* Правовые преимущества и законодательные исключения / А. Г. Репьев // *Правовые преимущества и законодательные исключения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* – 2017. – Т. 8. – Вып. 4. – С. 392-402.
145. *Розенко, С. В.* Исключение в российском уголовном праве: проблемы системности и развития / С. В. Розенко // *Стратегические направления противодействия преступности на национальном и транснациональном уровнях: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции.* – Ханты-Мансийск. – 2020. – С. 81-86.
146. *Роман, Е. А.* Исключения в праве и правовые аксиомы: вопросы соотношения / Е. А. Роман // *Современное общество и право.* – 2016. – № 1 (22). – С. 18-23.

147. *Роман, Е.А.* Формальная определенность как характеристика правового исключения / Е. А. Роман // *Юридическая гносеология*. – 2017. – № 2. – С. 34-37.
148. *Рубис, Л. Г.* Методические рекомендации по исключению несчастных случаев на маршрутах / Л. Г. Рубис // *Педагогика и современность*. – 2017. – № 1 (27). – С. 76-78.
149. *Рувинский, Р. З.* Право, исключение, кризис: диалектика взаимосвязей / Р. З. Рувинский // *Известия вузов. Правоведение*. – 2017. – № 1. – С. 52-69.
150. *Сокова, Г. Г., Землякова, И. В., Музалевская, А. А.* Распознавание параметров переплетения ткани с использованием формулы включений и исключений / Г. Г. Сокова, И. В. Землякова, А. А. Музалевкая // *Вестник Костромского государственного технологического университета*. – 2008. – №17. – С. 28-29.
151. *Соловьев, С. А.* Исключения в уголовно-процессуальном праве России: теоретический аспект и нормативная реализация этого феномена на примере частей первой и второй уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / С. А. Соловьев // *Судебная власть и уголовный процесс*. – 2017. – № 1. – С. 124-133.
152. *Суменков, С.Ю.* Норма права как выражение юридических исключений / С. Ю. Суменков // *Российский юридический журнал*. – 2009. – № 2 (65). С. 17-21.
153. *Суменков, С. Ю.* Принципы права и исключения в праве / С. Ю. Суменков // *Государство и право*. – 2009. – № 5. – С. 23-30.
154. *Суменков, С. Ю.* Исключения в праве: закономерное и случайное / С. Ю. Суменков // *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. Тамбов, 2009. – Вып. № 2 (70). – С. 203-207.
155. *Суменков, С. Ю.* Исключения из правил как прием правотворческой техники / С. Ю. Суменков // *Правотворческая политика в современной*

- России : сб. науч. тр. по материалам Всероссийского круглого стола / под общ. ред. А. В. Малько, Н. В. Исакова, А. П. Мазуренко. Саратов: Саратов. филиал ИГП РАН ; Минеральные Воды: Северо-Кавказ. Филиал Моск. гуманит.-экон. ин-та. – 2009. – С. 318–324.
156. Суменков, С. Ю. Целевое предназначение исключений в праве / С. Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной академии права. Саратов. – 2009. – № 5 (69). – С. 30-33.
157. Суменков, С. Ю. Исключительный случай: проблемы законодательного определения / С. Ю. Суменков // Журнал российского права. – 2009. – № 7. – С. 58-67.
158. Суменков, С. Ю. Правила и исключения: философско-правовые основания парности / С. Ю. Суменков // Философия права. – 2010. – № 6. – С. 60-64.
159. Суменков, С. Ю. Оговорка «за исключением»: специфика смысловой нагрузки / С. Ю. Суменков // Проблемы права. – 2011. – № 1. – С. 133-136.
160. Суменков, С. Ю. Понятие «исключение в праве» и проблемы его терминологического выражения / С. Ю. Суменков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2011. – № 1. – С. 71-83.
161. Суменков, С. Ю. Правовые презумпции и исключения в праве: пределы допустимости / С. Ю. Суменков // Право и государство: теория и практика. 2014. № 11(119). – С. 10-14.
162. Суменков, С. Ю. Исключения в праве как юридические средства: вопросы теории и практики / С. Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2016. – № 5 (112). – С. 23-28.
163. Суменков, С. Ю. Нормативный правовой акт как базовая форма воплощения исключений в праве / С. Ю. Суменков // Lex Russica (Русский закон). – 2016. – № 7. (116). – С. 59-69.
164. Суменков, С. Ю. Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил / С.Ю. Суменков // Вестник

- Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6 (119). – С. 30-36.
165. *Суменков, С. Ю.* Исключения в праве и преимущества в праве: критический анализ оценки соотношения / С. Ю. Суменков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 4 (129). – С. 27-38.
166. *Сухова, Н. И.* Особенности техники толкования правовых исключений / Н. И. Сухова // Современная юридическая наука и правоприменение (III Саратовские правовые чтения) : сб. тезисов докладов (по материалам Всероссийской научно-практической конференции, г. Саратов, 3-4 июня 2010 г.) / отв. ред. О. С. Ростова. Саратов : Изд-во СГАП. – 2010. – С. 115–116.
167. *Темрезов, Т. Б.* Исключительный случай, особый случай, необходимый случай: аспекты разграничения / Т. Б. Темрезов // Юридические технологии в правовой политике. Ежегодник. – 2017. – № 5. – С. 32-39.
168. *Трофимов, В. В.* Правообразование в современном обществе: актуальные аспекты теории и методологии / В. В. Трофимов // Российский юридический журнал. – 2010. – № 5. – С. 50-57.
169. *Уксусов, С. Н., Соловьев, А. В.* Применение метода жордановых исключений в случае конфликтных ситуаций в строительстве / С. Н. Уксусов, А. В. Соловьев // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. – 2013. – 2 (15). – С. 89-93.
170. *Черданцев, А. Ф.* Системность норм права / А. Ф. Черданцев // Сборник ученых трудов. Сборник ученых трудов СЮИ. Свердловск. – 1970. – Вып. 12. – С. 47-63.
171. *Черданцев, А. Ф.* Правовое регулирование и конкретизация права / А. Ф. Черданцев // Применение советского права. Сборник ученых трудов. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та. – 1974. – Вып. 30. – С. 15-37.

172. *Черданцев, А. Ф.* Логическая характеристика права как системы / А. Ф. Черданцев // Правоведение. – 1983. – № 3. – С. 13-21.

Справочные и учебные издания

173. *Алексеев, С. С.* Общая теория социалистического права: введение. Сущность социалистического права. Курс лекций: учебное пособие. / С. С. Алексеев; ред.: О. А. Красавчиков. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1963. – Вып. 1. – 265 с.
174. *Алексеев, С. С.* Проблемы теории и права: курс лекций: в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.
175. *Алексеев, С. С.* Эффективность социалистического права // Проблемы теории государства и права: учебное пособие / С. С. Алексеев, И. Я. Дюрягин, В. М. Корельский, Р. К. Русинов и др.; отв. ред.: С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1979. – 392 с.
176. *Алексеев, С. С.* Общая теория права: курс в 2 т. / С. С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 359 с.
177. *Алексеев, С. С.* Общая теория права: учебник / А. А. Алексеев. – Изд. 2-е. – М.: Проспект, 2008. – 565 с.
178. *Бабаев, В. К., Баранов, В. М., Гойман, В. И.* Словарь категорий и понятий общей теории права / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. И. Гойман. – Н. Новгород: Нижегородская ВШ МВД РФ, 1992. – 97 с.
179. *Бошно, С. В.* Правоведение: основы государства и права: учебное пособие / С. В. Бошно. – М.: Эксмо, 2007. – 490 с.
180. Большой юридический словарь / В. А. Белов и др.; под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 703 с.
181. *Бялт, В. С.* Документационное обеспечение управления. Юридическая техника: учебное пособие для среднего профессионального образования / В. С. Бялт. – Изд. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 103 с.

182. *Венгеров, А. Б.* Теория государства и права / А. Б. Венгеров. М.: Юриспруденция, 1999. – 520 с.
183. *Воеводин, Л. Д.* Юридический статус личности в России: учебное пособие / Л. Д. Воеводин; отв. ред.: Н. А. Богданова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, Норма, Инфра-М, 1997. – 304 с.
184. *Вопленко, Н. Н.* Понятие и особенности применения права / Н. Н. Вопленко // *Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т.* / отв. ред. М. Н. Марченко. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2007. – Т. 2. – 802 с.
185. *Доброхотов, А. Л.* Цель. Новая философская энциклопедия / А. Л. Доброхотов. М.: Мысль, 2000. – 245 с.
186. *Словарь русского языка: в 4-х т.* / АН СССР, Ин-т рус. яз.: под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – Т. 4. – 794 с.
187. *Керимов, Д. А.* Общая теория государства и права / Д. А. Керимов; отв. ред. Д. А. Керимов и др. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. – 528 с.
188. *Кашанина, Т. В.* Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы: учебное пособие / Т. В. Кашанина. – М.: Юристъ. 1999. – 332 с.
189. *Кашанина, Т. В.* Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
190. *Макуев, Р. Х.* Теория государства и права / Р. Х. Макуев. – М.: Юристъ, 2006. – 572 с.
191. *Матузов, Н. И., Малько, А. В.* Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.:Юристъ, 2006. – 541 с.
192. *Марченко, М. Н.* Источники права: учеб. пособие для студентов вузов / М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2005. – 759 с.

193. *Марченко, М. Н.* Правовые системы современного мира: учебное пособие / М. Н. Марченко. – Издание 2-е, перераб. и доп. – М.: Зерцало-М, 2009. – 528 с.
194. *Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Изд. 4-е, доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
195. *Пиголкин, А. С.* Общая теория права: учебник / Ю. А. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев О. Э. Лейст и др.; под общ. ред.: А. С. Пиголкин – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 1996. – 384 с.
196. *Радько, Т. Н., Лазарев, В. В., Морозова, Л. А.* Теория государства и права: учебник/ Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. – М.: Проспект, 2016. – 568 с. // СПС «Гарант»(дата обращения 13.12.2018 г.).
197. *Тихомиров, Ю. А.* Правотворчество / Ю. А. Тихомиров // Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2007. – Т. 2. – С. 397.
198. Хрестоматия по истории отечественного государства и права. Ч. 1 / сост. И. Ю. Маньковский. – Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2014. – 246 с.
199. *Шагиева, Р. В.* Основы нормотворчества: учебное пособие / Р. В. Шагиева, Н. Н. Димитров; под общ. ред. Р.В. Шагиевой. – М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2013. – 142 с.
200. *Шершеневич, Г. Ф.* Общая теория права: учебное пособие (по изданиям 1910-1912 гг.) / Г. Ф. Шершеневич; вступ. ст. М. Н. Марченко. – М., 1995. – Т. 1. – Вып. 1. – 833 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

201. *Алексеева, Т. М.* Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Алексеева Т. М. – М., 2015. – 31 с.

202. *Афзалетдинова, Г. Х.* Исключительные режимы в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Афзалетдинова Г. Х. – М., 2016. – 29 с.
203. *Березовская, Е. В.* Правотолкование и индивидуальное правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01 / Березовская Е. В. – Казань, 2005. – 34 с.
204. *Виниченко, Ю. В.* Разумность в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Виниченко Ю. В. – Иркутск, 2003. – 190 с.
205. *Власенко, И. А.* Компенсационная функция права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Власенко И. А. – Н. Новгород, 1995. – 18 с.
206. *Гаврилов, Д. А.* Правоприменительное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилов Д. А. – Саратов, 2000. – 24 с.
207. *Гаврилова, Ю. А.* Толкование права по объему: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилова Ю. А. – Саратов, 2008. – 30 с.
208. *Гусева, С. В.* Место и роль презумпций в структуре юридического знания: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Гусева С. В. – Саратов, 2009. – 19 с.
209. *Давыдова, М. Л.* Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники: автореф. дис.... д-ра. юрид. наук: 12.00.01 / Давыдова М. Л. – Волгоград, 2010. – 50 с.
210. *Кайтаева, Х. И.* Правотворчество в правовом государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кайтаева Х. И. – М., 2006. – 23 с.
211. *Коваленко, К. Е.* Разумность в праве: основные формы проявления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Коваленко К. Е. – Екатеринбург, 2015. – 29 с.
212. *Козырева, А. Б.* Корпоративное правотворчество: теория и практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Козырева А. Б. – М., 2016. – 232 с.

213. *Колоколов, Я. Н.* Аутентическое официальное толкование норм права: теория, практика, техника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Колоколов Я. Н. – Н. Новгород, 2011. – 36 с.
214. *Комарова, Т. А.* Верховенство права, разумность и справедливость как основные начала системы пересмотра судебных актов в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Комарова Т. А. – Саратов, 2017. – 21 с.
215. *Кошелева, В. В.* Акты судебного толкования правовых норм: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кошелева В. В. – Саратов, 1999. – 28 с.
216. *Куандыков, М. К.* Судебный прецедент как источник права в англосаксонской системе права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Куандыков М. К. – Алматы, 2002. – 27 с.
217. *Кузьмина, М. В.* Компенсационная функция права в механизме ее реализации по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кузьмина М. В. – М., 2015. – 186 с.
218. *Куковякин, А. Е.* Исключительные обстоятельства как основание смягчения наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Куковякин А. Е. – Омск, 2018. – 23 с.
219. *Лашков, А. С.* Правотворческие ошибки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лашков А. С. – СПб, 2000. – 21 с.
220. *Лебедева, Е. Н.* Механизм правового стимулирования социально-активного поведения: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Лебедева Е. Н. – Саратов, 2002. – 26 с.
221. *Минникес, И. А.* Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Минникес И. А. – Екатеринбург, 2009. – 54 с.
222. *Мифтахов, А. М.* Индивидуализация наказания при его назначении с учетом исключительных обстоятельств в российском уголовном праве:

- автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мифтахов А. М. – Н. Новгород, 2012. – 29 с.
223. *Морозова, И. С.* Теория правовых льгот: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Морозова И. С. – Саратов, 2007. – 46 с.
224. *Муравьев И. А.* Законодательное исключение (теория, практика, техника): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Муравьев И. А. – Н. Новгород, 2009. – 234 с.
225. *Муравьев И. А.* Законодательное исключение (теория, практика, техника): автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Муравьев И. А. – Н. Новгород, 2009. – 33 с.
226. *Мурсалимов, К. Р.* Правоприменительные ошибки: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мурсалимов К. Р. – Н. Новгород, 2000. – 25 с.
227. *Недежин, Г. Н.* Доктринальное толкование норма права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Недежин Г. Н. – Н. Новгород, 2005. – 25 с.
228. *Новиков, Н. И.* Нормативное толкование в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Новиков Н. И. – Ростов-на-Дону, 2009. – 23 с.
229. *Осипов, А. В.* Соблюдение норм советского права как форма их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Осипов А. В. – Саратов, 1980. – 23 с.
230. *Пашина, С. Г.* Правоинтерпретационные ошибки. Проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Пашина С. Г. – Н. Новгород, 2000. – 25 с.
231. *Репьев, А. Г.* Преимущества в российском праве: теория, методология, техника : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Репьев А. Г. – Саратов, 2019. – 529 с.
232. *Решетов, Ю. С.* Механизм реализации советского права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Решетов Ю. С. – Казань, 1991. – 253 с.

233. *Решетов, Ю.С.* Механизм реализации советского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Решетов Ю. С. – М., 1991. – 46 с.
234. *Рогачёв, Д. Н.* Разумность как общеправовая категория: проблемы теории, техники, практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Рогачев Д. Н. – Н. Новгород, 2010. – 35 с.
235. *Сапун, В.А.* Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Сапун В. А. – Н. Новгород, 2002. – 321 с.
236. *Субочев, В. В.* Теория законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Субочев В. В. – Тамбов, 2009. – 57 с.
237. *Суменков, С. Ю.* Исключение в праве: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Суменков С. Ю. – Саратов, 2016. – 58 с.
238. *Суменков, С. Ю.* Исключения в праве: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Суменков С. Ю. – Саратов, 2016. – 475 с.
239. *Сучков, Д. Д.* Характеристики целей как факторы субъективного благополучия: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.01 / Сучков Д. Д. – М., 2017. – 29 с.
240. *Сенников, И. Е.* Использование права как форма непосредственной реализации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сенников И. Е. – Н. Новгород, 2003. – 21 с.
241. *Сенякин, И. Н.* Специализация и унификация российского законодательства: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Сенякин И. Н. – Саратов, 1993. – 34 с.
242. *Сидоренко, М. В.* Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: автореф. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.09 / Сидоренко М. В. – М., 2019. – 61 с.
243. *Синюков, С. В.* Механизм правотворчества: автореф. дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Синюков С.В. – Саратов, 2012. – 27 с.
244. *Сипулин, С. В.* Судебный прецедент как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сипулин С. В. – Краснодар, 2008. – 24 с.

245. *Ткачук, О. В.* Отсылки в российском законодательстве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ткачук О. В. – Н. Новгород, 2008. – 33 с.
246. *Туранин, В. Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Туранин В. Ю. – Белгород, 2017. – 45 с.
247. *Шаронов, В. С.* Исполнение права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01/ Шаронов В. С. – Саратов, 2018. – 26 с.
248. *Экимов, А. И.* Категория цель в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Экимов А. И. – Л., 1970. – 16 с.

Издания на иностранном языке

249. *Heuschling, L.* Qo' est-ceque, en droit, une «exception»? / Luc Heuschling // La normeetses exceptions: Quels defies pour la regle de droit? / Sous la direction de Marthe de Fatin-Rouge Stefanini, Arine Vidal-Naquet. – Bruxelles: Bruylant. – 2014. – P. 45-85.

Интернет-ресурсы

250. *Давыдова, М. Л.* Правовая норма, нормативное предписание, законодательное исключение – разнопорядковые категории / М. Л. Давыдова // Юридические исследования. – 2016. – № 4. – С. 37-44 // URL: <http://e-notabene.ru> (дата обращения 07.08.2018).
251. Официальный сайт Конституционного Суда РФ // URL: <http://www.ksrf.ru/ru>. (дата обращения 08.01.2020).
252. Официальный интернет-портал правовой информации: URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.03.2019).
253. Сайт «Дышу православием» // URL: <http://www.dishupravoslaviem.ru> (дата обращения 01.07.2018).
254. Великая Яса и Билик. Законы и изречения Чингисхана (сохранившиеся фрагменты) // URL:[http:// mirtesen.ru](http://mirtesen.ru) (дата обращения 01.06.2018).
255. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. М., 2011 // СПС «Гарант» (дата обращения 02.08.2018).